

85 коп.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

Александр Яшин ДНЕВНИКИ

84 5708

Александр Яшин

ДНЕВНИКИ

1941 · 1945

Александр Яшин

ДНЕВНИКИ

1941 •

1945

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА — 1977

Р2
Я96

Составители:

Ю. Г. Буртин

З. К. Яшина

М. А. Яшин

Художник В. П. Александров

Яшин А. Я.
Я96 Дневники. 1941—1945. М., «Сов. Россия», 1977.
192 с.

Дневниковые записи известного советского поэта Александра Яшина относятся к военному времени. Читатель познакомится с событиями военной, трудовой и личной биографии писателя — его службой на Ленинградском фронте, в Волжской военной флотилии под Сталинградом, на Черноморском флоте, писательской и общественной деятельностью в Москве и в родном вологодском селе, с историей создания некоторых поэм и стихотворений.

Я 70300—088 60—77
М—105(03)77

Р2

©Издательство «Советская Россия», 1977 г.

ТРУДНАЯ СЛУЖБА ПОЭТА

Всю войну Александр Яшин вел дневники. В любых условиях — работы, боев, голода и болезни, переездов, душевной смуты, горя и радости — дневниковые записи велись *каждый день*, часто в такое время, когда не то что вести дневник и писать стихи, а заставить себя утром подняться и жить — было подвигом.

Дневники военных лет — это хроника событий военного времени, увиденных глазами поэта. Яшин был летописцем всего, что видел, всех мест, куда его бросала судьба, — и фронта и тыла. Он был, по его же словам, «еще одним свидетелем» войны. Отступали и наступали наши войска, эвакуировалось и возвращалось гражданское население — страна была в движении. Передвигался по стране и фронтовой поэт Александр Яшин.

С самого начала войны он не мыслил себя вне фронта. И в 1944 году, когда ему предложили демобилизацию, Яшин подал такой рапорт: «...За время войны у меня вышло 5 книжек стихов... Нельзя ли меня сейчас не демобилизовать, но оставить на некоторое время с одной нагрузкой — нагрузкой поэта (я же писать буду все равно для фронта)?» Демобилизоваться все же пришлось, но он до конца войны честно нес службу фронтового поэта.

Для самого Александра Яшина было что-то очень трудное в том, что обстоятельства лишили его фронта. Еще в сентябре 1943 года он записал: «Очень хочу на фронт. Надоело лечиться. До конца войны меня еще хватит. Нельзя упустить в жизни случая еще раз пережить всю остроту *пребывания между жизнью и смертью*».

Со страниц дневников встает живая история войны: записаны все ее колебания, все наступления, все салюты в честь освобождения городов и сел. Но отмечены и мельчайшие подробности: цены на продукты, нормы на продовольственные карточки, посадки на поезд — все, что характерно было для жизни военного времени.

По содержанию своему дневниковые записи чрезвычайно многообразны. Это прежде всего хроника событий. Тут и первый для Яшина бой под Ленинградом, 14 августа 41-го года, и Лебяжье — земля, о которой он записал: «Мы уже отрезаны от Ленинграда, а Ленинград в свою очередь — от Большой земли». Тут и сам Ленинград — под бомбами и обстрелами, без света, без воды, с замерзшими восковыми трупами и с голодными людьми. И ленинградский госпиталь, где «все обычные представления о госпитале, о больнице рушатся...», и Ладожская ледяная дорога. Потом — Москва, где был дом Яшина («Мой дом снаружи цел, а внутри развалины, никого нет»), где «крупные здания — Большой театр, Совнарком, Манеж и др. — раскрашены в разные цвета для маскировки. Кремлевские звезды обтянуты серым чем-то». Затем сожженный Сталинград и ма-

ленькие, отважные своими людьми бронекатера на Волге. Это картины войны.

А потом идут другие картины. Заметенное снегом в степях Казахстана село Карагалы. Кисловодск, заполненный ранеными воинами. Сухуми, солнечный Сухуми, о котором Александр Яшин записывает: «Совершенно другой мир... Все праздничное, европейское, чистое». Затем освобожденный Новороссийск, где «...на улицах осколков бомб и снарядов не меньше, чем булыжника». И наконец, родная деревня Блудново, где «в полях падают мальчишки».

Обо всех местах, где побывал поэт, в дневниках оставлены лирические зарисовки, миниатюры, как стихи в прозе: «Необыкновенное утро... вышел и ахнул: появившееся на горизонте солнце позолотило, расцветило все в нежнейшие тона. Индеев на березах засветилась, как мишура на рождественских елках». Или: «...Берег крутой, слоистый. Окопы, блиндажи. Деревья корявые, все, как терновник, кроной к морю, но пригнутые от моря ветрами, стелющиеся, как причудливые ковры. Одни голые, другие еще в листьях: желтых, красных, редко — зеленых (дубки)». И даже трагические события Сталинграда изображены живописными средствами: «После того как весь город стал похож на вулканическую расплавленную лаву, думалось, что сейчас его оставят в покое. Нет, немец продолжал рвать этот огонь, бомбить берег, острова. На песчаную косу острова была сброшена масса зажигалок. Они взрывались не сразу и постепенно. Песок и тот горел».

Через дневники военных лет проходит целая вереница людей: товарищей по войне, товарищей по работе, по госпиталю, друзей, врагов, родных, знакомых или просто встречных. И все они — иногда лишь намеком, иногда в полную силу — характеры, все они действующие лица одной народной трагедии, войны.

Страницы дневников наполнены сюжетными набросками стихов, поэм, рассказов. Большинство из них так и остались ненаписанными. Очень жаль, что не осуществлен, например, замысел книги «Рассказов у буржуйки»: «На рассказах у буржуйки можно построить целую книгу о Ленинградском фронте, об осажденном Ленинграде. Вечером сидим в темноте. Иногда свет из открываемой печки освещает бледные острые скулы, тонкие щетинистые подбородки, лихорадочно блестящие глаза».

Александр Яшин постоянно делает записи о прочитанных книгах, часто пересказывает сюжеты, выделяя самое важное для себя. «...В «Набеге» (Толстого) есть молодой прапорщик. Как я был похож на него! Как велик Толстой в правде своей и как прост — все самое безыскусственное, лишь пунктуальное следование за истиной человеческих переживаний». Книги, книги, целые списки прочитанных книг!

Есть в дневниках и философские размышления, и удивительные по силе поэтического предчувствия записи снов, и воспоминания о мирной жизни...

В книге выделяется ряд самостоятельных сюжетов, новелл. Например, о жертвенной, действенной доброте поэта в истории спасения Ольги Рожавиной и ее отца. О трагической гибели волжского бронекатера, севшего на мель под огнем врага. Или о смерти погибшего под Сталинградом брата Михаила, с которым Александр Яшин был все время рядом и не знал об этом.

Сюжетных линий много. Особое место в них занимают записи о путешествиях. Первое — путешествие из Ленинграда в Москву. На машинах по Ладужской ледяной дороге, в товарных вагонах до Вологды и пассажирским поездом до Москвы. Две недели!.. Это путешествие из ленинградской стужи в весну, из гибели в жизнь. Второе — путешествие от берегов Волги в Казахстан к детям. Из фронтовой полосы в тыл к эвакуированным («выковыренным»), из беды в беду. Третье путешествие — из Москвы на Кавказ, по земле, только что отвоеванной у немцев. «Изрытая степь. Огромное количество трофейной техники. Издали — поселок, подъездешь — машины, орудия, повозки немецкие, груды металла...» И после измученной русской земли, разбитых станций и городов — Кавказ.

Много места на страницах дневников занимают записи о встречах с писателями. Это и общешфотское совещание писателей Балтики, организованное В. В. Вишневским, когда Яшин за долгое время творческого одиночества попадает наконец в свою среду, к товарищам по перу (особенно поддержал его и как поэта и как человека сам Вишневский). Это и встречи в Москве — в клубе и Союзе писателей, в Литинституте, в редакциях, на выступлениях и т. д. Встречи эти укрепляли в Александре Яшине веру в себя, давали возможность отстаивать право «заниматься своим делом» на войне. «Буду писать стихи. Надо не забывать, что я поэт» — такими записями он поддерживал, подхлестывал себя в течение всей войны.

Дневники Александра Яшина — это не только летопись войны, не только философские размышления и поэтические зарисовки, но это и хроника тяжелого писательского труда. Фиксируется сам процесс работы, изо дня в день, из страницы в страницу. Поражает удивительная работоспособность, трудолюбие поэта. В дневниках Яшин не раз напоминает, приказывает себе: «С сегодняшнего дня — минимум 10 строк в день хороших стихов (злободневные не в счет)». Дневниковая хроника войны — иногда очень скупые записи, ясные лишь для самого поэта, — дополняется, поэтически раскрывается в созданных им стихах и поэмах. За годы войны Александром Яшиным написано чрезвычайно много: кроме фронтовой периодики для газет и журналов, пять поэм («Военный человек», «Ленинградская поэ-

ма», «Город гнева», «Клятва» и «Николай Козлов»), несколько книг стихов («На Балтике было», «Красная Горка», «Земля богатырей» и др.) и около 20 печатных листов дневниковых записей. А самому ему все время казалось, что сделано очень мало,— «вечно я опаздываю жить...».

Все дневниковые записи переплетены судьбой самого поэта. А судьба была интересная, трудная. Восторженное вступление в войну, юношеское желание быть героем, защитником народа, осложнились болезнями, голодом, раздумьями. Осложнила война и его личную жизнь — отношения с женой, с детьми, с друзьями. Сам он становится все подозрительней, все беззащитней становится его душа. Опору для своего израненного переживаниями сердца поэт, как всегда, находит у себя на родине. Вологодская земля во время войны (как и в начале, как и в конце жизни) является для него спасением, источником добра и поэзии.

С удивительной обнаженностью Яшин открывает в дневниках свое сердце, бичует себя, воспитывает в себе храбрость, человеческое достоинство. «Именно сейчас,— пишет он,— в дни великих испытаний Родины, как никогда, можно проверить силу своего характера и свою способность на большие дела».

Дневники военных лет, несмотря на черновое, дневниковое написание, отрывистость, несовершенство формы, повторы, нагромождение материала и прочие свои особенности и недостатки, составили *книгу прозы* о войне, где лирическим героем, объединяющим все записи, является сам Александр Яшин. И этот герой, защитник народа, проповедник правды, совести и чести, помог поэту жить и умереть достойно, помог создать ту яшинскую прозу и поэзию, которой он закончил свой путь на земле. Жаль, что не успел он использовать этот огромный материал, но и в таком виде он интересен для нас своей достоверностью, трагичностью и удивительной чистотой и честностью сердца автора.

В архиве писателя сохранилось пять толстых мелкоисписанных тетрадей дневников военных лет. В эту книгу вошла половина материала. Сокращены повторы, пересказы выступлений на совещаниях, различные истории, рассказанные случайными и неслучайными людьми, записи о частых пребываниях в госпиталях, в кисловодском санатории, многое из интимных переживаний, касающихся личной жизни поэта или лиц, связанных с ним, и многое, что не выдержало испытания временем или чему не настал срок быть опубликованным. При составлении этой книги был произведен тщательный отбор материала, чтобы не утерялось то, что характеризует Александра Яшина как поэта и война, как человека, как личность.

З. К. Яшина

22 июня. Москва. День нападения Германии на Советский Союз.

Буду записывать себя как можно откровеннее — пригодится после для работы.

У нас ночевала Людмила Татьяничева¹. Пошли (...) ²читать конспект по русской литературе. Людмила купила мне трубку за 35 рублей. Я был возбужден и дурашлив. Гали³ решила купить отрез на платье. Я вернулся домой за деньгами и услышал окончание речи Молотова. В 4 часа утра немцы напали по всему Западному фронту, перешли и финскую границу. Бомбардировали Житомир, Каунас, Киев, Севастополь и другие города. Я немножко похолодел, как и в день объявления войны с Польшей, но уже меньше.

Занятия не получились.

Я позвонил в ССП. Там митинг с трех часов. Хорошо выступали Уткин и Вишневский, В. Бредель (на немецком языке). Многие же — по старому трафарету. Вишневский начал: русские уже дважды были в Берлине, немцы никогда не были в Москве и не будут.

Потом я с группой поэтов был у Храпченко — нужны песни. Далее в Союзе композиторов прослушивали музыку песен, к которым нужно дать новые, свежие тексты.

¹ Татьяничева Людмила Константиновна — в те годы друг поэта и его жены.

² (...) — Отточия в скобках здесь и далее означают пропуск в тексте.

³ Громыко Гали Александровна — в то время жена А. Яшина.

В Москве спокойно, только очереди в магазинах сразу. Очереди в сберкассы. Обидно смотреть.

Надо подготовиться ко всему. Я все еще нахожусь под обаянием «Войны и мира» Толстого. Николай и Петя Ростовы и Пьер Безухов — образцы для меня. Я их вижу как живых.

Решил быть на войне, все видеть, во всем участвовать. Сейчас будет делаться новая история мира, и тут бояться за свою жизнь стыдно. Надо быть впереди, быть везде, чтобы после, если останусь жив, не было стыдно и жалко, что в такое время я что-либо упустил.

Жалко, что поэмы¹ опять не кончил, мало после меня останется, если умру. Я очень спокоен.

Послезавтра хочу сдать зачет по русской литературе².

Итак, началась война, большая, и именно с Германией, война, которую мы ждали и знали, что она будет, рано или поздно. Лучше было бы, если бы она началась позднее и мы бы еще больше окрепли. (...)

Москва объявлена на военном и угрожаемом положении, так же и многие другие области и города. Подвалы давно приготовлены. На площади Дзержинского установлены зенитки. В 11 часов ночи мы пошли по городу. Он затемнен. Все спокойно. Сообщений фронтовых никаких нет.

23 июня. Ночь спокойна. Но радио не выключали, и оно утром мешало спать.

В Книжной лавке писателей никого нет. Я взял для Людмилы Татьяничевой Багрицкого.

Облигации займа 38-го года в сберкассе уже не покупают. На бульваре у Кировских ворот устанавливают зенитки. Милиционеры, дворники, почтальоны ходят с противогАЗами.

24 июня. В ночь на 24 июня я не спал, читал конспекты по русской литературе.

В три часа утра услышал сирены. Не сразу поверил... «Воздушная тревога». Радиосирена неприятна по звуку. Только на одно мгновение оробел — когда *вообразил*, как бомбы летят на крышу нашего дома. Появилась нервная

¹ Поэма «У самого Белого моря» композиционно закончена. Поэма «Клад» была опубликована в журнале «Октябрь. Незаконченной осталась поэма «Отец».

² С 1936 по 1941 год А. Яшин учился на вечернем отделении Литературного института (аттестат об окончании был получен им в мае 1942 года).

дрожь. Сначала велено было сидеть всем в комнатах. Сидим. Вот над нами гудят самолеты. Стреляют зенитки, с Наркоминдела застучали пулеметы. Потом послышались взрывы бомб (бомб — как нам казалось) около Кремля. Сошли в подвал. Народ спокоен. А подвал не готов — ни бомбо- ни газубежище.

Гали не пускает меня, а меня тянет на улицу — посмотреть. Я пошел к себе в комнату, надел пальто — дрожь прошла. Снял одеяла с окон. На улице — носятся машины. После отбоя (4 ч. 20 м.) долго еще в стороне к Северному вокзалу рвались бомбы. Потом я ходил по городу: Земляной вал, Красные ворота, вокзалы. Нигде никаких следов бомб.

В 11 ч. поехал в институт сдавать зачет Поспелову. И только там уже узнал, что это была учебная воздушная тревога. Зачет сдал. (...) Вечером в связи с окончанием института Гали и Людмилой собрались у нас. Был еще Серафим Вайнштейн и Рика — подруга Людмилы. В первом часу ночи я проводил Людмилу и Рiku на Пушкинскую площадь.

25 июня. Немцы все же пока продвигаются. Сильны, сволочи!

Новые приказы: о борьбе с зажигательными авиабомбами, о том, что делать во время воздушной тревоги. В комнатах на ночь заполнять водой все баки, ведра и прочую посуду. На улицах мешки с песком.

26 июня. Дописал стихотворение «Всем миром». Был в «Молодой гвардии» у Светлова. Взял старые стихи обратно. Светлов говорит: что подал в ССП заявку о посылке его на фронт; что написал песню — плохо, но петь будут; что сейчас надо печататься в газетах («...Что будут печатать журналы — мне дела нет»). Стихотворение «Всем миром» посоветовал дать в газету, но не в большую. «Пиши ежедневно, плохо — порви, потом будет лучше». Сдал стихотворение в газету «На страже». Там теперь редактором Лихачев. Рутман и Чудковский ушли на фронт.

27 июня. Пишу стихотворение «Танк» (по рассказу Александра Львовского)¹.

Вечером был в Клубе писателей на докладе... Интересны сообщения о мужественном поведении лондонцев

¹ Львовский А. А. — близкий друг А. Яшина по Никольскому педтехникуму; в его семье Яшин жил в первый свой приезд в Москву. На фронте А. Львовский был разведчиком.

во время воздушных боев за Лондон. 56 дней непрерывных бомбардировок.

28 июня. И Венгрия вступила с нами в войну. (...)

Утром хотел дописать стихотворение. Но срочно вызвали в институт. Ходили в РК ВКП(б): решением ЦК ВКП(б) проводится мобилизация коммунистов на фронт. Берут пока только бывавших в армии, обученных. У нас взяли Артемова, Ярополка Семенова, Евдокимова, Хайкина. Я еще не нужен.

Ходил с Гали в оборонную комиссию к Карцеву. Я — в особом списке Наркомвоенморфлота. «Когда будет нужно — позовут», — говорят мне.

Вечером на партсобрании института меня из кандидатов приняли в члены партии. Рекомендовали Щирин¹, Дубов, Жучков.

Позднее был на совещании поэтов в «Правде». Фадеев — он сейчас заправляет там литературным отделом — послал за мной курьера. «Надо писать больше, упорнее, конкретнее. В эту войну должны, так же как и в прошлую, выработаться какие-то новые формы агитационной поэзии, поэтического выражения».

В «Правде» Кассиль в фартуке из газеты и Павленко что-то клеят.

29 июня. Увез стихи в «Правду» — «Танк». Кое-что надо изменить. Сидел там, но Фадееву нужно было поехать на вокзал на свидание с братом-бойцом, и мы уехали вместе — Фадеев, Петров и я.

30 июня. Ездили с Бершадским на призывной участок по путевке Бюро пропаганды художественной литературы. Выступление не состоялось, а как мы неслись, боясь опоздать. Был в Гослите, на радио, в «Правде». Луконин сидит в «Правде», правит стихотворение. Потом был у детей². Едва успел до 12 приехать домой. Ночью вторая воздушная тревога.

1 июля. Вчера образован Государственный Комитет Оборона.

2 июля. В институте собрание. Создается народное ополчение из людей, не годных для фронта в нормальных

¹ Щирин С лава В ладимировна — в те годы секретарь партбюро и преподаватель Литинститута, переписываясь со многими фронтовиками из института, была их связующим звеном. До конца жизни А. Яшина была его верным другом... Умерла в 1968 году.

² Дети — Яков и Татьяна от первого брака А. Яшина с Еленой Сергеевной Смирницкой.

условиях, и истребительные батальоны по уничтожению диверсантов.

Писал стихотворение «Рассказ колхозницы». Редактор «Краснофлота» сказал: «Пока вас не посылаем, оставайтесь в тылу и работайте на нас». По радио два раза передавали мой «Танк».

4 июля. Ночью была воздушная тревога, но бомбежки опять не было. В светлом утреннем небе видны были аэроостаты воздушного заграждения — формы цепелинов. Они, по-моему, слишком низко висят.

Писал стихотворение «Остров». Написал.

5 июля. Ночь была спокойной. Около часу дня — воздушная тревога (дневная — первая). (...) Ночью около 0 ч. 30 м. дежурные девушки разбудили весь дом — «Тревога». А радио молчит. Где-то, видно, были даны гудки. Оказывается, вся Москва была поднята. (...) Включенный репродуктор временами немножко гудит, как включенная электроплитка в самом начале или как нагревательная печь. Гали из-за этого гудения и потрескивания плохо спит. Пишу новое стихотворение о призыве к героизму и отваге.

6 июля. (...) Ездили в Покровское-Стрешнево, там за реку. Я в гольфах. Крестьяне смотрят с недоверием: близко аэродром. Девочка кричит: «Ваши документы!»

Долго был с детьми. Яшу мыл в ванне. Сначала голову и лицо, потом всего. А ноги пришлось вымыть раньше и отдельно, так они грязны. Детей скоро эвакуируют. С ними поедет бабушка. (...)

7 июля. Днем был в «Правде» у Павленко, отдал стихотворение «Пусть в каждом забьется сердце героя».

Вызвали в институт, дали повестку. Меня берут в народное ополчение. (...) Записали в 1-ю роту 1-го батальона. Был по адресу. Очередь. Регистрирует человек шесть. Партийно-комсомольский состав отдельно в здании. В оборонной комиссии, в Наркомфлоте и в Дзержинском военкомате сказали, что для мобилизации в народное ополчение я не подхожу.

8 июля. К 8 ч. утра с Гали приехал на сборный пункт с котомкой. И вдруг объявили: ждать особого распоряжения, пока — по домам. Посмеялись, и все.

Гитлер пока все продвигается. Ничего, скоро устанет. Только бы Япония не ввязалась.

Как раз накануне нападения Германии я получил от Архангельского облгиза 60% за книгу, сразу же решили

купить облигаций 1938 года — и вот остались без денег. (...)

Вчера в Литфонде записал своих детей на эвакуацию со второй партией. Из Москвы выезжают все лишние. Гали тоже подумывает о Блуднове¹.

Ничего не жалко — жалко будет только книг, я их собирал с огромной любовью и трудом в течение многих лет.

9 июля. Звонил в Наркомат флота, Корниенко. В народное ополчение меня призвали неправильно. Был в институте. Ширина подозревает, что я просто укрываюсь, потому и говорю, что не должен быть в народном ополчении.

Таскал бочки на чердак через Литфонд.

Видел в хронике (кино) немецких пленных летчиков: сильные, здоровые, спокойные лица. Смотрят в объектив даже с презрением. Ничего, *будут* глядеть иначе!

10 июля. Узнал через Сажина по телефону, что бригадный комиссар Корниенко — Главное управление политической пропаганды Наркомата ВМФ — вызывает людей к себе. Я поехал к нему без вызова. Еще раз попросился на фронт, рассказал об инциденте с секретарем парторганизации Шириной — и он меня мобилизовал. Сказал: «В Балтийский флот, на крейсер редактором многотиражки можете?» Дал справку: «Отбыть до 15 июля». Ширина и эту бумажку подвергла сомнению. Обвиняет меня уже в том, что я сказал: «Буду я склады стеречь! Я на фронт хочу!» А я просто повторил фразу Жучкова. (...)

В «Правде» мое стихотворение «Пусть в каждом забьется сердце героя».

11 июля. Жучков рекомендацию в партию написать забыл и ушел на фронт. Ходил в «Краснофлотец» к Эделю, он дал. (...)

12 июля. Утром писал стихотворение «Ты — действующий поэт».

Днем пошли со Шириной в РК ВКП(б). В 5 ч. бюро. Провели в члены. Только парторганизацию обвинили в нарушении устава за принятие меня за шесть дней до исполнения годового стажа. Стаж установили с 12 июля 1941 года. Около 8 ч. вечера получил партбилет № 4131514. Итак, с 12 июля 1941 года я член ВКП(б).

¹ Б л у д н о в о — деревня в Никольском районе Вологодской области, где родился поэт.

В институте размещен истребительный батальон. Много наших ребят. Пока ничего почти не делают. Всюду полосатые мешочки с песком. Вход в институт для студентов через дверь Литфонда.

Прошел по улице Горького — от Грузин к Пушкинской. Все строительства новых домов заморожены. Мертвые краны — странно видеть. Дома не растут — для Москвы это так необычно. (...)

14 июля. (...) В Москве все более становится заметно, что страна ведет войну. На днях вводятся продовольственные карточки. (...) В институте — истребители, и у обоих ворот часовые — штыки кинжальные. Такси в городе нет. В военных отделах райкомов постоянно толпы народа.

Вечером ходили к Льговским. (...) Александр жив, где-то уже недалеко от Москвы, письма посылает, но сам получить не может, т. к. все время в движении. Он еще не знает, выехала ли Маруся из фронтовой полосы. (...)

15 июля. Сегодня вызвали в военкомат, сегодня же и выезжаю в город Кронштадт.

На мобилизационном листке печать была не гербовой, и мне не дали билета. Пришлось еще раз съездить в военкомат — приписной пункт. Там дали авто — на нем съездили в Дзержинский военкомат и прибыли на вокзал. На агитпункте графин морса.

11.45 вечера — выехал с Октябрьского вокзала на место назначения. Провожала Гали.

16 июля. (...) В 11.30 — Ленинград¹. Сразу поехал на Балтийский вокзал. Там ночевал на скамье. Ночью масса женщин и детей, один разбудил меня.

¹ Тема войны всегда тревожила А. Яшина, хранилась в запасниках его поэзии. В начале 60-х годов он собирался писать повесть о Ленинграде, для этого ездил туда, побывал на фортах, просматривал дневники военных лет. 25 августа 1964 года приписал к началу рукописи строки: «Ленинград в годы блокады — не тема для сочинений. Тут все пахнет кровью и не требует домыслов. Более сильных картин людского горя и героизма не может представить самое воспаленное воображение. В этом случае надо писать либо так, как все было, как ты видел, либо не писать совсем. Я много лет не мог даже рассказывать о виденном и пережитом в Ленинграде, а также первых месяцах войны под Ленинградом, ничего не рассказывал даже своим близким людям. Все казалось, что принижу пере-

17 июля. Утром на электричке до Ораниенбаума. Страшный холод здесь. На пароходе в Кронштадт. Строгий город. Памятник Петру — основателю Кронштадта. «Оборону флота и сего места держать до последней силы и живота, яко наиглавнейшее дело».

Обратно в Ленинград. Ленинградский флотский полужипаж (около Театральной площади). (...) Завтра обмундируют и направят редактором. Сходил под душ. Толкучка. Ехавшие со мною в поезде получили обмундирование краснофлотское и моются. Гам, матерщина.

Ходил по Ленинграду. Разводят мосты, корабли идут вверх по Неве. Был в ленинградском отделении «Известий»: Детков, Романов. Был в редакции «На страже Родины». Там Тихонов, Прокофьев. Предложил «Танк». Прокофьев зовет к себе ночевать.

В маленьком рестораничке пил с двумя командирами, только что приехавшими от Выборга из боевых действий. Хорошие ребята. (...) У обоих финки, наганы. Жалею, что фамилии их не узнал, возвратился, да не нашел их. О смерти даже не говорят, видно, не принято. Когда я пожелал им выжить, это было бестактно. Выжить — само собой разумелось. Ночевал в общежитии флотского полужипажа. Крысы изгрызли рюкзак.

18 июля. По ошибке заставили ждать распоряжений полкового комиссара, а нужно было просто ехать в Мукково. Обмундировали: 2 кителя, брюки, ботинки, шинель, три пары белья, 2 простыни, матрац, наволочки для подушек и даже носки и носовые платки — богато!

Ходил по городу в форме, но без эмблемы и нашивок. Во дворе экипажа у лотка покупал нитки и иголку, тогда впервые был назван краснофлотцем «товарищем командиром». Интересное ощущение.

18-го выехать не смог, поезда не идут. Свой мешок отдал Александру Прокофьеву и заехал второй раз к Со-

житое и перечувствованное. Тем более что рассказчиков хватало и без меня. Поэтому же и не писал ничего. Но *дневники* я в Ленинграде вел, и они тревожат меня... Я, кажется, уже смогу сейчас спокойно и сосредоточенно перечитывать их и вспоминать все, что стоит за краткими записями. Я не отложу больше эту работу.

Скажу ли я что-либо новое, добавлю ли что-нибудь к тому, что уже написано и опубликовано другими, — я не знаю. Но мне это уже необходимо для себя. Тем более что это будут показания еще одного свидетеля, а они никогда полностью не повторяют друг друга».

рокиной Августе¹. Сорокина была со мной до вечера. На медпункте: соринка в глазу. Ночевал у Прокофьева Александра Андреевича. Жена Виктория Петровна разговорчива, гостеприимна.

19 июля. (...) Был в семье Ани Рожавиной² (Сергиев переулок, 15, кв. 16). Клара — сестра. Чинил уют, смотрел альбом, читал письма Ани. Клара — это Наташа Ростова. Восхищен ею.

Потом воздушная тревога.

В 6.50 выехал. Поезд в Котлы. Дорогой спросил рабочего (он рассматривал, видимо, только что полученные продовольственные карточки), где мне сходить, и попал под подозрение. На остановке милиционер проверял документы. Показал даже стихи, которые писал. (...)

20 июля. Первый день военной службы в ЗУР³. Штаб. Полковой комиссар Яacobсон. Район только что формируется. Газеты еще нет. Буду начинать с азов. Задаю наивные вопросы начальнику агитпропчасти батальонному комиссару Краснову. Военком — бригадный комиссар Фомин. Начальник оргпартчасти — Белов. Хороший парень, открытый. (После оказался занудой.) Совещание политработников. Организационное партийное собрание. Вступительное слово полкового комиссара Яacobсона. Выборы бюро из 5 человек.

К озеру пошел — шагов 20 — боец не пустил. (...).

21 июля. Готовлю 1-й номер газеты и одновременно вожусь с памятками бойцу.

Частые воздушные тревоги. Жгут Котлы. Сегодня три самолета летели с бомбежки низко, как на параде. Зенитки били, но очень неудачно. С крыши пулемет стрелял, как винтовка, и то лишь после того, как враги прошли над нами. Ястребки поднялись поздно.

Когда была объявлена воздушная тревога, начальник агитпропчасти (Краснов) остался сам в кабинете, но кошку просил взять в убежище. Много кошек оставлено в этих домах, где раньше жили военные. Кошки голод-

¹ Сорокина Августа Михайловна — друг детства, соученица по Никольскому педтехникуму. Сейчас живет в городе Фрунзе.

² Рожавина Анна Львовна — журналистка, друг А. Яшина. Семье Рожавиных посвящено стихотворение «Ленинград, 1942 год».

³ ЗУР — Запольский укрепрайон.

ны. Сегодня я принес макарон из кухни. Много собак, все без хозяев.

Высокий сосновый лес, точеный. Глубокий крупный боровой песок. Меня познакомили с расположением ЗУРа по карте и с местонахождением противника — бронетанковые части в 50—60 км от нас. Когда я сказал полковому комиссару Якобсону, что хотел бы быть в действующих частях, он заявил: «Будьте покойны, вы уже почти на передовых позициях». (...)

К вечеру приехали артисты эстрады Ленинградской госфилармонии Любовь Григорьевна Шах и Росций.

24 июля. № 1 газеты готов. Надо типографию. (...)

Частые воздушные тревоги и разрывы бомб в стороне. А по утрам всегда кричит петух. Во время воздушной тревоги петух скокотал в ответ на сирену и спокойно погнался за курицей.

Вчера с верхнего этажа каменного дома перетащили мою кровать в деревянный. Сегодня опять переехал — уже в подобие общежития, где все постельное белье дается готовое за 30 рублей в месяц. (...)

Больше половины коммунистов, и я в том числе, не знаем оружия, да и не имеем его. А мы должны при случае показать образец устойчивости и умения воевать. Я предложил полковому комиссару Никулину — председателю партийной комиссии, организовать военное обучение коммунистов-политработников. (...)

Мало «военных» людей. А деньги все мы получаем огромные. Зачем, например, мне, никогда не воевавшему и не бывавшему в армии, выдали 100% к зарплате подъемных «в связи с военным временем».

Москву уже бомбили не один раз. Очень беспокоюсь за Гали.

Здесь сосны, сыпучий песок. Птицы еще не улетели. Ближко подошедший к нам враг будто бы окружен и чуть ли не разбит.

25 июля. Выехал в Ораниенбаум за типографией. (...) Ночевал в комендатуре города. Хотел ехать ночевать в Ленинград, но без разрешения не решился. (...)

26 июля. (...) Обратно ехали ночью. Требуют устный пропуск — пароль, не знаем. А постов масса. Блудились. Мужик с бабой, чтобы их довезли до дому, указали неверный путь.

Надо записывать даже мелочи, наблюдения — после для книги все пригодится. (...)

27 июля. Выехали в Ораниенбаум за бумагой (тонна), шрифтом, тискальным станком и пр. с командой в 3 человека. (...) В Ленинград снова заехать не пришлось. Напоили кипятком и дали хлеба. Спали на сене в огромном доме.

28 июля. (...) Приехали поздно. Стали разгружать бумагу в подвал, где типография. Генерал-майор Денисевич¹ узнал и вызвал меня к себе. Я прибежал с папиросой в руке. Козыряю. Проборка: «Вы к генерал-майору пришли!» Я сказал: «Я не считаю, что мы с Вами посорились».

Ночью разбудили всех: чиркали спички и давали читать приказ по ЗУРу о порядке хранения секретных бумаг и их эвакуации.

29 июля. Выдают бесплатно 2-рублевые папиросы. Собираем «американку» — типографскую машину. В столовой генерал-майор Денисевич узнал меня:

— Как называете газету?

Дамский заулыбался, думал, что у меня все еще названия нет.

— «Балтийский залп»².

Одобрил! (...)

30 июля. С 9 вечера до 9 вечера 31 июля дежурил в ПО³. Ночью выправлял материал для газеты. Ночью снова осрамился перед генерал-майором: не смог отпартовать, подал (ночью!) команду «смирно».

1 августа. Решили поднять машину на шпалы, чтобы легче было работать в случае надобности вручную. Сделан первый пробный оттиск случайного набора — прямоугольник из букв.

Приехал Л. Соболев, провел беседу в клубе. В Эстонии у населения произошел резкий перелом в сторону нашу, когда из Латвии появились беженцы, перенесшие от фашистов. (...) Враг близко. Уже вошел в Эстонию, идет в обход Чудского озера на Нарву.

Все время стоит сухая погода. В бору, где мы стоим, — песок. Ходят наседки с цыплятами.

¹ Генерал-майор Денисевич Н. Ю. — участник штурма Зимнего дворца и гражданской войны, один из первых организаторов морской пехоты на КБФ. Тогда, в 1941 году, комендант ЗУРа. Умер в 1965 году.

² Для газеты было утверждено название «Залп балтийцев».

³ ПО — политотдел.

Начиная с 21 июля Москву, видно, бомбят ежедневно. Сегодня ночью опять был налет. Объявлено: шли эшелонами, прорвались 4—5 самолетов.

Вечером ели консервы батальонного комиссара Бережного¹. Он приехал из Москвы. (...) Бережной — пока в резерве, ждет распоряжения из Москвы, хочет остаться здесь. Он — деловитый, спокойный, всегда серьезный и сдержанный.

2 августа. (...) Днем воздушный бой. Бомбардировки вблизи. Готовлю второй номер газеты. Типография начала работать. Печатали пропуска для автомашин. Военком 11-го батальона капитан Новиченко ночью вырвался из боя, вернулся, рычит: не дали им продолжать стрельбу, а хорошо было пристрелялись по мосту и арт. точкам. (...)

3 августа. Сегодня ночью снова дежурил по ПО. Днем страшно измотался, наборщик работает медленно. Все еще печатаем пропуска для автомашин. Нет роликов, заключек, бечевки, гаечных ключей и пр. Устаю так, что о женщинах и не думается.

Завтра провожу беседу: «Грудью прикрывать командира и комиссара в бою». Стихи не пишутся, даже думать о них сил нет. Не пишу и корреспонденций.

4—5 августа. Вместе с Якобсоном едем в Ленинград за наборщиками, штампами для цензора и пр. Шофер — краснофлотец Зыбарев — большой растяпа, машина неисправна. (...) У меня время пропадает зря. (...) Вечером так и не съездил к Рожавиным. Перевел деньги от Краснова его матери.

6 августа. Утром выехали из Ленинграда. В Ораниенбауме взяли литературу, гранки, заключения и рамки для типографии, 4 мандолины и прочее. Кинофильм: «Песнь о любви». В Лебяжьем был у редактора Кириллова. Целый дом под типографией и редакцией.

Все мосты, столбики при подходе к ним, верстовые и указательные столбы замаскированы — это давно уже. В лесах проволочные заграждения, противотанковые рвы, дзоты, надолбы. Рвы иногда просто игрушечные, несерьезные.

¹ Бережной С. Д. — военком и начальник политотдела 1-й бригады речных кораблей Волжской военной флотилии (июнь 1942—май 1943 г.), после войны начальник ПУ флота на Тихом океане, член Военного совета ряда флотий. Сейчас контр-адмирал в отставке.

Привезли с собой наборщика Гаврилова с двадцатипятилетним стажем. Будут еще два и печатник. Есть оттиск 1-й полосы. (...) По радио передавалось: говорит радиоузел Мукково. Сегодня в клубе кино... Ну и засекретились!

От Ани Рожавиной телеграмма: «Мыслями, сердцем тобой. Аня». Это первое, что здесь я получил и первое от нее. (...)

7 августа. (...) Получил открытку от Гали от I.VIII. Пишет, что ради сохранения здоровья должна покинуть Москву. Видно, что она уже писала, но не получено.

Совершенно не пишу стихов — плохо это. Не пишу и корреспонденций.

8 августа. (...) Боялся Ваня смерти. А фашисты убили его жену, детей. Не спаслась даже старуха мать.

Вчера и сегодня артиллерийская канонада: бьют наши дальнобойные, железнодорожная батарея. (...)

С 12 ч. дня — боевая готовность № 1. Ни днем ни ночью уходить со своих мест нельзя. Спать ложимся на полу, на диванах в политотделе же, и каждый — только с разрешения вышестоящего начальника. Я буду спать на койке Бережного. Это ничего не изменяет, если ночь пройдет спокойно. Противник продвигается. Сдал в печать 4 памятки — тираж 1500 экз.

9 августа. Окончательно сверстан и выправлен 1-й номер газеты. Сегодня, верно, начнем печатать.

Приехал участник Цусимы Нозиков Николай Николаевич, герой книги «Цусима». Он читает лекции по истории военно-морских сражений русского ВМФ. Старенький, тощий человек, угнетающе вежливый, благодарный и предупредительный. На крейсере «Владимир Мономах» он был старшим артиллеристом, лейтенантом флота.

Бережный едет в Москву — отозвали. Посылаю с ним письмо в Литературный институт¹ и Гали.

¹ «Дорогие товарищи! Пользуясь тем, что одного из наших товарищей отозвали в Москву, посылаю вам это письмо.

Редактирую краснофлотскую газету... Очень горд тем, что сам создал ее, не было абсолютно ничего, кроме подвала. Сам ездил с командой по городам, собирал типографию, по складам собирал бумагу и прочее. Ездил в Ленинград за наборщиками — призвали из запасных. Сейчас бы мне еще парочку грамотных поэтов (не пошлете ли?)... Помирился бы и на прозаиках, а то вся редакция — я один, и делать газету так, чтобы каждым номером зачитывались, пока не приходится.

Наборщика из 21-го артиллерийского дивизиона артиллериста Дмитриева Ивана Васильевича возвращаем обратно, новые квалифицированнее. Дмитриев очень обрадовался. Он — здоровый, сильный, спокойный — засмеялся, чуть не взвизгивая от удовольствия, как иногда смеюсь я сам. В парне заиграл ребенок, человек.

Есть здесь старшина-орденоносец — участник финских боев. Это тип моряка первых лет революции. Широкий, разухабистый, в вагоне спал раскинув ноги, что не пройдешь, грудь доверчиво открыта всем ветрам, за поясом гранаты. Есть немножко лени во всей этой развалке.

1 час ночи. Отпечатали 70 экз. газеты «Залп балтийцев» № 1 и пришлось их уничтожить из-за лозунга: «грудью своей отстоим город Ленина!» Надо: «...подступы к городу Ленина!» Ошибку заметил военком — бригадный комиссар Фомин. У меня так и было, но бригадный комиссар Краснов изменил.

10 августа. Допечатываем газету № 1.

Сегодня недоспал, очень болит голова, просил у батальонного комиссара Краснова разрешения отдохнуть — не дал, хотя причин для этого не было. А еще придется и ночью дежурить (сутки) в ПО.

В 4 ч. 30 м. новый налет самолетов на аэродром. Сирена. Зенитки. Носится броневик. Проехали пожарники.

В 7 ч. 15 м. дня буду передавать по радио материалы из первого номера «Залпа балтийцев». Так что отдохнуть до дежурства не придется. (...) Ночью объявлен был план операции по уничтожению прорвавшихся за Лугу частей немцев. К шести утра все части должны быть на исходных для атаки позициях. Артподготовка и авиационная бомбежка начались раньше. *Итак, воюем.*

11—12 августа. Дежурил весь день, не отдыхая, и готовил 2-й номер газеты. Война идет. Полковой комиссар

Много времени еще отнимает необходимость переписывать от руки и свое и бойцовское для набора, потому что машинки и машинистки тоже нет. Работаем на «американке», вертим руками. Воюем помаленьку.

...Буду очень рад, если кто-нибудь напишет. Как вы там переносите? Все ли друзья мои целы? Ну, будьте здоровы, пишите поэмы.

После этой войны писать плохо — не позволим!

9 августа 1941.

Александр Яшин.

(Это и другие письма А. Яшина в Литинститут, С. В. Щириной опубликованы в журнале «Дружба народов» № 5 за 1975 год.)

Якобсон передал мне свой карабин с патронами. (...) Готовые отгиски газеты читал Якобсон и бригадный комиссар Фомин — исправили только одну фразу.

13 августа. Выпустил 2-й номер «Залпа балтийцев». Очень рад, что дело идет. Фашистская авиация стала действовать очень активно. Постоянно бомбят. Наши пулеметчики у штаба работали плохо. Частые воздушные бои. Результатов никаких. Штаб переезжает. Что же с моей типографией? Без нее никуда не поеду. (...)

14 августа. По воздушным тревогам ночным и утренним не встаю, если сплю: так устал. Но еще не все равно. Надо боевой материал для газеты. Батальон Куликова — из бригады Лосякова — был в боях. Прошу, чтобы отправили меня к ним, на передовую линию фронта. Якобсон обещал сейчас дать свою машину.

Вчера ночью и штаб выехал. Кают-компания наша — тоже. Все оставшиеся сидели в общем камбузе школы, но так и ушли без чая. Меня накормили в кают-компании школы младших командиров. У них морской паек и все отлично от нас. Прекрасно. Зашел в госпиталь в поисках раненого из батальона Куликова. Все выехали. Пустое 3-этажное здание. Открыты двери, окна. Пахнет лекарствами. Валяются лозунги, обрывки газет, стоят пустые шкапы, столы, стулья. Только что начались бои, а мы уже поехали. Почему?

Получил «эмку» с шофером Гнусаревым и ездил на передовую, во второй батальон Лосяковской бригады.

Впервые в жизни побывал в бою. Немцы шли, видимо, «психической» атакой. Собою доволен, держался хорошо. Видел их метров за 300—400 перед деревней Емсковыцы, в которую я еще успел заехать на легкой.

Все было не так, как представлялось, и ощущения не такие, каких ожидал. Мне не удалось пострелять (шофер стрелял), поэтому я снова возвращался к фронту, но уже не смог дойти и до Алексеевки из-за минометного грабительского огня. Машину оставлял в Заполье. (...) Грустно было смотреть, как все группами покидают фронт. Уходит и население. Женщина ведет коз. Идут с чемоданами, едут со скарбом. Старуха говорит: «Сынок, боюсь — как стреляют».

Вернулся часов в 10 вечера. ПО уже на месте не было.

15 августа. Съездил на новое место, в лес за деревню Понделево. Палатки. Готовят блиндажи. Сырой лес. Вернулся в Мукково. Весь день писал газету № 3. Ночью

ее все же напечатали. Сначала Якобсон не разрешил там оставаться с типографией до утра. А 16-го даже и листовку еще там печатали.

17 августа. Утром пешком вышел в Понделево за машиной под типографию. «Американку» установили на трехтонке.

Ездили с Якобсоном в ОБМП¹ Полозова. Оказалось, не на фронт. (...) Видел трассирующие светящиеся снаряды. Интересно, с каким шумом и свистом летят снаряды 11-й железнодорожной батареи — клм на 35.

Противник идет на Котлы. Связи с Ленинградом нет. *Получил пистолет.*

18 августа. Снова ездил на передовую, был в поле перед Керстовом. Боя не было, только мины все время рвутся. К вечеру в Керстове зажгли дом — огонь на фоне церкви. У Лебедева малярия. Со мной был военком бригады Лосякова Антонченко и сам Лосяков.

Расстреляли одного самострела. Думаю, что об этом можно не записывать — все так запомнится. Рука забинтована. Прочли приказ. В деревне, на санпункте он еще просил сохранить ему жизнь, обещал, что будет героем. Но в поле только сказал перед тем, как стали читать приказ: «Зачем — все ясно». Не привязывали, как предлагал Лосяков. У него 4 детей. Был председателем колхоза. Говорит, что «час такой подошел, ну сробел и прострелил руку». Держался за штык. Сначала обманывал, свалив вину на немецкую пулю. (...)

19 августа. Сегодня должна была уже выйти газета № 4. А ее еще нет. Не выйдет и завтра. Наборщика Васильева Василия Никифоровича отправили в Ленинград за разными материалами для типографии. Грузовик с нашей «американкой» вернулся из Ручьев: сделали кузов.

В деревне Понделево, да и в других масса красной смородины. Красно в садиках и за дворами. Обваливаются, не собирают.

20 августа. Готовили газету «Залп балтийцев» № 4. Тиснул, а читать давать некому. Бригадного комиссара Фомина сегодня ранили. Полковой комиссар Якобсон еще не вернулся. Фомин ранен в машине: пикировали три «хейнкеля».

Получили газеты и я — массу писем.

¹ ОБМП — отдельный батальон морской пехоты.

22 августа. Вчера был в госпитале, видел, как оперируют. Был у бригадного комиссара Фомина. Стонет. Потом уехал на фронт на попутном (из-под раненых) грузовике.

Курсанты-подводники под общим командованием Боконии ночью атаковали немцев и угнали их за 4 деревни: Мали, Горки, Заполье, Алексеевка. Война продолжается.

В одном месте ели мед в сотах — немцев пчелы не подпустили. Шофер трусит или просто очень осторожен. Он то и дело гонит или резко тормозит машину и бежит в лес (от пикировщиков). А я — ничего.

Спал вместе со всеми на поле боя у окопов под минометным огнем. В блиндажике стало душно и жарко, вылез к дороге. Дождь, холодно, очень продрог и ночь, по существу, не спал. Рано утром ходил по окопам, разговаривал с бойцами. Радостно смотреть на моряков. А запасники устраиваются в окопе, под снопами ржи, как в собачьей конуре.

«Воздух!» Самолеты бомбят. Смотрю на себя и доволен: я, кажется, меньше всех думаю о ежеминутной опасности. Получил 160 патронов ТТ. Подобрал в развале много патронов к нагану, две гранаты, потом использовал их.

Комиссар Лебедев слишком нервный и грубоват.

А все же жутко стало, когда над головами нашими пикнули «хейнкели» и укрыться некуда. Я невольно закрывал голову руками. Каски нет — плохо. Рисковал жизнью, перезаряжая невзорвавшуюся гранату, но кинул ее снова. Опять немецкая артподготовка и самолеты. Наших нет.

23 августа. Выпустил № 5 «Залпа балтийцев», экстренный.

С полковым комиссаром Никулиным (вместо Яковсона) ходил к остаткам батальона Полозова. Они были под Кингисеппом, и из 850 вышли человек 50. Сейчас собираются. Есть уже около 200 человек. С ними был Яковсон. Где он? Там же погиб наш политрук Соколов из ПО. (...)

Вчера: сапоги, плащ-палатки, котелок, ложка, фляга. Я — солдат. О том, что «поэта беречь надо», и в голову, видно, никому не приходит. А я уже все испытал, пока они тут сидят. Пока все счастливо. Только вчера вернулся весь в грязи. Под Кингисеппом погиб почти весь наш комсостав полезли вперед.

Комендант Денисевич в больнице. Фомин выехал в Ленинградский госпиталь. Командный пункт наш в землянках (блиндажи) и в палатках.

Стихов не пишу и, видно, не писывать. Получил стопку писем. От Гали еще за 31 июля. Оказывается, в «Известиях» была моя заметка «Артисты на фронте». Гали пишет, что передала письмо по радио. Эти письма слушают только в тылу, а не на фронте. А мы и радио почти не знаем. Газеты редки.

У полозовцев настроение боевое — даже не ожидал. Никакой угнетенности. Это, пожалуй, и естественно: рады, что живы.

В ленинградских газетах уже обращение Ворошилова и Жданова и лозунги: «Все на защиту Ленинграда» (плакат).

24 августа. Весь день писал и печатал памятки. Вернулся наборщик Васильев из Ленинграда. Рожавины уже уехали. Ездил к полозовцам. Обратно — в седле.

25 августа. Выпустил № 6 «Залпа балтийцев», экстренный. Пришел приказ о штатах редакции и типографии. (...) Ночью всех нас — работников ПО — вызвали на КП. Новый комендант генерал-майор Григорьев. (...) Он был на линии. Дороги запружены. Лосяков один под мостом. Многие ранены. Ночью шли обратно, сбиваясь с тропы, светя под ноги фонариком. (...)

26 августа. Напечатал листовку «Товарищи балтийцы! Грудью своей прикрывайте командира и комиссара в бою!» Дежурю в ПО. Устал, хочется опять спать.

Наш двукрылый самолетик бойцы называют *чайкой*. Немецкий двухкорпусный разведывательный — *стрекозой*. Зажигательные бомбы — «зажигалками».

Ходят самые разные, часто провокационные слухи, потому что связь и информация слабые. Иногда слухи как будто и в нашу пользу, но в конечном счете они приводят к разочарованию и вредят. Например: Турция объявила войну Германии; Америка ультимативно потребовала от Германии вывода войск из СССР; наши взяли Минск, Смоленск, Варшаву и прочее.

27 августа. (...) Вечером погрузились на машины, чтобы покинуть Понделево. Немцы обошли Котлы и уже у озера Бабинского. Бригада Лосякова деморализована. Снаряды рвались у Понделево и летели дальше. Спал в ПО. Шел дождь. Всю ночь прождали приказа о выезде. (...).

28 августа. Утром выехали. Дождь, грязь. Остановились на одной высоте за гарнизоном Пейпия. Приказано было остановиться в лесу, но мы вернулись в гарнизон из-за плохой погоды. Вечером устроили кино — «Шорс». Бойцы говорят: «Правильно, именно так немцы идут». (Они шли по ржи.) Атака немцев сделана очень правильно. Читали свежие газеты. (...)

29 августа. Я со своей командой (типографией) ходил на стрельбище. Ленинград, как передал наборщик Васильев, к обороне готовится основательно. Будет стыдно перед всем миром, если мы сдадим его, пусть даже на время. Нельзя славать! Лучше умереть, чем отступать дальше. Стыдно, стыдно отступать все время. У нас на фронте явно не хватает авиации.

Мерцание уток в полете. (...)

30 августа. Приехал с типографией в Лебяжье. Свалили ее в школу и грузовик отправил обратно в Пейпию. Спал в типографии.

Сон: Елена Первенцева¹ нашлась, мы счастливы и урываемся от немецких бомбардировщиков.

31 августа. Моих трех наборщиков взяли в типографию «Боевого залпа». (...) Я остаюсь в качестве поэта-корреспондента при газете. Спал.

1 сентября. Ездил в Ораниенбаум, сдавал типографию, часть имущества передал «Боевому залпу». Редактор мл. политрук Кириллов (из Сталинграда), секретарь — Можанет, зав. типографией — ст. сержант Чернятьев.

Гражданскому населению живется куда труднее, чем нам: работы по обороне, карточки и пр. (...)

В ПО Ижорского укрепрайона сегодня было совещание. Меня не пригласили. Краснов объяснил: мое пребывание здесь еще не узаконено. А я уже было загрузился. Лучше дежурить опять по трое суток подряд, но не быть в стороне от политической жизни, от большой жизни. (...)

3 сентября. Перебрался из типографии в каменный дом на квартиру начальника КЭЧ² Мандрико. Квартиру сегодня вымыли. Степан Тихонович Мандрико — украин-

¹ Первенцева Елена Христофоровна — первая любовь А. Яшина. Он предполагал, что девушка эта трагически погибла. Ей посвящены книги «Северянка», «Мать», цикл стихов «Первые письма» и поэма «У самого Белого моря».

² КЭЧ — квартирно-эксплуатационная часть.

нец, видимо с юморком... (...) И в этом доме бродят голодные злые кошки. Днем и ночью они режут ребячьими голосами, не дают друг другу прохода, дерутся.

6 сентября. Ночь. Вернулся с фронта. Жив. 8 сентября поеду снова. (...)

4-го вечером выступали артисты и было кино «Большой вальс».

Для стихов: 1) Комиссару Лебедеву: «Мы вместе сто- бою лежали в окопе»¹.

2) Пишет девушка на фронт: «Я люблю тебя, мой милый». А он уже убит. Шел, тоскуя о любви. Где ты раньше, девушка, была?

3) О Ленинграде: «Не будет этого, не будет!..»

6-го выехал с Лебедевым (он едет в отд. танковый батальон комиссаром) и Левченко (он — в Кронштадт) в Лебяжье. Долго пробыли в тылу бригады. (...)

К берегу прибило шлюпку с двумя трупами: один — майора. (...)

Взяли на машину раненого. В машине нашел каску.

15 сентября. С 9/IX по 14/IX был на фронте в батальоне Боковни. Фотограф.

12 сентября ходил в разведку первый раз — в деревню Елизаветино, занятую немцами. Когда нас отрезали, я оказался за командира. Вышли все. Ранен один. Подробно писать не буду — так свежо все будет² (...)

Для стихов: 1) Ст. лейтенант Боковня сейчас командует батальоном. Вызвался командовать отчаянными ребятами (штрафная рота). (...)

6) Тетерева токуют. Тетерева ли? Иду на ток. Но кто-то выстрелил раньше меня, и с дерева фашистская кукушка свалилась в мох, патронами звеня³. (...)

18 сентября. (...) Редактору «Боевого залпа» Кириллову вчера указал на плохие стихи. Задаешься, говорит.

Белов — зам. начальника ПО — нет-нет да и крикнет... На войне я привык уже ко всему — к пулям, к минам, но не могу терпеть и никогда не привыкну к начальническим окрикам. (...) Нудная вещь!

¹ Очевидно, имеется в виду замысел стихотворения 1941 года «Товарищу по окопу», посвященного комиссару Андрею Лебедеву.

² Этот эпизод лег в основу единственного рассказа о войне А. Яшина «Единомысленники».

³ Замысел стихотворения 1941 года «Тетерева».

19 сентября. Вчера у зам. начальника ПО Белова встретился с военным комиссаром ИУРа¹ полковым комиссаром Яичниковым и, воспользовавшись встречей и тем, что как раз просматривались списки партизанского отряда, выпросил разрешение пойти в тыл врага с одним из отрядов. Аргументация такая: писателю надо больше видеть. Эта война такова, что вопрос о жизни одного человека ни перед кем не должен стоять. Смерть и жизнь случайны. Где ты погибнешь — неизвестно. Русские поэты всегда и в войнах были образцом храбрости и инициативности при защите своей родной земли. Себя я уже проверил: был не в одном бою и в очень серьезной разведке. Здоров. Коммунист. Отец мой убит немцами — у меня есть и личные счета с ними. Писатель-корреспондент — это не простой газетчик, который со слов других пишет заметки. Я сам все хочу видеть и испытать.

Разрешение дано. Сейчас буду ждать отправки.

Скажу для себя: все продумал и решился даже на смерть, если выхода не будет, — в плен сдаваться, сражать славу русских поэтов нельзя. Потом я коммунист. Но вчера и сегодня все же чувствую что-то грустное.

Образ Дениса Давыдова передо мною. Вот кому надо подражать. Буду думать о нем, о Лермонтове и надеяться на свою изворотливость и хладнокровие в бою. Ненавижу наших поэтических мальчиков, которые, сидя в тылу, пишут: «Я сам колол штыком...»

Жалко, что я сам написал еще слишком мало. Есть и тщеславные мысли: среди поэтов и писателей нет Героев Советского Союза; умереть или стать первым Героем. (...)

Из Ленинграда вернулся писатель Успенский Лев Васильевич. В Ленинград можно пробраться только через Кронштадт. Мы уже отрезаны и от Ленинграда, а Ленинград в свою очередь отрезан от Большой земли. Противник сводит концы финского фронта с западным. Здесь он близ Стрельны и Лигова. Ленинград бомбят и обстреливают. Гражданское население фанатически верит в моряков. Плохо используется радио. Во время бомбардировок — обычные передачи и музыка. Я должен еще походить Ленинград.

8 часов вечера. Сейчас перед моим окном произошла трогательная встреча Галины Пугачевой, библиотечарши,

¹ ИУР — Ижорский укрепрайон.

со своим мужем, майором. *Жить хочу*, чтобы так же встретиться со своей женой и детьми.

Ночь. Когда уезжал из Москвы, да и сейчас тоже, я не чувствую, что когда-нибудь снова вернусь домой, проеду или пройду от Шарьи до Блуднова, вернусь в родную московскую квартиру. Грустно это, как подумаешь, — погибнуть в мои годы поэту, который почти еще ничего не сделал, а сделать может очень много. (...)

В Москве готовится совещание трех держав. Что оно даст?

Эпиграф:

Была ужасная пора,
Об ней свежо воспоминанье...
Об ней, друзья мои, для вас
Начну свое повествованье.
Печален будет мой рассказ.

21 сентября. Полковой комиссар Яичников разрешил мне выезд в Ленинград и подтвердил разрешение пойти с партизанским отрядом в тыл врага.

Написал стишок «Так держать» (о трех кукушках на опушке). Вчера и сегодня прочитал «Принц и нищий» М. Твена.

Вернулись сопровождающие эшелон с женами командиров и комиссаров. Мытарства они претерпели страшные. Жены дорогой рожали. Эшелон обстреливали. Из Чебоксар поехали на пароходе вниз по Волге. Вернулись через Москву. Доехали до Волхова — стоп! Дальше ехать нельзя. В Ленинград пробились по Ладожскому озеру. Город и мы уже отрезаны. Веселенькое дело!

Сегодня ясная погода, и масса немецких бомбардировщиков летят в сторону Кронштадта и Ленинграда. Обратно идут по одному, тихо, спокойно. (...)

23 сентября. Я выезжаю сегодня. Надо пробыть, повидать город в эти дни. Получил кое-какой паек. Кашель сильный.

С 23 сентября по 1 октября был в Ленинграде (смотри записки в записной книжке¹). Корабли — масса — сбиты в кучу в устье. С 28 сентября по 1 октября дежурил на пристани. На водолее выходили, но вернулись из-за обстрела.

1 октября. Вышел на катере бригадного комиссара Серебренникова в Кронштадт под шрапнельным огнем. Когда ехал вперед, видел три или четыре налета на него.

¹ Этой записной книжки в архиве А. Яшина нет.

Под один попал и я. Из Кронштадта — на буксире, ночью. Мотористы накормили хлебом. Ораниенбаум представлялся мертвым городом. Люди в подвалах, в церквях. Ночью же — на оказиях, с ранеными — в Лебяжье.

2 и 3 октября. Написал стихотворение против голубого неба — «Русскому здорово, немцу — смерть»¹.

От жены писем нет. Благополучно ли доехала она до Блуднова? Сердце замирает — так волнуясь и беспокоюсь.

В Ленинграде дважды попал под бомбежку в районе улиц Володарского и Войкова. Из Петергофа наши части немца выбили. (...)

9—10 октября. (...) Кириллов (редакция) интригует против меня в связи с помещением моего снимка в «КБФ»² от 2 октября. Отправил в «КБФ» корреспонденцию и стихотворение «Не хочу голубого неба». Шел первый снег — сухие морозные хлопья.

11 октября. С письмами у дежурного штаба нашел сборничек «Боевая краснофлотская поэзия», «Отстоим Ленинград! — выпуск 1-й». Есть мое — «Моряки Ленинграду».

От жены вчера — открытка. Переехала в Никольск. Неприятно и беспокойно для меня это. Не верю я женщинам.

В 17.40 выпала крупа, побелело. Мелкий снежок. Вчера и сегодня пишу стихотворение «Тетерева», которое начал еще до выезда в 5-ю бригаду. Пишется очень трудно. Вечером закончил.

13 октября. Выпал снежок маленький и держится. Чернятьев уехал в Ленинград. Я окончательно слег. Температура 37,9°. Был врач — начальник санслужбы гарнизона Ларионов. Вечером Лебедева ставила банки. Днем докурил пачку и на этом задержался. Прекратил курение.

Молитва:

Господи, если ты есть,
Помоги мне бросить курение навсегда.
Больше обращаться не к кому. Врачи бессильны.
Самого хватает только на несколько месяцев.
А мне курить нельзя вовсе, иначе калекой буду.

¹ Имеется в виду стихотворение «Не хочу голубого неба», оно же — «Русские мы».

² «КБФ» — «Красный Балтийский флот», в то время газета Краснознаменного Балтийского флота.

14 октября. Вчера приехали из Кронштадта С. Липкин и И. Амурский. Сегодня Липкин с Успенским зашли ко мне. Я лежу. Идет снег. Пейзаж уже совсем зимний, только еще клочки травы видны. (...)

Все-таки многие люди у нас падают духом. Но даже и такие, слабые, вырастают, становятся выносливыми, упрямыми, крепкими, когда они в коллективе. Коллектив — это пальцы, сжатые в кулак.

Я тоже иногда начинаю грустить, но стоит коснуться локтем хороших людей, и я снова загораюсь, и в душе начинает играть музыка. А положение наше сейчас таково, что мне следует следить за собой, за своей сопротивляемостью. Именно сейчас, в дни великих испытаний Родины, как никогда, можно проверить силу своего характера, и свою способность на большие дела. А сопротивляемость надо воспитывать в себе, без нее литератору жить нельзя. Друзей нет — плохо, я один здесь.

15—16 октября. Снег лежит толстым слоем, как зимой, и солнце. Бело, ослепительно. Лежу. Меня кормит Рая из салона генералов. Хорошо кормит, но очень плохой аппетит. Сегодня был врач Антонина Ильинична. Требуется перевода в госпиталь: с сердцем совсем неладно. А я это уже сам видел.

Около 5 часов за мной приехала из госпиталя санитарная машина и «по приказу нач. политотдела» увезли меня. (...) ¹

18—19 октября. Вчера перевели из хирургического в терапевтическое отделение, в отдельную комнату. Доктор Антонина Ильинична Жигadlo очень внимательна, она понимает поэзию. (...)

Был Мандрико. Навестила директор кают-компаний Анна Ивановна. Принесла вина, печенье и шоколад. Я, вовсе не зная ее, начал балагурить и осекся. Деликатная. (...)

20 октября. Сданы Брянск, Вязьма, Орел, Мариуполь, Одесса. Враг движется к Москве. Упорные бои на Можайском и Малоярославецком направлениях. Слушал радио — статью Толстого: «Кровь народа». Рассказано, как

¹ Дальше в дневник вклеены материалы из газет «КБФ»: за 14 октября — очерк «Тыловики», за 2 октября — рисунок Л. Самойлова «Поэт-боец Александр Яшин (Попов)» и статья Яшина об Андрее Лебедеве «Бесстрашный комиссар»; из газеты «Боевый залп» за 14/X — стихотворение «Тетерева».

взрывали Днепровскую плотину, заводы и шахты Криворожья, Днепропетровска. Москва объявлена Сталиным на осадном положении.

В 17 ч. мне привели посетителя — мальчишку лет 6—7 в морской форме, с биноклем. Удивленно гляжу, а у самого дикие мысли: не Яша ли?.. Сегодня я весь день тоскую о детях. Эх, в Казахстан бы сейчас, к Елене, к детям. Но, видно, и они будут без отца, как я. Немцы убили моего отца... А мальчишка с бронепоезда, пришел к раненому *Попову* — пом. машиниста.

21 октября. Вчера дочитал вторую часть «Морских рассказов» Станюковича (3-ю прочитал раньше, 1-ю не читал еще) и «Кренкебиль» Франса. (...)

Рядом со мной лежат партизаны, для них госпиталь — вид санатория, оправляются от голода. Один поет: «Хорошо тому живется, у кого одна нога. Сапогов поменьше рвется и порточина одна».

Получил письмо от Л. Г. Шах¹. Вечером открытки от Гали и Людмилы (Татьяничевой).

22 октября. (...) Снег стоял. Сыро. Был редактор Кириллов. Были Ольга Николаевна и тетя Таня с букетом цветов (отдал больной сестре Зине). Была Анна Ивановна — директор кают-компании: вино, варенье, блины.

23 октября. Ночью всех больных госпиталя подняли по боевой тревоге. (...) Мне после ночной тревоги стало хуже. Кровь. Были три врача — лежать. Был Л. В. Успенский. Были Галина Пугачева и краснофлотец — он принес газеты, и письмо, и открытку от Гали.

У меня на железной спинке кровати над подушкой подвешены карманные часы. В углу палаты стоит баллон с кислородом. Оружие пришлось сдать.

Вспоминаю дорогу к батальону Боковни, проходящую в болоте (настил). По болоту долго била немецкая артиллерия. Рядом с дорогой — черные ямы, вода в них. Когда я шел из избушки лесника после ночевки в ней, справа, за болотом, на опушке сидели и токовали стаи тетеревов. Я стрелял по ним из пистолета.

Видел сон: в ССП у секретарши среди цветов над столом портрет Сельвинского — будто бы он убит.

25 октября. (...) Ворона на вершине сосны: будто и выше ее ничего и никого нет.

¹ Шах Л. Г. — артистка, которая приезжала с выступлением в ЗУР.

Для стихов. 1. Великая материнская просьба: отомстите. Плакат — у нее на руках изуродованный ребенок.

2. Сыну Яше (Казахстан).

3. Победит русский народ — как нужно молиться на него. Поэма о русской семье. Отец — участник третьей войны, сын — краснофлотец (Митрофанов), другой — партизан, девушки — санитарки. На фронте постепенное накопление боевого опыта.

4. Все мне видишься ты, родная,

Мать моих дорогих детей.

4-а. Изуродованный на войне, не стыдись своего лица. Оно дороже и милее не тронутых пулями.

5. Спим в полусон: один глаз закрыт, а другой глядит.

5-а. Прыжок парашютиста на вражескую территорию — прыжок Робинзона на остров дикарей.

6. Поле. Остатки ржи. Противотанковый ров. Окопы против посадки самолетов, колья, колючая проволока, чтобы вражеский парашютист не убежал сразу в лес. Фальшивые лесонасаждения (написал 4/XII).

7. О бодрости, о выдержке духовной. Война тяжела. «Помилуй бог!» — говорил Суворов.

8. Гражданам города Никольска.

9. Жертвы наши велики. Но Ленинграда и Москвы мы в жертву не принесем. В блиндаже: «Алло, говорит Москва».

26 октября. Вчера поздно был Заигров. Сказал, что будто бы моя корреспонденция «Тыловики» от 14/X неверна. Но ведь и Кондратюк из «КБФ» тоже получил сведения о хорошей работе этого тыла. Потом он говорил о каких-то сведениях насчет моих пораженческих настроений. Вот люди: делать, видно, нечего, так они среди своих — врагов ищут. Неужели все это в связи с помещением моего портрета в «КБФ»? (...)

Утром был Чернятьев, зав. типографией.

Москва держится хорошо: на орудийный выстрел она врага не подпускает...

Враг, не сумев взять Ленинграда сразу, перебросил часть своих сил на Москву (судя по газетным данным). Москва мой родной город. Там мои книги. Все думы мои сейчас там. Гадаю и так и эдак. Конечно, и разговоры только о ней. (...)

Да что я такое сказал, не понимаю. Или виновато то, что я иногда, чтобы больше видеть, в разговоре с незна-

комыми мне людьми становлюсь беспристрастным, объективнейшим летописцем. (...)

На очередной пресс-конференции — 23/X — Лозовский сообщил о переезде части нашего правительства из Москвы в Куйбышев. Сталин и Государственный Комитет Обороны — в Москве.

«КБФ» до сих пор не помещает моего очерка «Дружба на фронте» и стихотворения «Тетерева» и «Остров».

27 октября. Сегодня спал лучше. Пишу стихотворение «Предатель». Врач хочет свозить на рентген. Мне очень грустно, одинокий я, друга нет, милой женщины нет.

Право, лучше бы перейти в роту и стать рядовым бойцом — тяжелей, но полноценней. Все-таки мы — не вояки здесь. А положение такое, что надо всем активизироваться и воевать не по кабинетам, а больше в поле. Сдали Сталино. (...)

Вечером читал стихи врачам Зоричу и Егоровой Елене Сергеевне.

29 октября. (...) Снег держится. И воздух стал зимним, морозным. Зимнее солнце, ясь.

Врач Егорова высказалась, что, несмотря на отрицательное показание рентгена, у меня, вероятно, все же туберкулез. Возобновился старый фиброзный процесс.

Долго сидел военком госпиталя Гольдберг. Рассказывал о наркоманах после гражданской войны и лечении их. (...)

30 октября. Харьков сдан по стратегическим соображениям.

Доктор Жигadlo вернулась из Кронштадта. (...)

Японский отряд в 20 человек 23/X перешел нашу границу и напал на пограничный наряд. Раненые с обеих сторон. Беспокоит это. Неужели и японцы ввяжутся?

31 октября. Вызвали специалиста-туберкулезника. Нашел меня непригодным к строевой службе. Какая-то особая форма туберкулеза, идущая через кровь. Переливание крови противопоказано. Субкомпенсированный туберкулез. Эмфизема. Растяжение легких, утрата упругости.

1 ноября. Партизан Крат Андрей Васильевич (рассказывает): (...) «Действовали в Кингисеппском районе. Во время наступления противника незаметно остались в его тылу. 32 человека. Первый раз в тылу были 15 дней. 2-й раз — 2 месяца, а продукты получили на 15 дней.

Жили на подножном корму. Взрывали машины, повозки, мотоциклистов, резали связь, взрывали мосты, жгли казармы, в которых жили немцы. Я взрывал мосты. (Да не надо обо мне писать!) (...)

В одну деревню разведка ходила за картошкой (днем), немцев не было. Мужчины убирают колхозный хлеб — немцы заставили. Выявили кулацкие элементы. Ночью пришли в эту же деревню. Баян играл, песни, пляска. Под немецкий баян вывели у предателя корову и ушли неслышно. Большинство женщин спрашивали нас: как дальше жить будем? Скоро ли вернетесь? (...)

На полях видели: крестьяне копают картошку под охраной пулеметов и автоматчиков и носят ее в мешках на грузовики. Хлеб молотят: 75% немцам, 25% крестьянам.

Приказ видели: Всем гражданам этого селения быть от восхода до захода солнца в домах, выходить лишь по требованию германского командования. Помогаящие партизанам подвергаются смертной казни, как и партизаны. О посторонних сообщать немедленно». (...)

Выписался из госпиталя. ТБЦ легких — дали справку ВКК: «Годен к нестроевой службе».

2 ноября. Утром спал долго. Ночью отапливал квартиру. (...) Днем был у меня комиссар Андрей Андреевич Лебедев. Я обедал в кают-компании, вызвали по телефону из редакции. Скоро будет много танков, и мы договорились пойти в бой на одном танке вместе. (...)

4 ноября. Выступление в стихах на конференции боевого краснофлотского актива подготовил, но выступать не пришлось: не дали слова. «Кто такой Яшин? Никто же его не знает». Обидно было. (...)

В заливе недалеко от берега за кромкой льда — стайки лебедей. («Лебяжье» — отсюда).

5 ноября. Пишу стихотворение «Праздничные подарки» для газеты 2-й бригады «Боевая балтийская» по просьбе Зонина. А редактор не дал его. Опять неудача.

6 ноября. Стихи для первой полосы праздничной газеты — «Боевая годовщина». Кириллов заказал и тоже не дал — места не хватило. «Перебежчица» тоже снята.

Звонил начальнику ПО полковому комиссару Медведкову: — Не нужно ли выступление поэта с октябрьскими стихами на торжественном заседании (форт «Ф»). Ответ резкий: «Нет!»

Речь Сталина. (...)

7 ноября. С утра канонада: немцы гадят для праздника. В Москве — парад. 200 танков.

Выступали с Мандрико и Галинским в клубе — для школьников. Школа не работает. (...) Вечером выступил в клубе школы младших командиров: «Боевая годовщина», «Тетерева», «Перебежчица». Сбился, забыв строфу.

8 ноября. Поговорил с Заигровым в отношении моих «пораженческих» настроений. (Было будто бы заявлено полковому комиссару Медведкову.) «Надо, — говорит, — все же написать объяснение». Попробуй вот доказывай, что ты не верблюд. Мандрико говорит, что ко мне есть неприязнь. Это от Кириллова идет и от моего неумения жить с людьми (...) ¹.

9 ноября. (...) Получил открытку от Елены Смирницкой — первую за все время войны. Плакал в жилетку Успенскому.

10 ноября. К Елене...: «Старая жизнь наша, все наши ссоры, недомолвки и обиды сейчас мне кажутся такими маленькими. Все думается, как мы могли так не дорожить жизнью друг с другом, собою, временем своим, своим счастьем».

Мы все здесь стараемся, как можем, честно выполнять долг свой перед родной землей, настоящая любовь к которой приходит, как я убедился, только на войне, в жестоких боях, когда каждый человек в любую минуту может быть убитым. Многого мы раньше не понимали и не умели ценить, часто мелочи заслоняли от нас главное, и это главное сейчас стало для всех до слез родным, близким, за что радостно идти в бой и не жалко отдать жизни своей. Великая любовь к родной земле, к ее лесам, полям, деревням, к русским собакам, к русским медведям и великая ненависть к врагу рождается на войне. Какими великолепными агитаторами за Советскую власть будут все те из нас, кто уцелеет в этой войне, испытав на себе все ее тяжести. Я сейчас хорошо понимаю, почему старая гвардия большевиков — партийных и непартийных — так тверда была всегда при любых испытаниях мирной переделки нашей страны. (...)

¹ Дальше в дневник вклеены материалы из газеты «КБФ»: за 15/X — стихотворение «Русские мы»; за 16/X — очерк «Фашистские мародеры грабят население»; за 18/X — очерк «Крупин тревожит противника» и вырезки из газеты «Боевой зал» со стихами А. Яшина.

13 ноября. Тяжелейшее настроение не проходит. Все-таки это, видимо, следствие общего физического недомогания. А может быть, предчувствие беды какой-нибудь? Раньше, бывало, отоспишься, и все проходит, а сейчас и спал порядочно в эти дни, а все грустно и тяжело. Правда, и сон плохой, беспокойный. Ничего не понимаю. Питаюсь хорошо и не без аппетита. А может быть, сытость этого каменного строения влияет на меня. (...)

14 ноября. (...) Разговаривал с Успенским. Жду машину — поеду в танковый батальон к Лебедеву. Уехал ночью с командиром танкового батальона ст. лейтенантом Венигом и начальником штаба капитаном Пеленкиным. Ночью по лесу ехали с синим светом фар. Таинственно, красиво. Вечером выступал со стихами перед танкистами. Очень довольны. Читал также Пушкина.

15 ноября. Утром обход территории батальона с комиссаром Лебедевым. Первоначальное знакомство. Вечером приехал обратно, но партсобрания не было, а на совещание в ПО опоздал.

Зимой надо будет обороняться и со стороны залива. Будем готовиться к этому.

16 ноября. (...) В кают-компанин посадили всех на паек. К обеду сегодня дали сухарей и гр. 30—40 хлеба. Сахар порциями — 30 г на день, масла нет. Разумно это. Давно бы надо было начать экономить все.

Почты уже нет в течение нескольких дней. (...)

17 ноября. Писал стихотворение о шинели, правил чужие стихи — башенного стрелка. Вечером долгий разговор с Мандрико. (...) А я тоскую о детях. Раздвоен. Половина в Никольске, половина в Урицке.

18 ноября. Выезжаю в школу младших командиров. БО и ПО. Выехал ночью часов в 8 с лошастью (сухари). Шел больше пешком. Ночевал в штабе школы — землянки, металлические двухэтажные койки-нары. Начальник клуба Курныкин. Школа существует давно. Была в Лебязьем. (...)

Не курю.

19 ноября. Утром с Курныкиным пошли в батальон. (...) Завернули на батарею — командир Капустин. (...) *Землянка* — избушка в земле. Сальная свечка в бокале (с освещением везде трудно, используют воск для натирания полов и пр.). Коптилки из консервных банок. Под потолком гранаты в гнездах, бархатное красное кресло. Позднее принесли чучело фазана.

Днем ходили в минометный взвод Марудина — за Усть-Рудицей. (...) Ходы сообщения недавно вырыты, с воздуха все видны. Всюду воронки. Еще копают картошку из-под снега. Разбитые дома, деревья.

Землянки. У Марудина две половины: камбуз (курят) и кубрик (не курят). Дворец. Стены, потолок, пол — тесовые, с бывшего помещичьего двора. Только вход низок. Двойные нары. Матрац во все нары — сено под одеялом. Место для ног. У Серикова: длинный входной коридор, коленчатый, в одной стенке — умывальник. Три наката бревен. Но дымит печка. Стены в фанере. В землянках и пища с землицей. На веревках у землянок белье, тельняшки. Уборные в еловых ветках. У младшего сержанта Броваренко (разведчики) картины: Сусанин, сын Бульбы с полячкой, открытки, книжная полка.

Ночью с военкомом Эуфером, Курныкиным и двумя бойцами прошли в передовое охранение. Там землянки низкие — вода близко, рыть нельзя. (...) Во взводе Крашенинникова читал стихи. Эуфер выступил, благодарил. Ночевали во взводе Потахина. Землянка еще не достроена, холодно. Она огромна, а дверь одна. Просыпался, переобувался.

20 ноября. Утром — не менее 1500 мин и снарядов. Отсиживались в землянках. Я читал стихи свои и «Медного всадника».

Завтрак, скудно. Курныкин пролил котелок и остался без завтрака. Обратошли лесом трое: Эуфер, Курныкин и я. Наготове... Взлетел тетерев, я схватился за полуавтомат. Нашел кусок хлеба, ел с мороженой капустой, вырывал из-под снега. На КП батальона поспал.

Вечером вышли с Курныкиным в роту Рязанцева. Землянки — под сараями: добавочная прочность и маскировка. Лампочка от аккумулятора. Землянка-капонир — две амбразуры, пулемет. Читал стихи.

21 ноября. (...) Пятая читка стихов у Марудина для роты Плохова. Во время читки начался бой: пришла боевая разведка немцев (около двух взводов). По местам! «Спасибо, русс!» — кричит немец, получивший «домашнюю» рану.

Шестое выступление на батарее Капустина — на обратном пути, седьмое — в штабе школы, в камбузе в 8-30.

23 ноября. Переделал статью Мальцева. Получил полушубок. Валенки нет, уже раздали. Хлеба — 300 гр. в день, сахару — 30 гр., масла нет.

Перевел Елене Сергеевне Смирницкой 500 р., маме — 500 р.

В Ленинграде гражданское население — иждивенцы и служащие — получают 150 гр. хлеба. Наборщики рассказывают: пухнут уже. Здесь — тоже. Ленинград блокирован. А письма как-то все еще получаем. А мы от Ленинграда почти отрезаны. «Пятачок».

Велик и многотерпелив русский народ: все вынесет. (...)

Хотим устроить облаву на лосей и диких коз.

24 ноября. Утром прогулка. Передали постановление о налоге с холостяков и бездетных. Так их!

Запишу стихотворения, написанные еще в Москве. (...)¹

25 ноября. Всю ночь бил форт. Спать было невозможно, стекла дрожат, дом трясется. (...) Сталин приказал: сжигать населенные пункты, выживать немцев на мороз. И форт сегодня ночью бил по деревне Вороново. Она горит.

Настроение у меня все больше подавленное, видимо следствие процесса туберкулезного. Какая-то тихая меланхолия, тоска. А иногда нет-нет да и воспарю, как и раньше. (...)

В клубе школы выступление Пухова: на Карельском фронте нами занята высота Важная — направление к Мурманску. Ленинград блокирован. Ведутся бои в районе Тихвина и с нашей стороны в этом же направлении, чтобы прорвать блокаду.

С 16/XI враг начал второй поход на Москву (первый с 3/X). Гитлер приказал: расправиться с Москвой любой ценой. Там у врага около 40 дивизий. Бои под Москвой будут во многом решать дальнейший ход войны, исход ее. Калинин не сдан, хотя и идут бои на Клинском направлении. Тула не сдана. В Донбассе затишье. Под Ростовом-на-Дону наши разгромили три соединения немцев (танковую группировку известного теоретика танковой войны Клейста) и продвинулись за 20—23 ноября на 60 км к западу.

Кино «Маскарад».

26 ноября. Утром вышли и проходили с Мандрико весь день на форту «Ф». Я по справке об усиленном питании получил масло (немножко прогорклое, зацветшее),

¹ Дальше идут записи текста стихов «Действующий поэт», «Остров», «Наркомовская чарочка».

полкило сахара, коробку печенья и бутылку мадеры (Мандрико выпросил). (...)

Форт бьет. Вспышка молнии и взлет грязного землистого дыма над сосновым лесом.

Приказ от 26/XI: с 27/XI сего года ни одного дня без строчки (надо по 10 строк в день).

Уже несколько дней, как умываюсь только снегом, — воды нет.

27 ноября. Первый раз встал на лыжи.

Написал две статьи: «Моряки, на лыжи!» и «По землянкам». 10 строк стихотворения «Не позабыть мне первых схваток».

28 ноября. (...) Днем видел: ведут двух лошадей, еле живых. Одна заржала замогильным голосом — жалоба на голод. Мужик удивился: «Ишь как развеселилась!» (...)

29 ноября. Неожиданно начало таять. С крыш течет. На тропинках лужи. У меня сразу захрипело в груди. В нашей Ижорской (Лебяжской) республике стали ходить поезда — от Ораниенбаума до Калищ. (...)

Мандрико сегодня поехал в Ленинград. Говорят, что от Кронштадта до Ленинграда уже ходят пешком.

20 строк стихотворения «Москва читает стихи поэта».

30 ноября. Сегодня летают над нами 3 советских ястребка («чайки»). Радостно слышать этот гул, давно его не было. Передано по радио: еще удар по войскам врага. Был захвачен Ростов-на-Дону. Выбили...

Написал две строфы, завтра будут в газете. Сегодня опять приморозило.

Вечером Успенского и меня вызвал бригадный комиссар Фомин (там был и Краснов). Он недоволен, что мало пишем в центральную прессу: «Вы представители не «Боевого залпа», а центральной прессы».

Написал строк 20. Дописал «Москва читает стихи поэта».

Берег финский совсем близко (18 км, что ли?). Среди залива еще свободна ото льда. Сегодня видел — идут наши корабли, видимо, транспорты и сопровождение. Грустно. Воли им нет.

1—2 декабря. Получил хлебный паек на три дня и перешел на бронепоезд Кропачева. Обход бронепоезда, знакомство с ним. (...)

Дописал «Чем поддержать Москву». Кропачев очень доволен. Выступал по радио, читал стихи. (...) Провел

первое занятие литкружка, который организую на б.-п. поезде.

3 декабря. Выхода на операцию все нет. Кормиться на б.-п. зря неловко, стыдно. После обеда вернулся домой. (...)

Все чаще и чаще захватывает меня беспричинная тоска, тяжесть на душе невыносимая — сидишь, сожмешься весь, пошевелиться жутко. Тоскую по дому, по детям, по Гали. Но, вероятнее всего, это сказывается ТБЦ. (...)

4 декабря. (...) Ветер. Мороз. Залив во льду. Успенский пошел на форт, полушубок на этом великане кажется детским. В амбулатории взял рецепт на витамин «С».

Две открытки от Гали — от 24/IX и 4/X — больше двух месяцев шли. Письмо от Шах. Мандрико 29-го выехал в Ленинград. Что-то говорят, будто транспорт бомбили, погиб Мишутин. (...)

Начал стихотворение «Землянка» — 18 строк.

В сводке — утро 30/XI — сообщается: несколько дней назад после ожесточенных боев наши войска оставили город Тихвин.

Дочитал «Утро помещика» Л. Толстого. Прочитал рассказы: «Набег (рассказ волонтера)», «Севастопольские рассказы», «Рубка леса (рассказ юнкера)». В «Набеге» есть молодой прапорщик. Как я был похож на него! Как велик Толстой в правде своей и как прост — все самое безыскусственное, лишь пунктуальное следование за истинной человеческих переживаний.

5 декабря. (...) Канонада. Скоро залив будет полем боев и, верно, очень жестоких. Плохо все же писать стихи, когда все время есть хочется. А, наверное, это еще только начало тяжестей, которые предстоит нам перенести. Прочитал «Из записок князя Д. Нехлюдова», «Три смерти». (...)

6 декабря 41 г. Видел во сне Елену Первенцеву или что-то связанное с ее близостью, с нею. Жизнь мне все время мстит. Сейчас вообразил, что на востоке может произойти так, что обе Елены окажутся вместе. Ну и сумбур же я. Каких только встреч с Еленой Первенцевой мне не представлялось и не снилось за эти годы!

Из письма жене — Гали Громыко:

«Я чувствую удовлетворение от того, что и на наше поколение выпали военные испытания. Было бы нехорошо, если бы мы всю жизнь прожили так гладенько, как до сих пор. Этак под старость, пожалуй, все стали бы

ворчунами. А теперь мы до седых волос будем радоваться каждому новому тихому дню, радоваться солнцу, траве, каждому дереву, каждому цветку. И в тысячи раз больше, чем раньше, будем дорожить любовью к себе, семьей своей».

Несколько дней назад — числа 22/XI — начала работать школа. Ребята бегают с заплечными сумками. В деревнях здесь в ходу «финки» — санки, железные полозья: один сидит, другой сзади гонит и встает на полоз. «Финки» используют даже для перевозки некоторых тяжестей, ездят с ними в магазин.

Паровозы, вагоны выпачканы белилами (известью). Пишу «Землянку» — стих. Второе занятие литкружка на бронепоезде Кропачева.

7 декабря, воскресенье. В 17 ч. делал доклад для колхозников в деревне Красная Горка — о конституции. Потом читал им стихи: «Шинель», «Поддержим честь Москвы», «Перебежчица», «Сватовство», «Олена», «Танк».

Колхозники собирались с трудом, пришло мало, больше женщины. У них своя жизнь. Учительница Соколова, секретарь парторганизации, напоминает о сборе веточного корма, о сборе колючей проволоки для фронта. Большой мороз и ветер.

Англия с 00 ч. 01 м. находится в состоянии войны с Финляндией, Венгрией и Румынией. Под Москвой — наше наступление (Можайское шоссе). (...)

9 декабря. «Милая моя, родная моя Гали! Я только что вернулся с бронепоезда Кропачева. Вечер. В ночь на 8-е, часа в 4, меня разбудил звонком капитан Кропачев, и я, спешно одевшись и захватив автоматическую винтовку, почти не поспав, убежал на станцию. Хочется порассказать о своем житье-бытье, но посылать письма, вероятно, все равно бесполезно, и вот пишу в дневничок свой о своей любви к тебе и о тоске своей. Как хорошо бы сейчас посидеть с тобой рядышком, поговорить, послушать тебя. Как хороша мирная жизнь, Гали. Завтра нам снижают паек еще. Было 300 гр., сколько будет сейчас — не знаю. Я обращаю на это внимание только потому, что боюсь обострения туберкулеза легких. Прибавки мне не дали, несмотря на медицинские справки, а умереть от чахотки раньше времени не хочется. Лучше бы уж быть убитым. Физическое состояние мое очень плохое, в груди хрипит все больше и больше. Из-за этого, вероятно, я еще больше тоскую. Обидно, что не вовремя заболел.

Хочу тебе сказать, родная, что сейчас мне очень хочется жить,—раньше меня это не особенно волновало. Хочу сказать, что, несмотря, казалось бы, на явную мою обреченность при настоящем положении и на возможность смерти каждый день, я всегда не готов к смерти, и не буду к ней готов никогда, не хочу ее. Но по-честному, так называемое моральное мое состояние хорошее. Я в чувствах, в мыслях, в ощущениях, в желаниях своих всегда коммунист, только коммунист.

Уцелей в жизни ты, родная, оставь Никольск, если нужно будет, и поезжай дальше. Очень хочу тебе жизни и здоровья. Люблю. Целую».

7 декабря Япония объявила войну Англии и США. Сейчас уже весь мир воюет, кроме Ирана, Турции, Швейцарии, Швеции, ну, еще Португалии, Испании. Даже Канада, Австралия — в войне. Ладно, веселей нам будет! Хотя отвлечение США и Англии на Востоке нам не на пользу. К тому же можно ожидать вторжения Японии и к нам.

Почта давно к нам не ходит. Ждем пути из Кронштадта по льду. Мандрико еще не вернулся.

В ночь на 8-е в 4 ч.— к Кропачеву. В 6 ч. утра были на станции. У Кропачева на бронепоезде сын его — подающий снаряды. Семью Кропачева вывезли из Ленинграда на самолете.

Позиция на ж.-д. ветке за Калищами. Верхушки сосен сбиты, стволы исщеплены: чем рубить, решили просто лучше потерять несколько снарядов. 8-го метельно и теплее, чем 7 декабря. Сначала шел на паровозе. Пламя в топке.

С комиссаром Кудзиевым и лейтенантом Алешко, командиром 1-го батальона, по снегу вброд ходил в Устье на совещание нач. артиллерии в 5-й бригаде. Подъем по льду на санках. (...) Бронепоезд остается на позиции. Остался и я, хотя нет аттестата и неудобно быть нахлебником.

Днем и ночью читал «Историю моего современника» Короленко. В 2 часа ночи на 9/XII стрельба. Бил Алешко по Малым и Большим Копоркам. 10 залпов — 1-е орудие. Я стоял на платформе. Ослепляет. 10 залпов — 2-е орудие. Я — на земле. Немцы начали обстреливать гранатами. Кропачев быстро скомандовал: «Снять посты, приготовиться к отходу. Малый назад». Связь была просто приключена, провода не связаны, поэтому снялись быстро.

Отошли. Немцы выпустили больше ста снарядов. Процентом 20 не разрываюся.

С новых позиций била батарея Ефимова по 15 и 10 залпов. Бьет на 12 км (3 ч. 40 мин.). Бьет и Стукалов, он сзади нас (4 ч. 20 мин.). Часов в 11 утра пристрелка по Петровицам. Бьет Алешко с корректировкой с вышки.

На «летучку» опоздал. Выехал на стукаловском бронепоезде. У них есть пишущие стихи: Рогожин и Эйман. Прочитал «Поликушку» Л. Толстого.

10 декабря. Тихвин взят нашими войсками. (...) Ханко эвакуирован. Около 35 тысяч моряков к нам прибыло. Несколько тысяч погибло в пути на своих машинах (транспорт «Сталин»).

Днем, с утра — наступают 5-я бригада и школа младших командиров. Вчера наступала 2-я бригада. Я с бронепоездом. Ночью пошел на бронепоезд Кропачева. (...)

12 декабря. Плохое здоровье. Хрип, одышка. Едва дышу. Доложил Краснову о квартире и о необходимости питаться лучше. На этом пайке я быстро свернусь. (...)

В последний час: после 10 ч. вечера 12/XII передано об окончательном провале немецких планов окружения и взятия Москвы. Немцы отступают. С 16/XI началось второе наступление немцев на Москву. С 6/XI — наше контрнаступление.

Мы с Мандрико обнимались и почти плясали. Я позвонил в редакцию, поздравил всех. Завтра будем выступать в частях, в деревнях. Как поднимается боевой дух наших армий на всех фронтах! Силы наши сохранены. Они крепнут, мужают, растут. Мы еще только по-настоящему начали выпрямляться во весь рост.

11 и 12 декабря прочитал Конан Дойля «Красное по белому» и «Знак четырех».

14 декабря. Дрова не везут. Ночью стащил от кают-компаний. (...) Мороз, — мне сразу стало легче дышать. Вечером выпили «голубой ночи» — с Мандрико перед ужином. Позднее долго сидел старший политрук Звонков, корреспондент «КБФ». Читал ему стихи.

От Гали на почте нашел несколько открыток и два письма. Письмо из ССП. Прочитал «Холстомера» Л. Толстого. Надо стихи об артиллеристах — они основа ИУРА, о Красной Горке, о битве на льду, разведчиках, лыжниках. Буду писать стихи. *Надо не забывать, что я поэт.*

15 декабря. Пилил и таскал дрова. Начал писать стихотворение «Владыка мира». Боюсь, что верные (...) тол-

стовские представления о войне, о частях воинских, о людях у меня будут совсем стерты в памяти газетной работой. Скажем, на бронепоезде Кропачева сразу бросилось в глаза: рассказы о боевых выходах всегда приукрашены, романтичны, а действительность не так страшна и мудра. Вышли, постреляли из лесу по невидимой цели — и все.

16 декабря. Со старшим политруком Звонковым, корреспондентом «КБФ» — на форт «Ф», Красной Горке. (...) Звонков похож на Леонида Мартынова. Он только что вернулся с Ханко. Много пережил. «Человека давят меж двух бортов». Рассеян, внешне чуждаковат, не болтает, а думает. Спали в доте клуба. Звонков жаден на еду. Лишний талон у меня.

17 декабря. Форт «Ф». Осматривали батарею. Сообщение Звонкова о Ханко командирам форта. Вечером я выступал перед двумя сеансами «Златые горы» со стихами. Спали у Мустафаева.

19 декабря. Дописал стихотворение «Красная Горка». Так себе, проходное. Вернулся Звонков. В Ленинграде люди умирают, особенно дети. Машинистка «КБФ» слегла и лежала в сыром убежище — квартиры не было. Я сообщил, что паек там увеличен до 200 гр. Звонков очень обрадовался за жену (она инженер), но был все сдержан, только по-детски улыбался.

20 декабря. Весь день писал стихотворение «Сталин в землянке». Написал. Очень доволен. Оно вышло по сюжету совсем не таким, каким было задумано. (...) Но Кириллов в газету не взял (завтра день рождения Сталина), заявив, что в стихотворении преувеличена роль личности в истории. Должны пойти стихи Успенского. (...) Звонков предлагает послать в «КБФ».

Письма от Рожавиной и от Филиппова¹ и вырезка из «Сталинградской правды» стихотворения «Русские мы».

25 декабря. Начал получать с почты газеты.

26 декабря. Мороз очень сильный, впервые такой в эту зиму. Пилил сосну на дрова — с Аленой Николаев-ной Дик и с Таней.

¹ Филиппов Александр Гаврилович — друг А. Яш-на по Литинституту; в годы войны и после нее был главным редактором «Сталинградской правды», сейчас председатель Государственного комитета по делам кинематографии РСФСР.

Звонков днем не добился от меня по телефону связи с «КБФ». Вечером связался легко. Тяжело есть, когда знаешь, что в Ленинграде твои родные (у него жена) голодают. Откладывает по куску и сушит.

Написал новогоднее стихотворение. Баня с веником. Чудесно, жарко, только слаб стал.

28 декабря. Необыкновенное утро. На почте перевел 200 рублей Елене, вышел и ахнул: появившееся на горизонте солнце позолотило, расцветило все в нежнейшие тона. Индевь на березах засветилась, как мишура на рождественских елках. Пруд, лед, дома за прудом — все напомнило рисунок на переплете моего техникумовского журнала «Наше творчество».

Ходил в деревню Борки, провел беседу с колхозниками о положении на фронтах. Живут русские и финны — наполовину. Домики опрятны не все, но почти на каждом что-нибудь да выкрашено: то весь обит тесом крашеным, то терраса, то наличники, то крыльцо. (...) Народ культурный — удивились, что я спросил, все ли знают, кто такой поэт. Читал им стихи. Писал «Землянку», еще не кончил.

31 декабря, среда. Перепечатывал стихи для сборника. Так к Новому году его и не закончил. Вечно я опаздываю жить. Не дописал «Землянку».

Выступил на митинге со стихотворением «С Новым годом!». Взяты Керчь, Феодосия.

У Мандрико в КЭЧ рыба и вино. Встреча Нового года грустная и смешная. (...) Я совсем болен. Ночью били форты. А у меня болела грудь.

1942

2 января. Перепечатал «Землянку». Сборник готов. Думаю назвать «Боевая балтийская» или «Стихи Балтике».

Обдумываю поэму. Надо начинать работать. Тоскую о детях. В семейной жизни у меня, конечно, трагедия, раздвоенность. Если бы не дети, мне с Гали — лучшего желать не надо было бы.

Как хорошо иметь друзей, да побольше, да получше — верных, честных. К сожалению, меня судьба не балует ими. Не умею я дружить. Если я увижу в человеке что-либо плохое, я сразу забываю обо всем хорошем, что в нем может быть. И это мне мешает сходиться с людьми. Слишком переоцениваю я звание поэта и его место и роль в истории. (...)

Перед людьми я или благоговею, что также не ведет к сближению с ними, или ставлю себя выше их. Отсюда все: и я легко обижаю их и сам чрезмерно обидчив. Как тяжело все это. «Не отвращай меня от своего расположения, добрый человек, и я — весь твой».

3 января. Меня и Успенского вызвал к себе зам. начальника Пубалта бригадный комиссар Рыбаков. Я приготовил сборник. В «КБФ» новогоднего стихотворения тоже не дали. Звонкова здесь берут в работу за полосу о Красной Горке. С Мандрико и Звонковым варили вечером лещей. Я все первничаю. Звонков не считает разумным мое намерение проситься в роту, не выдержат, говорит... Да и не целесообразно.

Опять я метаться начал. В Мукково, в ЗУРе, спать было некогда, и я скулил, что не хотят люди считаться

с тем, что я поэт и мне писать надо. Сейчас другие условия, а мне опять покоя нет. Таков поэт. Наставления Звонкова снова очень помогли мне и заставили успокоиться. Надо организовать совещание начинающих писателей. Надо спешить писать, пока у нас тихо. Надо проводить выступления литкружковцев по радио.

4 января. Передал сборник «Моряки идут в атаку» Рыбакову. Провел занятие литкружка на бронепоезде № 8. Начал писать стихи об Остроменском.

Прибыли вице-адмирал Трибуц и, кажется, начальник Пубалта Лебедев. Завтра будут выдавать ордена награжденным. Вьюга, намело порядочно снегу. Сыровато. Тоскую о жене.

5 января. С 10 ч. утра раздача орденов. Я проспал, опоздал. В 12 ч. обед для награжденных. Посидел со Звонковым. Хлеб со жмыхами, черный, тяжелый.

Во второй половине дня выступал в госпитале со стихами — в трех палатах. Завтра с утра в остальных.

6 января. Сон: «Грандиозный воздушный бой, вроде как над Блудновским полем. Много немецких самолетов валится. Один сел разбитым. Я двух летчиков арестовал: вытащил пистолет, передернул затвор:— Руки вверх!— Отобрал у них парабеллумы, но сам не обыскивал, верил на слово. Разговорились. Молодые ребята. Я добродушен и доверчив. А они — такими казались. Один ушел. Я послал за ним погоню. На дороге в зелени набросанных веток нашел снаряжение для нагана. На ремне увидел чудесный финский нож и еще кое-что в кожаных чехольчиках».

А утром пришел наборщик Гаврилов за патронами для найденного им нагана. Взял 100 рублей в долг. Завтра он с Кирилловым едет в Ленинград.

В «КБФ» от 3/1 заметка Звонкова «В разведке». Оказывается, на Новый год он был в разведке, и очень интересной, убили часового, встретились с партизанами. Вот как это делается: спокойно, без шума, буднично. Он даже не говорил ничего о том, где пропадал.

8 января. Ночью сильнейшая боль в правой половине груди. Скоро, видно, снова в госпиталь. Сон: в какой-то восточной семье обедал, роскошно, жирно. Решил, что будет дольше жить в этой «части».

Сегодня еду в артдивизион и в 3-й Особый полк морской пехоты (бывшая Школа младших командиров). Там сейчас командиром Лосяков.

12 января. Дети или Гали? Боюсь обидеть Гали, жалко ее, что с нею будет? И что будет со мною без нее? (...)

14 января. Мороз 31°. Вечером на летучке — в Лебяжье. Теплушка. Тыл бондаревцев едет с печкой-жестяной. Едят шпиг. Завидно. Читал им: «Медного всадника», «Шинель», «Перебежницу». Боксировал стену вагона — вагон дрожит. Кто-то ужаснулся силе моих кулаков — мне приятно. А ведь не богатырь, нет. Знаю это, но это приятно, когда сочтут за богатыря. У печки сгрудились, как кони ночью, защищающиеся от волков, — зады в сторону, головы в круг.

Мандрико найти не смог, взломал дверь. Мороз. Отопить не мог. Поспал немного в общежитии командиров, промерз.

15 января. Отапливание. Вечером кино — «Музыкальная история». Ничего не делал.

В Пениках гадала бабушка Марья Никитична, в ночь на новый год: «Неприятность в казенном доме, неприятность через деньги, через военного человека. Девушка на сердце. Дороги, дороги».

16 января. В «Боевом залпе» мое стихотворение «Владыка мира». Утром вызвал срочно бригадный комиссар Фомин: стихотворение из-за последних строк признано неверным — пленных расстреливать нельзя. Потом — у Медведкова. Горячится, матерится: «Больше не пропущу ни одного вашего стихотворения... Отправляю вас в Пубалт». Ужасно дико все. Это — «неприятность через военного человека».

Стихотворение снимают, тираж газеты уничтожают и печатают заново. Чуть позднее был у Белова. Гнусная история с часами. Совершенно разбит. Болен. Ничего не могу делать. Пишу письмо Вишневскому. Рассказал все Звонкову.

17 января. Не могу работать. Послал письмо Вишневскому. Болен. На совещание истребителей в Б. Ижору не поехал. В кают-компании будто бы был спор о моем стихотворении. Многие считают, что оно верное. День пропал снова.

19 января. Утром в кают-компании Белов предъявил мне новое обвинение: я не уплатил за еду, которую мне приносила в лазарет Анна Ивановна. А сколько раз я требовал, чтоб она от меня приняла деньги?! Ужасные люди. Сама же отказывалась. И я решил, что за передачи в лазарет не платят. (...)

Провел собрание литкружка на бронепоезде Кропачева. Читали стихи пулеметчика Смирнова. Прочитал «Во весь голос» Маяковского и «Скрипка и немножко нервно». С пулеметчиком Смирновым привез с бронепоезда дров на санках. Ох и намучились!

Узнал, что Мустафаева (Красная Горка) приговорили сегодня к расстрелу (ушел с батареи при готовности № 1 к бабе). А совсем недавно в «КБФ» в полосе Звонкова был его портрет, и я писал о нем. О слава, слава!!

Пишу «Истребитель». Остался долг за три дня, 30 строк.

Пухов рассказывает: в Ленинграде на улицах можно встретить трупы, везут часто неприкрытых, без гробов. Мать Пухова похоронили в гробу.

20 января. Топил весь день, и все без толку. Мороз около 30°. Перечитал стопку газет. Симонов — разъездной военный корреспондент «Красной звезды». Писал с Северного фронта, с Западного, забрался уже в Феодосию (очерк «Предатель»). В «Красной звезде» были три стихотворения его. «Мы возвращаемся». Средние стихи. А вот в «Правде» от 14/1 — стихотворение «Жди меня» очень хорошее, человеческое. Многие будут рады ему. Сильный человек Симонов. Зависть гложет меня. В «Красной звезде» его рассказ «Третий адъютант» — хорош. На сон прочитал книжку Звонкова.

21 января. Мороз 30° с лишним. Ходил к врачу. Буду принимать хлористый кальций. (...)

Писал поэму. Начало: «Горели станции и села». Долг ликвидирован.

23 января. Опять мороз. Дописал сценку — «Впервые сегодня огнем окрещен» — 35 строк. (...) В редакцию не хожу уже несколько дней. Работаю, но на душе все равно не спокойно.

24 января. Мороз и сильный ветер. Ветер такой впервые. У штаба 31°. У залива, вероятно, не меньше 36°. (...) Написал только 20 строк. Очень недоволен. Теперь пока стоят морозы и еще есть возможность сидеть на месте, надо писать и писать. Ежедневно читаю понемногу Пушкина. Сегодня «Граф Нулин», «Домик в Коломне».

25 января. Сегодня должен дать 40 строк. Дал 50. Возможно, строк 10 вылетят. Выключили свет снова. (...)

Провел вместе с Мандрико собрание в школе — средней. У них завтра кончаются каникулы. Для детей был

утренник с обедом, с подарками. Мое выступление со стихами приняли очень хорошо, долго просили: «еще!»

«В последний час» от 23/1. Нами взяты Холм, Андринополь, Зап. Двина. Железная дорога Ржев — Великие Луки перерезана. Немцы еще во Ржеве. От Холма можно пройти прямо на Рижский залив. Вот была бы грандиозная операция!

26 января. Вчера ночью выключили свет. Сегодня пошел к Медведкову просить о свете. Вместо ответа он сказал, чтобы я уезжал в Ленинград в распоряжение Пубалта. И сегодня же. Шли автобусы с людьми на курсы политруков. Я собрался. Но была перегрузка и выехать не смог. Документы все получены. «За невозможностью использовать». (...)

Вечер — в темноте. Потом копилка. Все же написал две строфы.

Еще один мой друг погиб. Петр Иванович Звонков¹ — спецкор «КБФ». На Ханко уцелел. Сюда приехал, говорил — как на курорт. А пожил только несколько недель. Полетел на транспортном самолете на Гогланд (там наши). Финские истребители сбили будто бы два самолета. Спаслись двое. Погибло человек 10. Сказал мне об этом вчера Гаврилов, наборщик. Очень грустно было. Звонков — человек со странностями, потому что всегда на чем-нибудь сосредоточен. Повадками походил на Л. Мартынова и рыжеватый так же. Усы рыжие. Работал много и хорошо...

29 января. Выхать не смог. А завтра, по документу, срок явки в отдел кадров Пубалта. Сходил к Медведкову. Договорились: поеду вместе с Успенским к 5/II на совещание писателей и там останусь. (...)

Сейчас 19.30. Сажу с копилкой. Рассказ о Лебедеве все еще не дописан. Более тяжелое душевное состояние трудно придумать. Да еще и папирос нет. Боже мой, как я устал. Сейчас бы к Гали, в тепло, в колени и забыться, замереть, зареветь, заснуть. В дни, когда я был постоянно под огнем, в боях, под воем мин — мне было легче. На душе было хорошо, спокойно. Я был счастлив. (...) Гали моя, Гали!

¹ Ежегодно 5 мая флотская газета «Страж Балтики» (б. «Красный Балтийский флот») присуждает своему лучшему военному призу имени П. И. Звонкова — боевого репортера «КБФ», погибшего при выполнении редакционного задания.

Позавчера на форту Успенский рассказал, что к нам прибыла целая армия с тяжелыми танками и орудиями. Скорей бы. Но я уже не здешний. А Звонков погиб. 10 строк поэмы. Прочитал «Полтаву».

30 января. (...) До боли жаль, что вторично пришлось уничтожить все письма Гали. Много в них души. Письма эти послегодились бы, а их не восстановишь. Не вспомнишь неповторимых слов.

31 января. Рассказ все еще не окончил. Завтра закончу. Девочка в красном пальтишке из Б. Ижоры ходит уже без брата. Все время плачет. Ночью редела и стучалась в салон, видимо, она.

1 февраля. (...) Закончил рассказ о комиссаре Лебедеве. Писал 5 дней. Получилось 22 полных страницы чернилами. Еще не читал никому. (...)

Потеплело. Идет снег.

3 февраля. Утро. Сильнейший бронхит. Эти машины сегодня в Ленинград не идут. Утром радио сообщило: наши войска несколько дней назад оставили Феодосию. Но вся сводка, в общем, наступательного характера.

Сегодня без столовой, на одном хлебном пайке, и все время особенно мучительно хочется есть. Приварок и дрянной, но все-таки, видно, поддерживает немного. (...)

Антониченко — комиссар 2-й бригады — был ранен, приехал в Ленинград лечиться и умер, угорев от «буржуйки».

4 февраля. Ленинград. Выехали. в 7.30 утра на машине бронепоезда Крощачева с комиссаром Кудзиевым. Едет и Краснов. Заставы перед въездом на залив и далее бесконечно. Мужик собирает в рукавицу овес на дороге. До Кронштадта дорога хорошая. Кронштадт — застава — темный холодный коридор. От Кронштадта дорогу переделали. Стали согреваться, потому что тащили машину на себе. Указатели старые: 30 км (не больше). Много машин в снегу. Разбитые форты. В Лахте — продажа с рук, вернее, обмен: папиросы, кусочки хлеба. Всюду холодно. Ближе к Ленинграду по сторонам дороги замерзшие трупы. Люди идут спокойно мимо. Столбики изрублены, исщеплены на дрова. Люди жадно глядят на папиросу. «Дяденька, кинь окурочку».

Въехали в город. Везут гробы на санках и без гробов, в простынях. Грузовик полон голыми, замерзшими в разных позах мертвецами (как восковые фигуры).

В комендатуре, в Пубалте, всюду темные холодные

коридоры и комнаты. В опергруппе писателей ПУ КБФ — Тарасенков (зам. Вишневого), Азаров, Зонин, Амурский, Михайловский («Правда»), машинистка. Пришел Браун. Всюду отопление «буржуйками».

Комиссар бронепоезда Кудзиев привез своим (на Мойке у пл. Урицкого) дров — несколько березовых кражей. Дрова колют в комнате. Я вещи оставил на квартире Кудзиева.

Встали на питание. Затаскивали машину. Ходили километра за два в батальон выздоравливающих, где нам устроили ночлег. На беседу с бригадным комиссаром Корниенко — он сейчас в Пубалте по делам печати — нас не взяли. Адрес Пубалта: Васильевский остров, 22-я линия, б. Морская академия. Совещание будет 6-го и 7-го. Успенский заметил, что все женщины приняли вид кухарок — закутались. Трамваи стоят по улицам, но рельс не видно. Машин мало. По площади Урицкого — тропка по снежному полю. Дворец цел. На улице разлита вода, качают, женщины берут ее ведрами.

5 февраля. Утром сходил к артистке Л. Г. Шах. Достучался. Выехали недавно вместе с Росцием. Начиная со второй половины января у меня снова стало появляться жжение в желудке. Сегодня особенно сильно. Вероятно, влияет и усиленное курение. А не курить худо — ощущение недоедания будет мучить еще больше.

С Азаровым ходили в ВМ изд-во. Принесли 15 экз. Новикова-Прибоя — «Морские рассказы». У Азарова во дворе поленница трупов. Тела везут без конца. По два на санках — в одеялах, в простынях; гроб из фанеры — роскошь. Воду везут в ведрах на санках с Невы, с Невки. Грузовой транспорт — санки. (...)

Потом один ходил на Гатчинскую улицу, 26, на «Печатный двор» им. Горького. (...) Из домов выносят тела. Прошел по «толкучке». Дровишки на санках — 100 г хлеба. За две пачки «Звезды» — 250 г хлеба. Папиросы в очень большой цене (100 р. пачка). «Печатный двор» замер. Работал до января. Потом не стало энергии и топлива.

С трудом принес 30 книг Сергеева-Ценского — два тома «Севастопольской страды». Очень слаб. Заметил это еще вчера, поднимаясь по лестнице. В комнате «Печатного двора», где я брал пропуск на выход, сидят две женщины, хлебают кипяток с хлебом. Женщина говорит: все вымер, но не сдадимся.

Ночевка в батальоне выздоравливающих. У Мирошниченко три снаряда вчера разбили квартиру. Сегодня он узнал. И вдруг весть о награждении. Бомба попала в квартиру Прокофьева.

6 февраля. 10 часов. Открытие общефлотского совещания писателей. Выступление дивизионного комиссара Лебедева — начальника ПУ КБФ: подводим итоги войны и по политической работе и по писательской линии. Война дала возможность проверить все кадры, кто чего стоит, кто на что годен и способен. Кадры писателей и поэтов боевой экзамен выдержали с честью. В оперативной группе и в соединениях они принесли много пользы. ПУ КБФ очень признательно за эту работу. В основной массе писатели показали себя смелыми в бою. Задачи совещания: покритиковать друг друга¹. (...)

Доклад Вишневецкого Всеволода Витальевича:

Литература идет в ногу с народом, обслуживая войну. Греческие певцы обслуживали свои корабли в борьбе Греции и Персии. Нам остается честно следовать примеру великих греческих трагиков, (певцов) русских былин, классиков. «Слово о полку Игореве» — военный патриотический документ. Державин, Пушкин, Л. Толстой... Лермонтов, Достоевский, Гаршин. (...) Вся советская литература — фронт, родилась в недрах Октябрьской революции. Балтика — родина морской литературы. Было 5 морских литературных журналов.

Сейчас — оперативная группа и группа писателей, рассредоточенных по частям. Хорошо работал Чуковский Н. («Крылатая Балтика»), Логанский долбил Маннергейма еще в 1918 году и в 1940-м шел на штурм Маннергейма. 17 наших товарищей погибли. (Все встали.) Мы не гости, мы полноправные командиры, комиссары. (...)

(Вошла Кетлинская — руководитель ССП Ленинграда. Поздравили Мирошниченко с наградой.)

Последние номера газет «КБФ» и «Советская Эстония» выходили на кораблях, когда те шли из Таллина под пикировщиками, под огнем.

Оперативную группу выбрали в Пубалте: Мирошниченко, Илья Амурский, Крон, Азаров, Зонин, Тарасенков, Михайловский, Рудный, С. К. Вишневецкая — ху-

¹ Далее дивизионный комиссар Лебедев говорит о популяризации боевых дел Балтфлота, об устной пропаганде, о необходимости писать больше, лучше.

дожник¹. (Упоминает Успенского, молодого Яшина-Попова, Добина.)

Мы дали шесть книг. Девять книг готовится. Начинаем обобщать. Будем подражать Л. Толстому: на смертном одре у него еще двигались три пальца, которые держали ручку. Зельцер, Алексей Лебедев, Зенковский, Цехновицер (работник академии) погибли.

Становитесь агитаторами, культивируйте свою речь — это надо! Писать брошюры. Быть речевиками. К первому дню мира придем богатейшими писателями. Быть политработниками. Происходит огромный социальный переплав мира. Цели наши есть во всех томах Ленина, в «Кратком курсе». (...) Правду писать не значит, что писать о 100 процентах наступающих, некоторые струсили, ушли, предали. (...) Рады, что с нами работает Инбер В. М. Гордимся Брауном.

Ленинград первый остановил Гитлера. Было здесь 5 дивизий немцев, сейчас их мерзнет 45. Мы горды, что участвуем.

Приказываю: за 12 месяцев 1942 г. напишите 12 толстых тетрадей записей. Живой эпос фиксировать день и ночь неустанно. Надо знать, как выглядел рынок, город, морозы. Запомнить о трупах на дорогах. Болеть, но не выходить из строя. «Я это видел, перенес, пережил сам и записал». Пустим первую «Стрелу» — поезжайте в Москву, проветритесь.

После обеда прения. Петр Капица, Зонин Александр Ильич, Успенский, Николай Корнеевич Чуковский, Азаров, Корнфельд, Лихарев, Илья Амурский, Михайловский².

Вечером 6 февраля — чтение стихов. Первым читал я: «Не хочу голубого неба», «Баллада о балтийском танке», «Шинель». Вторая — В. М. Инбер: стихотворение и главы поэмы «Пулковский меридиан» (детский гробик не более скрипичного футляра). Поэма огромной правды и силы. Третий — Успенский: поэма о форте «Ф». Затем Азаров, Тарасенков: отрывки из белой поэмы «Осада Ленинграда», Браун: три песенки.

Ночевка в батальоне выздоравливающих. Скипятил в кружке концентрат борщовый. Совсем болен, но ото-спался, и стало лучше.

¹ В. В. Вишневский, перечисляя, дает творческую и боевую характеристику каждому члену опергруппы.

² В дневниках идут краткие записи всех выступлений в прениях.

7 февраля. Продолжение прений: 1. Александр Крон. 2. Мирошниченко Григорий Ильич, полковой комиссар. 3. Тарасенков. 4. Софья Касьяновна Вишневецкая.

5. Вера Казимировна Кетлинская — руководитель ССП Ленинграда (жена Зонина): месяцы жесточайшей проверки для всех. Все мы поднялись по боевой тревоге. Чувство благополучия существовало в писательских организациях. Каждый оставшийся в Ленинграде обогатил себя. После войны продолжать старую недописанную книгу, перевернув страницы войны, будет невозможно. Творческий актив ленинградских писателей сразу ушел в армию и флот. Григорьев, Иван Молчанов, Алехин, профессор Айзеншток. (...)

В Ленинграде осталось человек 200 писателей. Работали спешно: радио, обращения, выступления, передовицы, лозунги. Работа для эстрады. Сейчас мы вступили во второй этап работы, когда наравне с оперативной работой стали работать и для себя, для своей основной творческой темы.

Обострилось умение видеть, чувствовать, понимать. Вл. Лифшиц был в окружении с дивизией народного ополчения и пришел с прекраснейшими стихами. Алехин также много пережил, бывал в разведке. Глубина отношения к жизни стала большой.

Приятно, что здесь на совещании я услышала спокойный творческий разговор, чего у нас, у ленинградских писателей, не услышишь: нам еще труднее физически, чем вам. Нет света, тепла. Собирались на альманахи в неопленной комнате. Хотели один журнал из трех закрыть («Литературный современник»), но потом взялся за него Рахманов, и материала нашлось очень много. Пока типографии не работают, книги и журналы выпускать не можем, но скоро будем. (...)

Надо воспитывать молодое поколение, которое завтра вступит в бой. Просто психологические вещи писать сейчас не следует. Время требует обостренной большевистской тенденциозности. И нельзя сглаживать острые углы: смерть, голод, страдания, страх, шкурники, трусы, эгоисты. Долой лакировку! *Нам предстоит создать литературу сильных чувств и сильного характера.* Поголодав и похолодав, мы выйдем очень счастливыми и богатыми людьми. (...)

Вяч. Шишков здесь, и не хочет покидать Ленинград. Я пишу новый роман — об осаде Ленинграда.

6. Добин. 7. Каменецкий. 8. Н. Браун.

9. В. М. Инбер: Рада, что я здесь. Приехала 24 августа с одним из последних поездов, прошедших через Мгу. Важно, что я впервые лицом к лицу встретила со своей темой. Странно, но так. Я профессиональный писатель. Так я и думала о себе. Прежние мои встречи со своей темой были лишь «мимолетными свиданиями». У меня есть одна книга, которую считаю хорошей, — «Путевой дневник». Но это не то, что сейчас. Моя задача: дать документальную книгу о Ленинграде (не о фронте, а о городе). Мне хочется написать стихотворную летопись. Добиваюсь *густоты письма*. В поэтических произведениях присутствует вода, это плохо (хотя вы, как балтийцы, и любите эту стихию). Для меня написать лишние 6 строк — целое событие, я даже ночью пробуждаюсь. Задача показать город: трамваи не работают, топлива нет, света нет. (...)

Я счастлива. В этом осажденном, безводном, бестранспортном, несытом городе я счастлива счастьем советского человека.

Отвечает Тарасенкову: можно работать не только на сегодняшний день. Из взаимодействия разных классов кораблей складывается победа. Из взаимодействия разных жанров — складывается литература.

10. Член Военного совета КБФ корпусный комиссар т. Смирнов (он сидел на совещании с утра, сидит и Лебедев).

11. Золотовский (был на Ханко). 12. Главный художник ДВМФ — Соколов.

13. Представитель театра КБФ: Отсутствие сцены и элементарных удобств для нас стало обычным делом, необычным — обратное. Мы перестроились с 22 июня. Создали окопные пятерки, которые приходят, приползают в блиндажи на передовую: баян, аккордеон, певец, струнный инструмент, рассказчик. Сделано около 2,5 тысячи выступлений. Готовим пьесу «Путь к морю» (о возвращении Балтфлота в Таллин), в Таллине будем и играть.

Читает письмо Волженина, которому поручено писать фельетон о прорыве кольца блокады. Он просит отсрочки — сжег последний шкаф, температура — 2°. Письмо написано женой, т. к. у самого руки не действуют от холода и физической слабости. Театр приводит таких литераторов к себе, обогревает у «буржук», дает папиросу, и они пишут.

14. Брук, не писатель, от редакции Подплыва.

15. Заключительное слово Вишневого: Отработаем протокол. Дадим на места указания о предоставлении писателям свободного времени для творчества. Писателей с мест («диких») примет Рыбаков. Быть оперативными. Помнить, что, может быть, завтра у нас не будет свободного времени писать по-писательски: пойдем и с автоматами. (...) Смотрите за молодыми писателями, выдвигайте, поддерживайте их. Работой в 42-м году мы оплатим хорошую оценку нашей работе и все авансы, которые нам дали. Мы пубалтовцы! Это гордость наша.

Вечером концерт. Ночевал в батальоне для выздоравливающих один.

8 февраля. В 10 ч. 30 м. утра на беседе у Рыбакова — Успенский, Н. Чуковский, Капица, Корнфельд и я. Позднее пришел Золотовский. Рыбаков дал по пачке папирос даже. Сидели в шинелях. Он в кожаном пальто. Холодно. Я совсем заболел: температура 38,2 (был у врача). Лежать. До решения вопроса о назначении меня в новую часть остаюсь лежать в оперативной группе. (...)

Вечером, немножко отдохнув, сделал сборник для Фадеева «Русские мы!». Под окном ухают орудия «М. Горького». Я думал — обстрел. Уснул рано, не раздеваясь, и опять не писал. (...)

10 февраля. Было совещание писателей опергруппы. Присутствуют Вишневский, Зонин, Амурский, Азаров, Михайловский, Вишневецкая, Мирошниченко и я. Первым заместителем Вишневский объявляет Мирошниченко¹. (...)

Получили посылки из Свердловска. Кинули по жребию без меня. Мне досталось самое бедное, даже без сухарей: 7 пряников, 3 кусочка колбасы, детская корзиночка из цветной бумаги с монпансье и коробок спичек. Но для меня это первый подарок. Посылки у других очень богаты — сухарей много. Кисеты. Папиросы. Платки. Воротнички. На одном кисете: «Кури табак, бей фашистских собак». (...) В моей посылочке письма не было. Была водка.

Для стихотворения: «Брат родной... Есть у меня в Свердловске друзья. В Магнитогорске на горе Магнитной Людмила».

¹ Дальше идет конкретный, с фамилиями, перечень участков работы, тем, брошюр, сроков сдачи материалов, уточняются связи с газетами и т. д.

Написал 10 строк поэмы. Стихотворение для пресс-клише — 13 строк. Лозунг для пресс-клише — 4 строки.

С сегодняшнего дня столуюсь в Пубалте. Здесь лучше, хотя тоже 400 гр. А я совсем ослаб, ноги плохо держат. Был у врача снова, говорит: обычное истощение, как у всех, и ТБЦ.

11 февраля. Бригадный комиссар Рыбаков — зам. начальника ПУ КБФ — вчера еще приказал немедленно устроить меня в госпиталь. Я категорически запротестовал против эвакуации. Подожду прорыва блокады, еще не умру. А потом видно будет: все-таки март здесь опасен.

Написал 30 строк для поэмы. Азаров читал мне отрывки из поэмы о Герое Советского Союза Василии Гречишникове. Вишневецкий говорит, что фронт движется к Мге.

Послал письмо Щириной:

«Дорогие друзья и товарищи! Я давно не имею связи с институтом, с Москвой. Кто-нибудь, отзовитесь! Где мой дорогой друг Слава Щирин? Посылаю это письмо с воздушной оказией. Я сейчас временно нахожусь в самом Ленинграде, в Пубалте. Жду назначения в новое соединение. Но, видимо, до этого придется еще раз побывать в госпитале — записан на очередь. Горжусь тем, что я в Ленинграде. Но я уж такой — все чем-нибудь да горжусь.

Вера Инбер написала очень хорошую — честную и смелую — поэму об осаде Ленинграда. Живем трудно, но бодры, знаем, что после всего пережитого будем богаты на всю жизнь. Целую вас всех, родные товарищи! Напишите по адресу: Краснознаменный Балтфлот, Военно-морская почта № 1101, п/ч 176, поэту В. Б. Азарову для А. Яшина.

В а ш А л е к с а н д р Я ш и н».

12 февраля. Ходил по городу. На Неве всюду корабли. Еще в первые дни войны купол Исаакия и Адмиралтейская игла (золото) закрашены. Зашел к Прокофьеву. У дома лежит труп женщины в одном платье, в черных чулках, без обуви, без платка, ноги выше чулка обнажены, пальцы рук скрючены. Парадное закрыто. Прошел через двор. Блудился в темном коридоре. Парадная лестница, лифт во льду, в грязи, как ледяная пещера. Внизу у лифта несколько трупов в рвани, вроде деревенского стеганого одеяла на кудели, в грязных простынях. Уво-

зить некому. Зашел к соседке Прокофьева. Она оказалась дома. Свечи. «Стекла» фанерные. Вошел в квартиру Прокофьева. Стекла выбиты, но разрушений нет. Только на потолке выбоины от осколков снаряда, упавшего где-то на улице. (...) На Невском бомбой обрушена стена. Будто сцена. Изразцовая печь. Портрет Ворошилова в квартире 4-го или 3-го этажа. С оконных заграждений доски обрываются для «буржук». Песок слежался и держится, как тюбики цемента. Старуха везет на санках своего старика. У него ноги в одеяле (красном, стеганом). Рыжая бородка-мочалка (по Достоевскому). Он быстро дергает носиком, лицо обостренное, голодное, больное.

Был в редакции «КБФ». Холодные коридоры. Редактор Бороздкин болен и спит. Получил первый гонорар за все время войны — всего 290 рублей. (...) Написал 20 строк поэмы. Долг 50 строк. Начал писать рассказ об истребителях (В. Бурденко).

13 февраля. Снова в госпиталь, сейчас в ленинградский. Диагноз: дистрофия (истощение, «состояние, когда желудок начинает есть собственное мясо», по словам Зонина Александра Ильича).

Задумал поэму о Ленинграде (осажденном). (...)

14 февраля. В госпитале № 3 (военно-морском). Привезли ночью. Ул. Льва Толстого, 7, на Петроградской стороне. Холодно, света нет. Страшно было переодеваться и оставаться в тапочках. Внимания никакого, не то что в Лебяжьем.

Ночью страшный приступ кашля. Промерз. Тарасенкову привез посылку и письма. Вишневский написал записку военному госпиталю полковому комиссару Гостеву. Питание вряд ли здесь лучше, чем в Пубалте. 4-й день хлеба дают по 600 г, но на ужин — кашка. Приварок плохой, без жиров.

Все обычные представления о госпитале, о больнице рушатся. Вымыть вновь поступившего больного нечем, поэтому просто дают мазь от вшей для смазки под мышками, головы и «ниже». Нечем запить принятый порошок, нет воды, стакана тоже нет. Нет носков, тепла, света. В коридоре — «буржуйка», двери в палаты открыты. Одна «буржуйка» отапливает все отделение. Хорошо, что у меня оказалась своя ложка, а то нечем было бы есть. Рядом положили тяжелобольного желудочного. Ему совсем нельзя есть, просит попить воды, а ее нет.

16 февраля. Прочитал «Жизнь в цвету» Анатоля Франса. Вчера был специалист-туберкулезник Волов. Говорит: все забито бронхитом и гриппом, но наличие туберкулезного процесса несомненно. Сегодня начали принимать противодизентерийные таблетки. Потом будут прививки противотифозные и другие.

Весна страшна для Ленинграда: откроется вся грязь (все загажено), а канализация и водопровод не работают, оттают штабеля трупов за городом, в подъездах, на кладбищах. Меры по очистке города уже принимаются. Вчера и в госпитале был субботник — чистили стены, трапы, двор. Запущено все сильно еще и потому, что дни были коротки, а света не было.

В сводках Информбюро стали появляться выделенные сообщения с Ленинградского фронта. Не началось ли генеральное наступление, на что, видимо, намекал Вишневский.

Парикмахерша рассказывает: немец 7 ноября разбрасывал листовки, что будет бомбить, пугал, что камня на камне не оставит. А не дали бомбить. Даже обстреливал меньше. На обстрел люди уже внимания не обращают.

Вероятно, встанет вопрос о моей эвакуации. (...) Врач говорит, что мне надо сейчас 100 г масла в день, яички, побольше хлеба, нужно мясо, которого совсем нет.

Я в палате 41 на 3-м этаже, пост 1. Сегодня был военком госпиталя — полковой комиссар Гостев, бывший газетный работник (редактор газеты на Северном флоте, зам. редактора на Черноморском флоте). Обещали дать добавочку к питанию. Вряд ли что будет существенное.

Сосед рассказывает: (...) на рынках продают хлеб даже по целому килограмму (500 р, 350 р.) Дети наши не будут верить тому, что мы пережили в Ленинграде. Из 8 человек в квартире трое умерло. А что еще будет дальше. В 1918 г. голод был не такой. Тогда на осьмушке хлеба была вобла, овощи и прочее. Можно было поехать в деревни. Не умирали от голода. За деньги можно было жить. (...)

Читаю переписку Чехова и Книппер. Еще раз отчаянно пожалел, что уничтожил письма Гали. Надо было как-нибудь выйти из положения, лучше выбросить что-нибудь другое. 10 строк для поэмы.

Библиотека на 7-м этаже. Я слаб. Сонливое состояние.

17 февраля. (...) Видел сны: в чистой воде (заливчик) среди камешков достал цветной камушек с выцарапанной фамилией Кудзиева. Потом полз меж двух поездов, чтобы обогнать один из них, а пути скрестились и меня потащило под колеса. Я уже понимал, что это сон, и все же закричал. Видел что-то еще очень хорошее, но сразу не записал, а потом забыл.

Сестры, особенно санитарки, очень истощены, бледны, едва ползают.

Помогал повесить портрет Ленина и закружилась голова. Очень ослаб. (...)

18 февраля. Сестра раздает папиросы «Звезда» по 8 штук в день. Сегодня 9 штук (на 3-й день). Врач собрал больных: кто желает из ходячих пойти рыть канавку для водопровода — завтра будет вода. Решиться никто не смог, все очень слабы. Днем и вечером больше сидят у «буржуйки» — она одна на весь пост. На рассказах у «буржуйки» можно построить целую книгу о Ленинградском фронте, об осажденном Ленинграде. Вечером сидим в темноте. Иногда свет из открываемой печки освещает бледные, острые скулы, тонкие щетинистые подбородки, лихорадочно блестящие глаза. «Пир во время чумы». Из-за пайков бывают всякие неприятности: все на граммы. (...)

Нет, видимо, и ко дню Красной Армии блокада еще не будет прорвана, хотя вести с фронта хорошие: уничтоженные дзоты, трофеи.

19 февраля. Получил чистую рубашку и чистые кальсоны (новые). Обтерся горячей водой из таза на втором посту. Очень приятно. Но простыня осталась старой, грязной. Ходит комиссия — на них чистые халаты. Как приятно на врачах видеть чистые халаты. Это напоминает о настоящем госпитале. Выдали валенки. (...)

Вчера обстреливался наш район госпиталя. Вечером радио объявило: «Внимание, внимание! Говорит штаб МПВО. Артиллерийский обстрел района прекращен. Восстанавливается нормальное движение по району транспорта и населения». Сегодня в 20 ч. была объявлена воздушная тревога. Противный вой (как в Москве) по радио. Тревоги давно уже не бывало в Ленинграде. Только обстрелы. В 20 ч. 25 м. — отбой. Играет труба. Звуки эти (помню) летом, осенью казались очень радостными,

солнечными, карнавальными (у Балтийского вокзала). (...)

Некоторые едят горчицу без хлеба, перец. Здесь врач специально уговаривал больных, чтобы не употребляли горчицы и перца — не к чему возбуждать аппетит, когда он и так слишком велик. Не надо пить воду — появляются отеки. (...)

Написал 20 строк поэмы (4 строфы). Очень трудно делаются стихи, так трудно, пожалуй, никогда еще я не писал. И пишу неважно.

20 февраля. (...) Явеньгский лесопункт Вологодской области самостоятельно механизировал производство лыж для Красной Армии и увеличил их выпуск в 10 раз. Архангельский охотник Вежливцев, снайпер, награжден званием Героя Советского Союза... Доктор у нас Лысенко, вроде Афони Горчакова из Никольска¹.

Вечером передавалась по радио корреспонденция с Ленинградского фронта, от Федюнинского. Хорошо передан бой за расширение прорыва вражеской обороны, за взятие двух деревень. Две линии прорваны. (...) Прямой наводкой разбиты дзоты, доты, дома, где засел враг. Около 300 трупов немцев. Еще один шаг вперед к Ленинграду. Укрепления немцев грандиозны: сплошная проволока, долины сплошь в минах.

В Ленинграде чувствуется оживление. Газеты поднимают борьбу за чистоту, за очищение дворов, лестниц, лестничных площадок, за установку кипятильников в домах, за открытие чайных. В одной чайной за день пользуются кипятком до 5000 человек и больше.

Вчера объявление по радио исполкома Ленгорсовета о разрешении продажи по февральским продкарточкам всех категорий по 125 г сухих овощей. Сегодня — о продаже мяса и мясопродуктов за февраль: рабочим и ИТР по 450 г, служащим по 250 г, иждивенцам и детям по 125 г. Хлеба сейчас военнослужащие получают уже по 600 г (на кораблях 800), рабочие — 500 г (было 250), служащие — 400 (было 125), иждивенцы — 300 г (было 125). Мне меньше 300 г получать не приходилось. И то — истощение, дистрофия.

До праздника решил покрыть долг по поэме (40 строк) и дописать рассказ. (...) Сидел до часа ночи.

¹ Горчаков Афанасий Семенович — друг детства поэта, известный на родине А. Яшина врач.

21 февраля. Снова в сообщении Совинформбюро особо выделены «вести с Ленинградского фронта». Собкор описывает, как была взята высота «Н», господствующая над местностью, и с которой немцы обстреливали Ленинград. (...)

15.30 начался обстрел нашего района, района госпиталя (Петроградская сторона). Снаряды падают часто и близко. Сестра попросила сойти «вниз». Дом иногда сотрясается. Как знать, быть может, один из следующих снарядов стукнет по нам. (...) Часов в 5 вечера на 2-м посту беседа полкового комиссара Гостева о 24-й годовщине Красной Армии. После его доклада я прочитал стихи. (...) Сегодня мне выдается добавка: 2 чумички «какао» (холодное, горькое нечто), 20 г шоколаду, 15 г печенья — одна печенина.

Вечер. Разговариваем о том, сколько вымерло уже в Ленинграде. Населения в нем скопилось перед блокадой больше, чем раньше было. Всех умирающих вряд ли смогли учитьвать. Умирают больше мужчины.

По радио читают с продолжениями повесть Мирошнichenko: «Гвардии полковник Преображенский». Сегодня передавался очерк Вишневского. По радио в 11 часов ночи сообщили: за два дня на Ленинградском фронте убито свыше 1300 немцев.

К празднику 24-й годовщины РККА по Союзу собрано подарков бойцам от трудящихся около 1000 ж.-д. вагонов. Где-то готовят для фронта поезда-бани с бельем, мылом и прочим. Изготовлено 49 таких поездов. Часть поездов уже пошли на Западный фронт. (...)

Написал 20 строк поэмы. Долг покрыт. Начал читать «Граф Монте-Кристо» А. Дюма. Написал абзац для рассказа о сержанте Божко (истребителе). Завтра его обязан закончить.

22 февраля. (...) Я, видно, так и жизнь свою кончу, чего-нибудь да не закончив. Собирался к празднику дописать рассказ и недописал-таки. С трудом дал 10 строк поэмы. Много читаю.

23 февраля. 24-я годовщина Красной Армии. Хорош приказ Сталина: это речь, статья. Отпор обвиняющим Красную Армию в ненависти к немцам вообще, к немецкой расе. Статья Калинина — призыв к фронтовой работе в тылу.

В 16 часов торжественное заседание отделения на 2-м посту. Я в президиуме от больных. Доклад политука

Кокина. Потом выступал я. (...) После мы с Тарасенковым читали свои стихи и Маяковского о солнце — он, Пушкина «Медный всадник» — я.

Подарочки от шефов: 20 г шоколаду и 3 печенины. Приятно. Но сытно, видно, не поедим и сегодня и до прорыва блокады. Выдали по 50 г портвейну (с точностью до капли). Все-таки настроение праздничное. Ужин из двух блюд — щи крупяные и каша. Неплохо.

Думаем все о еде. Ужасно это обидно, и ничего не поделаешь. (...)

Сидел далеко за полночь. 10 строк поэмы и начал писать поэму о Ленинграде («Богатыри Невы»)¹. Первая строфа, как первый кирпич на стройке: «Снаряд упал на берегу Невы»... Около 2.30 ночи — ванна. Очень ослаб. Заснул в 4-м часу ночи.

24 февраля. После завтрака снова заснул и спал до 12 часов дня.

Вчера получил разрешение присутствовать при переливании крови воентехнику Рошину, соседу по койке. Но не выдержал: закружилась голова, едва не упал, и меня спровадили. (...)

25 февраля. В последний час: наши войска Северо-Западного фронта, начав дней десять тому назад в районе Старой Руссы окружение 16-й немецкой армии, на днях закончили его. Ввиду отказа немцев сложить оружие (генерал-полковник фон Буш) наши войска начали атаку. В первый этап атаки разгромлены 3 дивизии разных корпусов (одна СС), трупов до 12 тысяч. Большие трофеи. (...)

Бледная санитарка Галя говорит, что в магазинах есть продукты, полки не пусты и стало веселей. Масло на рынке 150 р. — 100 г. Папиросы были по 4 р. штука — 100 р. пачка. (...)

28 февраля. Сегодня в 6 ч. вечера будет комиссия. Решится вопрос обо мне — куда направят. Мне очень плохо. Часов в 7 вечера выступил у «буржуйки» с воспоминаниями о фронтовых делах и людях и пошел на комиссию. Прослушали, спросили звание, и все. Для них я не поэт, а командир-фронтовик. Доктор Лысенко после ужи-

¹ Имеется в виду «Ленинградская поэма», которая, как и поэма «Военный человек» («Стоять насмерть»), была найдена в архивах поэта уже после опубликования дневников в журнале «Октябрь». «Ленинградская поэма» напечатана в журнале «Наш современник», 1976, № 5, «Военный человек» — в журнале «Юность», 1976, № 5.

на сообщил: меня направляют в госпиталь выздоравливающих командиров на 1—2 недели. На эвакуацию не пошли, только переводят в нестроевые. Заходил Тарасенков, принес чернил для авторучки.

1 марта. Дочитал «Монте-Кристо» 3-й том — 602 страницы. В трех томах — 1860 страниц. (...) Очень тяжелое, гнетущее, удушающее настроение. И курить к тому же нечего.

Жизнь слабых идет в двойном плане: все непосредственное, трогательно-обнаженное, интимное, все пороки — тщеславие, завистливость, жадность — тщательно скрываются от других и от самого себя. Сильный человек не боится людей и своих пороков. Слабый — прикрашивает себя и постепенно перестает чувствовать себя, замечать свое, ничем не опосредствованное. *Для литератора это губительно, ибо сила литературы в ее умении видеть душу человека в ее первозданности, сила — в прямоте, в честном отношении к себе, к другим, к явлениям жизни.*

Великий Толстой! Тебе молюсь. Дай мне силу. Мне не хочется покидать Ленинграда до прорыва блокады из-за тщеславия, хотя так же жаль и потерять материал. Втайне боюсь, что, выехав раньше времени, я потеряю право на отличие, которое, вероятно, получат все мои товарищи. Но и хочется увидиться с женой, передохнуть, побыть дома. Потому мне хотелось получить от комиссии назначение на эвакуацию и отказаться от нее. Иметь возможность выехать и не выезжать — чтобы было показное в этом что-то. Это от тщеславия. Завидую, что Алтаузен, Сурков уже награждены, а я нет. Во всем виню свой нескладный характер. Но иногда подумываю втайне, что это хорошо, что у меня такой характер, потому что в нем обнаруживается моя принадлежность к лику истинных чудил от поэзии, к лику святых. В другое время перестаю совершенно уважать себя. (...)

3 марта. Вчера собирался на выписку. Делать мне здесь нечего. Ходить сейчас снова могу свободно. Отложили до завтра. Объявлен карантин.

Написал 6 страничек рассказа об истребителях. 10 строк поэмы. (...) Новые соседи по палате: лейтенант Горбунов, раненый; инженер-капитан 2-го ранга Грахов, ленинградец, старый интеллигент. Имеет в своей библиотеке мою книжку «Мать». Зубы выпали от цинги, протезы выбиты при бомбежке балкой. У него дистрофия.

Так хотелось курить, что решил обменять витамин «С» на папиросы. Тоскую о Гали, о друге, о доме. О женщине не думается вовсе уже много месяцев. Пола своего не ощущаю.

4 марта. Утром, позавтракав, бойцы затихают, как дети после кормежки. Дописал рассказ «Истребитель». Вечером в своей палате читал стихи — свои, Маяковского, Есенина. 10 строк не написал.

5 марта. (...) Немец сильно обстреливает Ленинград. Вчера бил по Невскому. Особенно жестокий обстрел был в ночь на 23/И — под праздник. Вечером у нас долго сидела санитарка Полина, ждала, что я снова буду читать стихи, и, видимо, чем-то понравились мы ей. Мне принесла 1/2 пачки папирос. (...)

Прочитал «Журавлиную родину» Пришвина (повесть о неудавшемся романе). Авторские откровения вперемежку с рассказами об осушении озера, об охоте, о натаскивании собак. Снова при чтении Пришвина у меня появилось ощущение, что автор в сущности не знает настоящего крестьянина, его душу, жизнь, быт. Знает не более, как горожанин, интеллигент. Ненастоящие у него мужики, не весь мужик. Он замечает только верхи из его жизни, передает только первые свои впечатления и случайные разговоры с крестьянином. (...)

Из «Журавлиной родины» для себя: IV. «Лишние мысли». «Только редкий понимает, что при первой удаче требуется сильная воля, чтобы успешно хозяйствовать возле себя в новом положении. Я выступал в литературе в таком возрасте, когда миновала острая нужда в позе, и расчета на какое-нибудь положение в обществе у меня не было». XVI. «Доктора воды». «К известности надо очень привыкнуть, чтобы она вредно не влияла на труд. Самым благоприятным для себя считаю, когда кругом принимают меня за своего и не обращают никакого внимания».

Ночью долго сидел, потому что были папиросы, а вечером мешали разговоры, особенно Грахова и радио. 30 строк поэмы.

6 марта. Опять обстрел нашего района. Видимо, целят в госпиталь. Однажды, когда разрывы были плохо слышны, кто-то сказал, что это не обстрел, а вверху что-то передвигают. Сейчас снаряды ложатся близко, и мы смеемся: «Тумбочки передвигают».

Утром Полина отдала нам свое масло, песок, кашу.

Мы разделили на четверых. Принесла мне белого хлеба.

Взят город Юхнов Смоленской области. Кольцо вокруг 16-й немецкой армии все суживается. Немцы по воздуху подбрасывают продовольствие, боезапасы и подкрепление.

Весь день шла генеральная чистка в связи с случаем сыпняка: дезинфицировали тюфяки, халаты, сменили все белье (где-то прачечная начала работать). Мы помылись под душем — появилась вода. Очень приятно. Лежу в тельняшке.

7 марта. Постоянно и днями и ночами «передвигают тумбочки». Написал от всей палаты благодарность за вчерашнюю чистку в «Боевой листок» — доктору Лысенко, сестрам Павловой (старшей), Охапкиной Нине, Сахацкой Тамаре, санитарке Полине Карельской. (...) Вечером был Тарасенков. Я не вставал. Поговорили о библиотеках. У меня снова появилась жажда собирать книги. Написал Гали, чтоб она начала это делать сейчас же. Почитал Тарасенкову наброски поэмы.

9 марта. Первый раз выходил во двор. Закружилась голова на свежем воздухе. Женщины очищают трамвайные пути. У одной стацили привесок хлеба. Ссора: «Как не совестно у своих брать!»

Грахов рассказал: в хлебном магазине мальчишка схватил кусок у женщины и ест, его бьют, а он ест.

В сарайчике, вроде курятника, на носилках трупы. Мальчишка Вова говорит: «Дяденька, почему они все одинаковые? Не страшные?..» Вове 8 лет. Сын служащей госпиталя — «Мы были сыты. Отец с нами разошелся». — «Он же не с тобой, а с мамой разошелся». — «А я не знаю». Отца, говорит, помню. Вове было 4 года. Отец работал на маяке главным. (...) Вова помнит, как ходил с отцом по кораблям. Рассказывает, что отец ему покупал «все, все... всю зарплату тратил на игрушки... куклы, финки, лыжи, мячи — все дорогое. Плохо без папы! — говорит. — Лучше бы он вернулся».

Сон: бетонные круглые авиабомбы — падают по три на Невский и лопаются. Я — за зеркальными стеклами. Потом — в подлodge, вроде прицепной мотоциклетной коляски, с отчимом Антипой опускаемся под землю и тоннелем выходим в залив. (...)

Вчера был комсомольско-молодежный воскресник — работало 6,5 тысячи. На разборке почтовой корреспонденции 700 человек, 885 человек Выборгского района на

очистке путей, 680 человек Московской заставы — очистка путей. Организован в одном районе комсомольско-молодежный магазин. Больным — комсомольцы доставляют продукты на дом. Открываются водоразборные колонки, чайные, кинотеатры: первым открылся «Молодежный», за ним «Ударник». Идет документальный фильм о разгроме немецких войск под Москвой. (...)

10 марта. (...) Сегодня из 12 посылок, прибывших на отделение, одну дали мне. Выбирали раненых и слабых, работавших непосредственно на фронте. В посылке: свитер, носки белые, пачка табаку «Красная звезда», пачка «Эпохи», 2 коробки спичек, туалетное мыло, конверты, карандаш, кулек сухарей, кулечек песку и грамм 300 свиного сала шпиг. Пачку папирос и коробку спичек отдал доктору Лысенко, поделился всем с соседями Граховым и Филипповым. Пообедал досыта впервые за много месяцев.

В 17.30, когда я лежал с банками, снаряды ложились так близко, что огромный дом госпиталя весь качался, а где ложились — не видно.

11 марта. Переведен в госпиталь выздоравливающих командиров (пр. Пролетарской победы, 67, Васильевский остров). Срок с 12 по 26. (...) Хорошее впечатление. Вроде санатория. Чисто. Бросается в глаза чистое белье. Только нет света. Помылся в ванне. Вечером раздача подарков и концерт — бригада театра КБФ и джаз линкора «Октябрьская революция». (...)

12 марта. О таком столе я и мечтать не мог. За обедом густой борщ из сухих овощей. Дают добавку всем: почти вторую тарелку. На второе — гуляш с кашей и кусочек масла. Потом компот из кураги. Хлеб на сутки 700 г. Попросил у военкома уголок для работы и коптилку. (...)

13 марта. Сходил в Пубалт. Получил продукты по списку: масло, грудинка, копченая колбаса, банка консервов, две плитки кофе. Вишневский написал записку военкому госпиталя старшему политруку Самбуренко, и тот, прочитав ее, приказал торжественным голосом начальнику клуба Скворцову (ассистент кинорежиссера в «Петре Первом») создать все условия для «нашего писателя».

Посылку сдал в кладовую. Вечером принесли новую из ВМГ¹ №3 (туда ее послали из Пубалта): табак, табак-самосад, две пачки папирос, сухарики и баранки, ва-

¹ В М Г — Военно-морской госпиталь.

режки и носки шерстяные домашней вязки, конверты, бумага. И опять нет письма. Соседи по палате от зависти перешли к недружелюбию (я разбирал посылки при них). О человек, человек! А ведь и я такой же.

Получил письма из Литинститута, от Славы, от Успенского, от Клавы Евдокимовой из Лебяжьего. (...)

14 марта. Утром прогулка по Косой линии. В магазине спросил, где купить мундштук. Указали на Гавань.— Далеко ли она?— А вы кто такой? Зачем вам?— и началось...

Устроился работать в проходной комнате перед квартирой сестры-хозяйки на третьем этаже. Холодная комната.

Послал письмо Славе Щириной: Дорогой друг мой навечно, Слава! Не передать волнения, с которым я читал твою открытку и письмо института (Уитмен и Вишневский сбиты в одно). В связи с переменой адреса я второй месяц не получаю писем, ваши письма были первыми, и это еще более увеличило мою радость. Очень хотелось бы не терять больше с тобой связи. За предложение прислать тебе свою рукопись чрезвычайно признателен. Верю, что только ты можешь устроить ее в печать и самоотверженно раздать по журналам и газетам...

Признаться, сам я огорчаюсь порой оттого, что в дни войны моя фамилия почти не фигурирует в печати, но вас всех прошу не придавать этому значения. Полезное дело я делал все время и был нужен всегда, пусть незаметен. Во фронтовой многотиражке печатался беспрерывно и много.

Если моя рукопись до Фадеева не дошла, черкни мне, пожалуйста (позвони Фадееву), и я по выходе из госпиталя все перепишу и пошлю тебе. Положусь целиком на тебя, и если ты действительно сможешь взвалить на себя еще и этот груз — стать моим посредником в московских газетах и журналах, — признательность моя будет безмерна. Я осмеливаюсь думать, что ряд моих стихов, попав своевременно в газеты и журналы, мог бы быть полезным и нужным в нашем общем святом деле.

С 13 февраля я нахожусь в госпитале. Поступил с дистрофией, но основное заболевание у меня — туберкулез легких, открывшийся еще в октябре прошлого года во время постоянных ночевков в окопах — под дождем, в грязи. (Тогда я тоже лежал в госпитале.) Сейчас (с 11/III) я переведен в госпиталь выздоравливающих командиров

КБФ, условия здесь порядочные настолько, что я быстро выздоравливаю и уже считаю, что вставший было вопрос об эвакуации меня на весенние месяцы сейчас могу отклонить. Самое тяжелое пережито, и не хочется из корыстных писательских целей оставлять Ленинград в последние недели блокады, терять возможность увидеть своими глазами, как он будет оживать. Да и тщеславие, конечно, уже зыграло: столько вынес, а в последние дни эвакуироваться... Выдержу!

По выходе из госпиталя поступлю на корабль, чтобы второй этап войны, особенно весеннюю кампанию, провести уже не в морской пехоте, не в береговой обороне, а в море. И если на этот раз уцелею, тогда я буду одним из самых богатых по обилию впечатлений и материалу писателей. (...)

Эх, Славушка, неуклюжий я человек в общении! Тяжело мне из-за этого иногда бывает. Посылаю тебе свой снимок осеннего периода — снято на фронте приехавшим из Ленинграда фотографом Дома ВМФ, и вырезку из газеты, тоже осеннюю. Может быть, будет интересно. Будь здорова, родная! Рад, что институт выстоял, не закрылся. Верю, что и в этом есть твоя доля работы и выдержки, проявление твоего организаторского и человеческого таланта. В госпитале пишу рассказы и поэму, сколько могу. Как-то там Москва живет?

15 марта. Ходил к Рожавиным. В квартиру не достучался. Ольга в домоуправлении паспортисткой. Отец лежит при смерти: цинга. Весь высох, не встает. Ольга не захотела вводить меня в квартиру, показывать свое горе. Она очень худа. Слезы все время на глазах. Мускулы лица подергиваются от сдерживаемого плача. Когда остановились трамваи, ей ходить в институт было очень трудно, но ходила до февраля (на Васильевский остров). Отец заболел в начале января. У нее тоже начинается цинга.

Девушка внизу рассказала мне, что Ольга очень удручена болезнью отца, мучается с ним, раздражается. Он-де помешался уже. Я думал, что отец ей уже в тягость. А по ее словам, ее убивает именно близость смерти отца. Он не понимает, что в Ленинграде умирают по 10—18 тысяч за день, требует порой невозможных вещей: например, просит послать телеграмму Ане и жене, чтобы они приехали проститься с ним.— Я уже послала.— Пошли еще... С Ольгой прощается ежедневно.

Передал сухарики и баранки и полпачки табаку для обмена на продукты. Завтра принесу витамины и продукты из посылки, которую дал мне Пубалт. Она очень кстати оказалась. Сам проживу.

Вечером говорил с военкомом госпиталя. Он обещает помочь отпустить вперед мою норму клюквы и капусты и дать витамина. Говорил с главврачом Белозеровым. Седой, душевный, неторопливый человек — военврач 2-го ранга. Обещал завтра сходить со мной к больному. Потом я со справкой врача попытаюсь через Вишневого устроить его в Военно-морской госпиталь.

Если бы удалось спасти этого человека.

16 марта. Спал плохо. Нервничаю. Боюсь, что он умрет, тогда я всю жизнь буду виноват: был рядом и не спас.

Начхоз ушел в порт, поэтому военком предложил ждать его, чтобы получить мою норму до конца лечения клюквы и капусты. (...) Получил без начхоза клюкву 2 кг. На 10 дней по 20 г — полагается 200 г, а мне почему-то дали 2 кг. Я все же сказал, что много дают, но в душе боялся, что они поймут свою ошибку и откажут в таком большом количестве.

Взял палку копченой колбасы, кусок грудинки, масла, баночку витамина в лепешках (еще из Лебяжьего — ту, что вчера взял у комиссара Кудзиева на квартире), банку песку, 2 плитки кофе с молоком, кусок мыла. Доктор дал еще коробку витамина «С» с глюкозой.

Вышли в 16.10. Прошли через Неву по льду мимо ледакола «Ермак» и других кораблей. Дорогой развлекал доктора, читал ему стихи, чтобы дорога не показалась слишком долга. Уговаривая его на эту «прогулку», я сказал, что ходьбы всего 35 минут. (...)

В квартире жутко холодно, в графине на столе лед. Печка холодная. Отец — чернобородый, худой-худой. Первая мысль: как у такого — такие красивые дети? На столе куски мыла. Продуктов не видно, хотя Ольга заверяет, что хлеб (и чуть ли не все) есть. В комнате, где в первый мой приезд Клара возилась с утюгом, — куча дров-дощечек. Отец — Лейб Рувимович. Ольга назвала: Лев Романович. Ноги тонкие, мертвые. Давал ему витамин и воду. На пальцах темные пятна, кровоизлияния (цинготные). Он был очень рад приходу врача, рад нашему приходу (как я и предполагал). Говорит об «ангелах»... А Ольга нервничает. Гордая, сильная девушка.

Она даже в такую минуту, когда обоим им грозит смерть в этой холодной комнате, не хочет быть обязанной никому. Видимо, боится, что я благотворительствую. А мне и верно, очень хочется сделать добро.

Имеет же всякий человек право на это. Ни о какой благодарности я и не думаю. Мое внутреннее удовлетворение, если мне удастся спасти их — отблагодарит меня. Но и не в этом дело. Вся эта семья поражает меня каким-то высоким уровнем чистоты, порядочности и любви друг к другу. Верно, это очень хорошие люди, и общение с такими людьми приятно мне. Аня, Клара — толстовские девушки. Ольга восхищает своим стоицизмом. (...) Я смешно учу Ольгу, как нужно есть, как сделать кофе. Затопили печку. Она просто отмалчивается, не благодарит. Гордость в нужде — прямо по «Бедным людям». Милые вы мои люди! Увидишь таких и хочется жить долго, долго и быть хорошим, как они.

Доктор говорит: надо лучше побеспокоиться о девушке, она молодая, и ей еще долго жить, и ее можно спасти. Но она может свернуться в этой комнате быстро, гораздо быстрее, чем отец. Истощена до крайности. Первое, что следует сделать, чтобы спасти обоих, — это немедленно убрать их из этой квартиры, тут им не выжить. Отцу, чтобы оправиться, надо лежать не менее четырех недель в хорошем госпитале. — Почему вы принимаете такое участие в них? — А почему вы не хотите верить, что они мне родные? (Это разговор на обратном пути.)

Вышли из дома и долго вынуждены были еще отставаться в подъезде: снаряды ложились слишком близко. Баррикады. Бойницы для пулеметов в угловых окнах, на балконах.

Вечером все еще не могу успокоиться. Не могу работать и отдыхать. Завтра с утра буду устраивать отца в военно-морской госпиталь, а Ольгу буду метить на немедленную эвакуацию через эвакуопункт КБФ, как родственницу. Согласится ли только она оставить отца одного, доверится ли мне. Думаю и о том, чтобы направить ее в Никольск. То боюсь, что она совсем не будет есть того, что я принес (из гордости или все отдаст отцу). То вдруг начинаю бояться, что она слишком перехватит сразу, особенно копченой колбасы. Доктор сказал, что откроется понос, тогда смерть для обоих.

17 марта. Снова взял увольнительную из госпиталя и с утра до 3 часов пробыл в Пубалте. Вишневский напи-

сал 2 записки: 1. «Начальнику Санупра КБФ военврачу 1-го ранга тов. Бауэру. Ув. т. Бауэр, члены семьи писателя-балтийца тов. Попова-Яшина находятся в состоянии крайнего истощения и, если мы не поможем, могут умереть. Я прошу вас обеспечить помещение гр. Рожавина Л. Р., рабочего, 50 лет, на лечение в одно из в.-м. лечебных учреждений. Вы оказали много помощи людям в эту тяжелую зиму. Помогите еще одному человеку. Прошу вас. Бриг. комиссар Вс. Вишневский». 2. «17/III—42 г. Начальнику эвакупункта КБФ полковому комиссару т. Бессонову. Уважаемый тов. Бессонов. Член семьи писателя-балтийца т. Попова-Яшина т. Рожавина О. Л. (студентка) больна дистрофией; положение ее ухудшается, и, если мы не поможем, дело может плохо кончиться. Прошу вас принять все меры для эвакуации гр. Рожавиной О. Л. в один из пунктов внутри страны. Сделать это прошу вас в возможно более быстрый срок. С тов. приветом бриг. комиссар Вс. Вишневский».

Азаров дал плитку каши гречневой (концентрат), за-втра отнесу.

В опергруппе читал письмо редактора художественной литературы ВМИ¹ (Москва) политрука Брамма. Хвалит мою книжку, которую издают: «...Всем нам доставило огромное удовольствие... лиричность... слияние чувства любви и ненависти, которое только и может, видимо, дать настоящие фронтовые стихи».

После обеда сходил в Санупр КБФ. Бауэра сегодня не увидеть, он на совещании. Не утерпел и в 17. 20 снова пошел к Балтийскому вокзалу (к Рожавиным). Унес концентрат каши, банку мяса консервированного, сахару, кусок мыла. Очень устал. Боюсь, чтобы не обострился процесс. Снова стал недоедать. Кашляю очень. И очень счастлив оттого, что делаю что-то хорошее для хороших. Ольга уже более доверчива и более приветлива со мной. Отец, видимо, растроган, но мне неприятно слушать его благодарности. Я сам себя благодарю. Сам свой лучший суд. Ольга пока не решается на выезд. (...)

В сводках уже много дней часто повторяется: «Ничего существенного», «Без существенных перемен».

18 марта. Сегодня был у начальника санитарного отдела КБФ военврача Бауэра. Получил наряд для Рожа-

¹ В М И — Военно-морское издательство,

вина Л. Р. в ВМГ № 6, санитарную машину, и вместе с Олей перевезли отца в госпиталь (14-я линия, угол Малого и Железнякова, здание школы). Ему сегодня стало совсем плохо. С утра — бессознательное состояние. Еще говорит немного, но плохо, медленно. Оля хотела переодеть его — она все еще стесняется. Не дал. Только бы измучили. Одного не понимаю, почему Оля так кричит на него резко: (...) измучилась, видно, сильно. Положили на носилки в одеялах. Вонь. Оля уже не хотела везти, поздно, говорит. (...)

Отца обрили, вымыли. Врач Герман говорит: положение почти безнадежное, но если дня 2 подержится, то, возможно, подправим.

Я вчера уже поговорил с соседями по палате, склонился к мысли о том, что отцу без Оли из Ленинграда не выехать и потому надо оставить ее здесь до его выздоровления. Решил поговорить об устройстве ее в госпиталь на работу. Военком соглашается ее взять, но после предварительной поправки. (...) Военврач 2-го ранга Герман осмотрел ее по моей просьбе и дал справку: «Страдает авитаминозом с явлениями дистрофии. Нуждается в помещении в стационар для лечения».

Написали отцу записки, пометив их 19/П, и прошли ко мне в госпиталь. Угостил в прихожей своим ужином — бутерброд, кофе, пирог с вареньем. Проводил до проспекта Маклина. Отдал (снял на Неве под мостом у Адмиралтейского канала) свой меховой жилет. Отдал свечку. Очень неприятно и тяжело, что она начинает благодарить, как отец. Всячески стараюсь убедить ее, что делаю все это только из эгоистических побуждений. И это правда: я не буду полноценным командиром в весеннюю кампанию (спокойным), если они не будут выручены, если здесь в Ленинграде у меня будут близкие люди в тяжелом состоянии. (...)

Так устал, что работать вечером уже не смог. Болит горло: ангина, видимо. Долг по стихам уже за три дня. Рассказ не пишется. И очерк надо бы уже сдать давно (для книги «Балтийцы в обороне Ленинграда»).

19 марта. Утром в госпитале выздоравливающих командиров увидел Бауэра и обратился с просьбой об Ольге. Отказал, как я и ожидал, даже резко:— Кто она вам? (...) Очень тяжело на душе: жалко, что не удалось, а Оля, верно, уже верит в меня, и конфузно было очень — неприятно быть просителем так часто. (...)

В 9 часов вечера мой творческий вечер: фронтовые стихи. Выпущен в свет боевой листок с моими стихами и портретом. Вступительное слово военврача 1-го ранга Рудакова. (...) Недоволен я, что слишком много читал, не наметил заранее порядок чтения стихов. В моей палате говорят, что больше всего понравилось стихотворение о танке.

20 марта. Вероятно, часов до 4 не смог уснуть. Дочитал книгу Мирошниченко «Юнармия». Сегодня перед обедом сходил к Пубалту, позвонил Зонину о том, чтобы Кетлинская включила меня в список на получение доли продуктов, пришедших для писателей. Надо Ольге.

Рассказ: У «буржуйки»-временки, в госпитале рассказы о живучести храбрых и быстрой смерти трусливых, о случайностях жизни и смерти на войне. Мой сосед по койке ранен в три срока четырежды и все легко: осколок проник снизу под каску и разрезал голову, пуля — в палец, и т. д. В блиндаже снаряд четырех убил, его просто отбросило. Антонченко погиб от угара в Ленинграде. Звонков приехал с Ханко «на курорт» и был убит через несколько дней. Шофер трусит, крутится вокруг машины — убивают. Не дав зажить царапине на ноге (пулю вынули пальцами), командир пошел в баню и из-за заражения пришлось отнять ногу. Бригадный комиссар Фомин был ранен только в зад, когда всю машину изрешетили пикировщики, и т. д. Сделать отбор фактов.

Военврач — сосед по палате — ходил после обеда в госпиталь № 6 (он там работает). Я попросил его проведать отца. Рожавин умер в первую же ночь с 18 на 19 марта. Переживаю, как несчастье, как крушение больших личных надежд. Очень грустно и обидно, словно кто-то меня обманул. Знаю, что я сделал все, что только можно было сделать, что большего, и в такой короткий срок, сделать было нельзя, но было уже поздно. Если б я мог появиться раньше, но я сам не ходил.

Есть обида и на Олю: я требовал в первое же мое посещение сделать все, чтобы поддержать его на несколько дней, а печка в комнате по-прежнему оставалась холодной. Говорил, что экономить дрова не к чему. Видимо, она сама уже не имела ни охоты, ни сил бороться за жизнь, измучилась. Очень тяжело, что не удалось спасти человека. Надо спасти Ольгу, иначе тоже погибнет или навсегда останется калекой. Завтра с утра начну ходатайствовать об эвакуации ее.

Был доклад о войне на Тихом океане. Вечером появился электросвет. С главным врачом долго разговаривал о тревожных днях весны. Зиме конец, а немцам конца еще не видно. На фронтах — «Ничего существенного» — неужели переход к обороне, или неудачи? Потом подошел начальник клуба Скворцов. Поговорили о моей потере. (...)

21 марта. С утра ходил на эвакуопункт «КБФ». Меня узнал Маклаков, который учился со мной в Никольском педтехникуме. Был в армии, потом кончил институт, сейчас политрук. Завтра будут машины, можно будет завтра же Эльку¹ и отправить.

Пришел к ней. У нее только что был краснофлотец из ВМГ № 6 с извещением о смерти отца. (...) Был очень удивлен, что она стала отказываться от эвакуации. — Что я скажу маме?.. — И дороги-де боится. Предложил поехать в Вологодскую область. Серьезно пригрозил, что выведу в административном порядке, чтобы самому освободиться от всех личных тягот и забот (для командира это необходимо). Завтра не соглашается, потому что надо выправить документы с места работы отца на случай пенсии, пособий и пр. (О предусмотрительности такой я бы и подумать не мог.) Дал сроку несколько дней. (...)

Отправился обратно около 3 часов дня. Пошла провожать и далеко. Оказывается, ей нужно было сказать, что боится уезжать, ибо теряет в Ленинграде квартиру (после не вернуться и, видимо, жалеет вещей). Провожала не зря — умная девушка. Обещал помочь им снова переехать в Ленинград, они же с Аней обе студентки Ленинградских институтов. Уверяет, что выживет и в Ленинграде. Видимо, не понимает, что я подбрасываю ей еду не от излишков, а за счет своей скудной нормы (отказался от клюквы!) и из посылок, которые кстати пришли, но которых больше не будет. Сказал, что женат. Вовсе не из-за какой-то заинтересованности я хлопочу: помочь хочется людям.

Ольга и в домоуправлении одинаково покрикивает.

Снова обстрел. Трупов в одеялах, в половиках везут много. Одна женщина села на песок у стены и кричит, умирает. Кричит, как ребенок. Пришел в госпиталь в 4 часа. Смирнов из опергруппы принес посылку из ССП. Тарасенков пишет: «Уважаемый товарищ Яшин!» (...) Гово-

¹ Элька — так звали в семье Ольгу Рожавину.

рит, что посылка больше ждать неоткуда и надо оставить НЗ — приказ Вишневого. (...)

22 марта. В 10 ч. утра по проспекту Пролетарской победы прошел трамвай (грузовой, везет мусор на двух платформах, один вагон моторный). Сам видел. Будто бы проходил трамвай уже вчера. Элька сообщила, что первый трамвай грузовой прошел по Невскому 8 марта.

Элька пришла в начале 11-го. Сходили в госпиталь № 6 за справкой о смерти отца. Его похоронит госпиталь. Потом — на эвакуационный пункт. Потом на толкучку. Неприятное ощущение. Хотел купить тетрадь за табак и отказался. (...)

Сегодня воскресенье по очистке Ленинграда. Солнечный день. Чуть морозно, но притаивает на тротуарах. «Все на борьбу за чистоту». Долго сидел. Написал двадцать строк. Долг еще есть.

23 марта. (...) День солнечный, теплый. Дважды заходил на эвакуационный пункт. До 27 марта транспорта не будет. Сходил в санотдел КБФ. (...) Нашел нач. лечебного отдела Белоголового у себя в госпитале. Поговорил хорошо, по душам: «отца не спасли, помогите спасти девушку, больше у меня здесь никого нет». Военврач 2-го ранга Белоголовов написал на справке военврача Германа: «Эвакоотделению. Госпитализировать в госпиталь № 2 на первое свободное место с предоставлением талона № 7 сроком на 15 суток как ближайшую родственницу военнослужащего техника-интенданта 1-го ранга Яшина». Я очень доволен.

Снаряды падают близко от ВМГ выздоравливающих командиров. Много воронок на льду Невы близ Дворцового моста и на пл. Урицкого. Осколки побили окна дворца, колонны, стену. Один снаряд пробил трибуну, другой упал рядом. Воронки — густо, снег в сажу, как и на передовой. (...)

25 марта. Ходил снова в ВМГ № 2. Встретился с полковым комиссаром Акимовым, с которым вместе был на фронте во 2-й бригаде под Алексеевкой. Он нашел место в женском отделении. Я быстро получил наряд на 15 суток в санотделе и после ужина унес его Эльке. Она спала дома, не закрыв дверей. Мне жутко было подниматься по лестнице. (...) Сидели долго. Она зажгла почему-то лампу-«молнию», видимо света захотелось. (...) Ночью отчетливо слышны пулеметные очереди. Фронт рядом, в Лигове немцы. Обстрел города почти не прекращается, бьют

из трехдюймовок и крупных. Азаров по телефону сказал, что у них в опергруппе течет, «обвалили». Ночью редко кого встретишь в городе. Темно, настороженно. Через Неву не пропустили, пришлось идти через мост лейтенанта Шмидта.

26 марта. (...) В госпитале Эльку остригли под машинку, а не хотела уступать. (...) Вышла из ванны, плачет, вероятно, оскорблена бесцеремонностью санитаров. Не сказала. Заметил, что ноги у нее отеки. В халате, маленькая, худенькая; стриженная голова в платочке. Указывает на халат, говорит — грязный. Думаю, что это только от желания скрыть неловкость, оттого, что я всегда видел ее в неприглядном и не очень чистом виде. Вчера заставил ее вымыть руки. Гордая девушка, делает вид, что мои замечания насчет ее грязных рук и прочее пролетают мимо ее ушей, но, вероятно, они берегут ее душу. Помню, повторила мои слова: «В тебя даже влюбиться нельзя». Запомнила, значит. (...)

Вечером узнал, что начальник лечебного отдела Санупра Белоголовов, несмотря на заключение профессора, назначил в числе многих других на выписку и меня. Освобождают места для командиров с кораблей. Спать лег рано. Дал только 5 строк.

27 марта. Дал кровь в ВМГ № 2. Заходил к сестре-хозяйке Маргарите Николаевне за тетрадкой. Комната забита ценными вещами с рынка. Говорит, опять купила Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона за 400 р. Знаем мы эти 400 р. (за 4 пачки папирос или 0,5 кг хлеба).

Узнал, что по согласованию с санотделом флота меня решили отправить обратно в ВМГ № 3, в туберкулезное отделение. Да, военному человеку никогда нельзя располагать своим днем с утра и по своему почину. Пошел в опергруппу. Посоветовался с Мирошниченко и другими и решил эвакуироваться. Азаров провел меня к Власову. Власов неохотно идет на отпуск. Говорит: «годен к нестроевой службе», можно в Черноморский флот. Ответ завтра. Мне очень грустно и неловко. И выхода другого нет: по госпиталям ходить без конца, без пользы безрасходно. И как я оставлю Эльку здесь одну. Я же обещал не покидать ее.

Получил стопку писем — Пухов привез из Лебяжьего. Гали обижена, мне жалко ее. Прости, любовь моя, что я не всегда бываю чуток к твоей душе. (...)

В 23.20 вспомнил, что *у меня сегодня день рождения*. Вспомнил и даже язык отнялся. Я весь день ничего не писал. Надо было успеть до 12 часов отметить день рождения. (...)

Сидел до 4 часов ночи — читал письма и открытки Гали. Людмила послала стихотворение «Письмо»¹. В другом письме она советует жить с детьми в одном городе, но не сходитьсь больше с Е. С.

28 марта. Еще в койку подали письмо и в нем опять стихи, мне посвященные. Прямо везет.

С 27 марта по 7 апреля в Ленинграде мобилизовано все население на очистку города. 26/III было объявлено о продаже сверх нормы детям семги по 50 гр, поступившей от трудящихся Мурманской обл.

Ходил к Эльке, показал ей «Сталинградскую правду» и письма Ани. Сказал о предполагающемся моем выезде.

Немцы бьют по Неве, по кораблям.

Вечером сидел у бельевщицы. (...) Я порвал сдачу, взятую за стирку. Устыдился, как я порой бываю жаден до денег, скуп на копейки, расчетлив. Но порой широк, как русский барышник, но все-таки барышник, а не барин-интеллигент. (...)

29 марта. В 13 ч. совещание писателей с армейским комиссаром 2-го ранга Роговым². Присутствуют Власов, Рыбаков, Корниенко, редактор «КБФ», зам. редактора «Кр. флота». I. Доклад бригадного комиссара Рыбакова о деятельности писателей на Балтике: работает группа писателей в 15 человек. (...) (Называет писателей: Мирошниченко, Зонин, Амурский; усилил деятельность в печати Азаров, «много хороших работ сделал т. Яшин по своей специальности поэта».) Собираются писать поэмы, но дальше сборов не идет дело.

Страна знает мало о героической деятельности балтийцев: писатели виноваты. Качество страдает. Особенно в очерках много искажений, вранья, вольностей. Люди возмущаются. (...) Крона мы зачислили в опергруппу, чтобы он помог нам наладить драматургическую работу,

¹ Это стихотворение Л. Татьяничевой опубликовано в сборнике «Верность». Челябинск, 1944.

² Рогов И. В. — тогда (и позднее, вплоть до апреля 1946 г.) начальник Главного политического управления ВМФ, на XVIII съезде партии был избран членом ЦК ВКП(б); с 1944 г. — генерал-полковник. Умер в 1949 г.

помог бы театру. Он же оставил драматургию. Страна ждет большой работы от Вишневого. Он и ряд других слишком много времени и энергии отдают устной агитации.

Пубалт передоверил руководство писателями опергруппе. Работа писателей на сегодня представляется неудовлетворительной. Видимо, надо произвести какую-то реорганизацию работы с писателями.

Прения. Вишневский: «Литература делается годами. Я не могу сейчас сказать Крону, чтобы он немедленно сажился писать пьесу. Толстой, Эренбург пишут статьи, фельетоны. Я не понимаю упрека в увлечении устной агитацией. Она нужна. «Мы из Кронштадта» я написал в 1936 г., а не в 19-м. Нельзя бросать упрека за недоработку Мирошниченко. Он писал, когда погибал отец, умирает сын».

Вишневский очень взволнован и обижен упреками. «20 писателей погибло и умерло (половина). Надо добавить из резервов. В тяжелейшие дни для Ленинграда писатели работали. Тарасенков написал 60 стихов. Называет Успенского — поэт, прозаик, переводчик, ходит в операции. Яшин — стихи сильные, сжатые, влюблен в балтийскую тематику. Беда, что он заболел ТБЦ. Надо дать ему свежий воздух — Ладогу или Север, и он там будет делать нужное Балтике дело. «Шинель» его уже пошла в народ. Говоря о Тарасенкове, даже прослезился». Вишневский перечисляет и характеризует всех писателей — Вишневецкую тоже. (Армейский комиссар Рогов напоминает Ставского, особенно складом губ, опущенными углами их).

Выступают: Амурский, Капица, Успенский, Крон, Тарасенков, Зонин, Азаров, Браун.

Яшин: Балтфлот входит в меня вместе с именем Вишневого, благодаря ему. Мы мерзли, болели, чтобы полюбить флот и стать любимыми, чтобы иметь право писать о флоте, как рядовой боец.

Я выступал несвязно, но с чувством, до истеричности.

Начальник Главного ПУ ВМФ армейский комиссар 2-го ранга Рогов: Мы, руководители политорганов, иногда плохо к вам относимся, мало требуем, не указываем на главное, скверно заботимся о вас иногда. Устной агитацией писатель должен заниматься — об этом вопрос не стоит. Нам нужно, чтобы писатели показали людей флота. Кое-что сделано, делается. Но мало! Страна о Балтике

знает мало. Бледно показываем. Вещи нужны малые и большие. Для написания большой вещи можете пойти на то, чтобы послать писателя в тыл, на Волгу — на несколько месяцев, даже на полгода.

Надо готовиться к предстоящему обострению положения на фронтах. Надо готовить людей психологически к этому, чтобы знали, что не так страшен черт, как его малюют.

Опергруппа писателей — частица Пубалта. Противопоставлять их нельзя. (...) Печатавшиеся во флотских газетах лучшие вещи давать в «Краснофлотец». Книги, сборники и другие издания печататься будут только после просмотра Гл. ПУ ВМФ. (...)

31 марта. Ходил к Эльке. Получил постоянный пропуск в Пубалт и штаб КБФ. Вечером Вишневский отчитывался о беседе с Роговым. Рогов требует книг хороших. Требует 2-ю часть «Мы из Кронштадта». Опергруппа становится общефлотским объединением. Людей дадут еще. Приказ о 15% гонорара ликвидирован. Ставки увеличат и отменят обезличку: было всем по 1000 рублей. Присвоят звания. Переведут в политсостав всех коммунистов. Меня в Волжскую военную флотилию.

Начал писать стихотворение к 700-летию Ледового побоища для радио.

1 апреля. (...) Составляем сборник поэтов Балтики. Элька прошлый раз рассказывала, что она не может спать. Соседи говорят, что ночью она со сна поднимает голову. Все чудится, что отец рядом и не спит. — Ольга, спишь? Нет? Давай разговаривать, и я не сплю.

4 апреля. Вчера вышел Указ о награждении трех торпедников — Афанасьева, Осипова и Гуманенко — званиями Героев Советского Союза. И о трех гвардейских кораблях (минзаг¹ «Марти», миноносец «Стойкий» и тральщик 205). Написал стихотворение «Трем героям». Сдал поздно ночью (сегодня) в «Ленправду» и «КБФ».

В 6 ч. вечера пошли в Свердловский РК ВКП(б) на встречу с партактивом, посвященную 700-летию Ледового побоища. Во время речи Вишневского — налет. (...) Налет большой, волнами. Качался дом. Бомбы падали далеко — качались номерки на вешалках, близко — летели стекла. Женщина говорит: — Только бы зажигательные не сбрасывал! Тушить нечем, да и люди слабы.

¹ Минзаг — минный заградитель.

В 8.40 продолжили вечер. Осталось человек 70. Тарасенков ушел. Остались Вишневский, Зонин, Мирошниченко, я. Читал: «Так рассказывал мой дед», «Владыка мира», «Шинель», «Перебежчица» и стихотворение Азарова («Как семь веков назад»). На сцене обвалившаяся штукатурка, детали люстры. Рядом разрушен Горный институт.

Ужин с двумя стаканами вина. Очень приятно, вина давно не пил.

Ночью снова большой налет. Сошли в подвалы. Огромный дом штаба качается. Мы организовали вечер в бомбоубежище. Вишневский произнес изумительно сильную, страстную речь. (...)

5 апреля. Передавали по радио мое стихотворение «Трем героям». Потом вечером мы выступали сами с передачей, посвященной 700-летию Ледового побоища: Вишневский¹, Тарасенков, Зонин, Яшин, Мирошниченко, Азаров. (...)

6 апреля. Сходил в ВМГ № 2 к Эльке. Плачет, нервничает, говорит, что она не выедет из Ленинграда. Но я уже стал понимать ее. Вернулся в Пубалт, созвонился с полковым комиссаром Бессоновым и снова к ней. Из госпиталя выписалась сегодня же. Ей, видимо, он дает мало. Не может забыться и отдыхать. Завтра с утра оформляться. Послезавтра — поезд в 13 часов с Финляндского вокзала. (...) Говорила: не поеду, как я встречаюсь с матерью. А обрадовалась явно.

В «КБФ» за 5/IV мой стих «Трем героям». (...)

Вчера грудой писем передали из Лебяжьего. От Ани два фото и вырезки моих стихов из «Сталинградской правды». От Людмилы вырезки стихов ее и моих из «Магнитогорского рабочего».

Прочитал Фенимора Купера: «Зверобой», «Следопыт». Надо перечитать все пять лучших его книг — еще «По-

¹ Запись дополнена Яшиным 25 августа 1964 года. «Самое яркое воспоминание о Вс. Вишневском у меня оставил день 5 апреля 1942 года. Мы с ним выступали по Ленинградскому радио. Предполагалось, что я прочитаю стихи, а Всеволод Витальевич — заготовленную заранее и цензурованную речь. Но во время нашего выступления на Ленинград посыпались бомбы, сигналы воздушной тревоги сбили размеренный ход передачи. Сидевший у микрофона Вишневский отодвинул текст речи и начал говорить без бумажки, к ужасу ведущего диктора. Он не говорил — он рубил, бил, вдалбливал — кулак его застучал по столу...»

следний из Могикан», «Кожаный чулок» и «Прерия». (...)

Я дал клятву о некурении на всю жизнь. Присутствовали: Вишневский, Мирошниченко, Азаров, Зонин, Браун, Крон, Тарасенков, Вишневецкая, Пронин. 12 часов ночи.

8 апреля. Провожал Эльку на вокзале. Часть вокзала (правое крыло) разрушена бомбой. Вещи тащат на санках, а снегу уже почти нет, и изматываются. На медпункте, куда я зашел в поисках воды, много трупов. Притащили девушку. Глаза мутные уже, зубы оскалены, не говорит. Нашли эвакуодостоверение и удостоверение личности.— Медичка!— вскричала фельдшерица. Продкарточка уже вынута. За хлебом дикие очереди. За кашей с колбасой тоже. Я искал Эльку долго, зашел в вокзал. Тяжело все это видеть. В вагонах не пройти.

Простились, поцеловались.— Спасибо за все!— говорит. (...)

Врач смазал рот и дал витамин: у меня цинга. (...)

9 апреля. Выступал по радио в 9.45 вечера. (...) До этого был в квартире Прокофьева. Закрыто, не попал. В соседней комнате живут эвакуированные из Териок. Сам лежит с декабря, сын болен, другой тоже. Отец и сын кандидаты на смерть весной. (...)

Туман. Купол Исаакия над туманом, словно перевернутый аэростат. У Биржи разбита гранитная тумба и повреждены башня морей, цепь, щит. На Дворцовом мосту — дыра от снаряда. На площади Урицкого¹ в воронку от снаряда течет вся вода, словно в поле в овражек. Ночью слышны пулеметные очереди, очень близко. Горн играет: в нем что-то зеленое-зеленое, дачное, солнечное, очень светлое.

Получил письмо от Елены. Пишет только о сыне, но явно идет на мировую... (...)

10 апреля. (...) Долго рылся в букинистическом магазине писателей на Володарском. Взял «Четки» и «Осенний альманах».

Было совещание начинающих писателей КБФ. (...) Ушел в ВМГ выздоравливающих командиров. Провел там вечер. Читал много стихов. Не покормили. Мирошниченко завтра вылетает. Меня не берет. Меня это несколько не волнует. (...) Не вывезут — останусь. Только бы выдержать. Нервы расходились донельзя. (...)

¹ Так до 1944 года называлась Дворцовая площадь в Ленинграде.

12 апреля. Случилась рвота с кровью, и я жутко ослаб, и моментально. (...) С трудом дошел до ПУ. Внизу снял шинель, чтобы легче идти по лестнице. Три раза садился. Очень ослаб. Заходил Мирошниченко. Он сегодня ночью едет на машине штаба ВВС. А мне нельзя. Был врач. Вечером меня положили в лазарет штаба КБФ.

Члены группы ходили на «Марти». Выступали перед личным составом и командованием отдельно. Имели по рюмке водки. Азаров прочитал мои «Шинель» и «Танк». Он сказал, что Власов из Москвы запросил ко Дню печати статью обо мне. (...)

13 апреля. Были Пронин, Азаров, Софья Касьяновна Вишневецкая. Она принесла плитку шоколада. Азаров сидел, пытался у меня работать, не вышло. Долго разговаривали. Я рассказывал о своей семье (две семьи), он о своей. 10 лет женат. Есть дочка маленькая. (...) Жена — фото. Азаров одессит. Что с отцом (врач) и с матерью, не знает.

Написал 15 строк поэмы.

15 апреля. Видел сон: генерал-майор Григорьев в черной бане раздавал по студенческому списку какие-то внутриинститутские ордена — бумажки в футлярах. Я будто бы должен был получить орден, но очередь до меня не дошла — Григорьев вышел и не вернулся до моего пробуждения. (...)

Около 2 часов Вишневский с бригадным комиссаром Коряжиным (зам. нач. Пубалта) договорился, что я могу сегодня выехать с делегацией Балтики и трудящимися Кирова и Семипалатинска. Очень спешно собирался. По пути заехал за мешком к Прокофьеву. (...)

В Ленинграде пошел пассажирский трамвай.

В 14.45 выехал в Москву¹.

¹ Здесь уместно привести рапорт, написанный А. Яшиным 16 сентября 1943 г. и подводящий итоги ленинградского военного периода его жизни:

Начальнику оперативной группы писателей при ПУ КБФ капитану 1-го ранга В. В. Вишневскому, бывшего члена опергруппы поэта капитана Александра Яшина (Попова)

РАПОРТ

С 15 июля 1941 года по май 1942 года я служил на Ленинградском фронте: до 1 сентября 1941 года — в качестве ответственного редактора газеты ЗУРа КБФ «Залп балтийцев», с 1 сентября 1941 г. по 4 февраля 1942 г. — при Политотделе ИУРа в качестве писателя-корреспондента; с 4 февраля по 15 апреля 1942 года в

От площади Урицкого, через Литейный мост и по набережной мимо Финляндского вокзала.

Станция Ржевка. В ночь на 29/III взорвало снарядом состав с порохом — разрушения огромные на километры. Доска на телеграфном столбе: «на Ладожское озеро через Всеволожское». Самолеты под полотном. Вербa в канаве. Снег и трава. Вороны. Шоссе — камень. Звукоулавливатель — 4 уха. Русский пейзаж: поля, дороги, авиабомбы. Деревня Корнево. Ж/д. линия проведена до Осиновца новая. На домах фамилии, имя и отчество хозяев написаны по-русски и по-фински. Силосная башня ободрана на растопку. Сено везут. Кони молодые, худые. Страшная грязь, хуже нашей Шарья¹. Бойцы чинят до-

Ленинграде — в оперативной группе писателей ПУ КБФ, возглавляемой Вами.

В ЗУРе я наладил выпуск газеты на новом месте, начав с организации типографии. Второго работника не было, и я за материалом для каждого номера сам ездил на передовую, не раз принимал участие в оборонительных боях с подразделениями морской пехоты, а 14 августа 1941 года в районе деревни Ямсковицы с группой бойцов и командиров 2-го батальона 2-й бригады (командир батальона Мохряков, комиссар Андрей Лебедев) с винтовкой участвовал в отражении психической атаки немцев, — большая часть немцев была побита нашим огнем с расстояния в 250—300 метров.

Поздней осенью 1941 года, в период работы в Ижорском укрепленном районе, я большую часть времени проводил на передовой в подразделениях морской пехоты; в районе деревни Средние Лужки участвовал в бою, бил по передвигавшимся немцам с близкой дистанции из автоматической 15-зарядной винтовки и потом из дегтяревского пулемета (били вместе со старшим политруком Дамским); позднее ходил в разведку, причем однажды в деревне Елизаветино, занятой немцами, когда они массированным огнем зажали нас в скотном дворе и попытались оцепить, я оказался за командира группы и, предотвратив начавшуюся панику, организовал отход группы — вышли все, не бросив и собранного трофейного вооружения; только один, Бересов, позднее умер от ран (участок обороны батальона ст. лейтенанта Боковни).

Зимой 1941/42 года не раз ходил в операции с бронепоездом Кропачева, работал на Красной Горке и т. д.

Всюду много выступал, печатал в разных газетах стихи, очерки, статьи, корреспонденции.

Из Ленинграда был эвакуирован на Волжскую военную флотилию в связи с начавшейся болезнью (туберкулез легких).

Прошу Вашего ходатайства, товарищ капитан I ранга, о выдаче мне справки на получение медали «За оборону Ленинграда».

16/IX—43 г.

Капитан Александр Яшин.

¹ Шарья — ж.-д. станция недалеко от города Кирова. С этой станции пешком, позже — на машине, а в последнее время — на самолете А. Яшин добирался до города Никольска.

рогу. Деревня Проба. Проектор. Скворцы прилетели. Водопровод на Дубровку. Красное белье на веревках над снегом. Платформа Рахья. Слева виден Осиновецкий маяк. В лесу и на станции Штабная — хлеб в мешках. Ж.-д. линия. Горы хлеба. У озера огромное количество машин. Везут туши мяса и хлеб.

В 8.45 вечера сошли на лед. Низкий берег. Боец регулирует поток машин. Много дорог — туда, сюда. Цепочки машин — муравьиные дороги. Маяк слева. Справа видел аэростат. Сначала дорога была хорошей, потом — вода корытами. Словно каналы. Трудно ехать. Через озеро — 30 км. Посты с фонарями. Ночью по озеру засветились огни, они блуждают. Это фары. Одни сильнее, как прожектора. Будто вокруг сияющий город. Часов в 11 вечера — берег. Деревня Лаврово. Долго мучились на берегу, тянули машину по грязи. Ночуем. (...) Спали сидя, с 3 часов ночи до 5.30 утра.

Когда ехали ночью, справа на берегу Ладоги немецкие ракеты, слева и впереди — прожектора; били наши зенитки — красные разрывы, словно на миг обнажающиеся рваные раны.

16 апреля. С утра били зенитки над Лавровом. Умывание холодной водой из борозды на огороде. Лужи во льду. Пили чай. Утро солнечное, тихое, как весной на Глубоком¹, когда я пас коров. Поют скворцы на проводе и на берегах.

Едем. Высоковольтная передача — прямая просека. Овраг. Слоистый берег. Пулеметные блиндажи. Деревня Радище. Церковь. Поворот влево по шоссе. В лесу слева немецкий танк с крестом. Деревня Сивола — даже стекла целы. Были ли здесь немцы? Зенитная батарея и ложные орудия. Около них много воронок. Деревня Шум. (...) 12.40 деревня Рындла. Сидит старик на развалинах дома. Петухи... Деревня Вальдома. Лопнула крышка. Впервые сел на голую землю у канавы. Бабочки: желтая и крапивница. Жаворонки. Идем пешком.

14.45 Старая Ладога. Овраги. Река Волхов. Стрелки: Новая Ладога — налево, 12 км. Направо — Волховстрой, 10 км. Бывший монастырь — Старо-Ладожский детдом. Пять церквей в разных местах. Курганы. Где-то здесь родился поэт Прокофьев...

¹ Глубокое — место рядом с Бобришным Угором в окрестностях Блуднова (на родине А. Яшина).

Новая Ладога. Приехали в 15.45. Военком Ладожской военной флотилии бригадный комиссар Кадушкин (белый дом против гостиного двора, разбитого бомбой) принял нас в дверях по пути на совещание. Ужинать нам не дали. По аттестатам — хлеба на 2 дня, и все. Дождавшись двух гвардейских летчиков, мы в 11-м часу выехали в Волхов. Ехали быстро по сухому шоссе. В Волхове на поезд ночью не посадили. Спали в общежитии на ул. Безымянной.

17 апреля. Утром — каша. Чаю не досталось. Воздушные тревоги, бьют зенитки. Братские могилы. Город деревянный, дома двухэтажные типа бараков. (...) Спешно на вокзал. Вещи на легковой. Ехать до Тихвина. Пробрались на линию — Станция Волховстрой-I. Лазали под составами. Разместились у цистерны. Потом нашли свободный пульмановский вагон. Но каждый железнодорожник дает новые и новые советы. Один говорит: поезд до Тихвина пойдет в 3 часа. Другой говорит — в 8, третий — совсем не пойдет, четвертый — до Вологды пройдет год. Не садитесь близко от паровоза — по нему бьет Гитлер. Начальник вокзала посоветовал ждать «классного состава». Остались. С болью смотрели, как уходит пульман с зеленой сенной трухой. Товарные вагоны в пробойнах.

В 19 часов — самодеятельность Н-ской части выступает в вокзале. Литмонтаж. Руководитель — сержант. Низкорослые девушки. (...) Дистрофички пляшут и поют.

Ходил бриться. Наша группа в 13 человек уже в теплушке. Нары из свежих досок. Печка. Сразу веселее стало. Человеку нужен угол. Ночью не ушли: эвакуированные не прибыли. Классные вагоны для них. Спал на плащ-палатке. Ночью воздушные тревоги — здесь они все время. Сирена: прерывистые паровозные гудки, а самолеты появляются редко. Кто-то хотел влезть в теплушку — не пустили. Это интендант. Словарь его: сгоношить, втереться, устроиться.

18 апреля. Солнечный теплый день. Пожалели, что не поехали с цистернами до Тихвина и упустили санитарный состав. Носим дрова. С утра чистимся, драим пуговицы. Я свои — впервые. Обедали по записке временного коменданта станций.

В 17 ч. выехали из Волхова. Плотина и станция целы. Через плотину идет вода. Лед выше плотины, а ниже льдины. Следы бомбежки, воронки у дороги. Торфяные болота, сосенки-карлики. Торфоразработки, экскаваторы,

вода. В 3 км от Волхова были немцы. (...) Начались блиндажи, изувеченный лес. Сзади в теплушке пленные фрицы. Один бородатый, как мужик. Прошел — даже у сердца похолодело: столько злобы накопилось. Напустить бы на них ленинградских женщин! (...)

На Волховстрое радио объявляет: «Товарищи ленинградцы! Ваш поезд с классными вагонами отходит через 30 минут с 4-го пути». Приятное уважение.

Взорванный мост. Временный — деревянный. Разъезд Кукли был у немцев. Немецкие каски, мины, снаряды, землянки. Труп в нижнем белье — у насыпи. Белье очень чистое — выполосканное и вымороженное. По воронкам определяем вес бомб, спорим — все стреляные.

Разъезд Мыслино. Дзоты-холмы. Взял обрывки немецкой газеты. Мена: огурцы 1 шт. на 150 г хлеба, кружка винегрета — 200 г хлеба. Моряки берут охотно. Бабушка меняет «смородиновый чай». Мичман взял: вода-вода! Одна предприимчивая ленинградка закупила всяких безделушек — карты, серьги, брошки, носовые платки — все на хлеб. Несколько трупов у воронки. Остатки немецкого бронепоезда — оружие в металлическом остове башни. Гильзы от снарядов. Листовки на суку. От домов одни трубы да изразцы печей. Труп немца у весеннего ручья. (...) Началась весна — появились «подснежники».

Монастырь белый за белой стеной. Вдоль линии немецкие доты. Остатки состава, обгорелые вагоны, авиамоторы на них. И все взрыто бомбами. Вагонное колесо с осью отброшено взрывом метров на 30. «Состав был с авиабомбами, — рассказывает ж.-д. рабочий. — Бомбы рвались 5 часов, вагоны горели». Воронки от бомб метров 6—10 в диаметре, рельс, откинутый взрывом, — кривой. Воронки, воронки, воронки.

Вечером около 11 часов прибыли в Тихвин. Я спал. Утром осмотрел разбитый вокзал. Уже ремонтируют. В городе есть домик Римского-Корсакова. Сухой паек без аттестата: мясо-солонина, сухари. Обед. В 9.45 спешно перекинулись в тамбур санитарного поезда, он будто бы идет быстрее. Снова воронки, трупы, разбитые составы, сгоревшие паровозы. Маска противогаза в весенней луже, темный глаз смотрит в небо.

19 апреля. Выменивали молоко на сухари: 2 сухаря $\frac{1}{2}$ литра. Цыганка гадала: один или полтора сухаря. Мичман на кусок хлеба выменял у нее подол картошки. Старшина 2-й статьи Половенко разложил сухари, чтобы

больше казалось, и все-таки выменял молоко на то же количество.

Вечер самодеятельности: песни, пляски. Старшина Половенко пляшет «Яблочко». Мичман Щербаков в ударе. Я читал стихи. Женщина в брюках из санпоезда Нина Лесовая просит прочитать «Заиньку». И большие глаза ее напомнили Л. Г. Шах.

20 апреля. Нас обогнал поезд с эвакуированными, который мы оставили. (...) Всю дорогу ничего не пишу.

21 апреля. (...) Покупал клюкву: 5 р. кружка. Здесь меняют продукты уже не на хлеб, а на вещи.

За два разъезда перед Кадуем был взорван бомбардировщиком состав с динамитом — 1000 тонн (он был в Волхове, там 700 тонн взяли и остальные 1000 тонн отправили подальше от опасности). Паровоз только что ушел за водой, налетел фриц и первой же бомбой попал. Разрушения огромные. Ближние деревни развалило, снесло крыши. Лес вокруг — березки, сосны — оголило от сучьев и пригнуло. В радиусе 5 км выбиты все стекла. Одна цистерна рваная, но сохранившая форму, отнесена метров на 150. Осколки рельс, колес валяются далеко по сторонам — на 200 и 400 метров.

22 апреля. Читал «Четки» Ахматовой. Дали одеяло, подушку и бензин. Ночами сильные заморозки.

В 6 часов утра станция Череповец. Стоим на разъездах по 15 и больше часов. (...) В Череповце зашел в аптеку. Аптекарь умерла от сыпняка два дня назад. Очаг — вокзал. Дорогой веду себя очень легкомысленно, не пишу, не читаю. Почитал немного русских сказок в издании «Академия». (...)

23 апреля. 12 часов дня. Мы все еще в Череповце. Сходил в город к коменданту. Дали по продаттестату 500 г хлеба и только. Был в парикмахерской. По улице Луначарского — деревянный город. Тротуары часто в одну доску. Грязища. Домики никольские, вологодские, но нет обилия зелени. Проспект Советский даже вымощен. Каменный универмаг. Улицы широкие.

Сижу в поле у линии дороги — в виду у вокзала. Наш состав без паровоза. Обучают бойцов: равняйся, направо, смирно, вольно, на плечо, к ноге, отпустить ремень и т. д. Шагистика — так ли уж она сейчас нужна? День солнечный, ветреный. Через реку два моста, две линии. Скоро сутки, как мы стоим в Череповце. Начинает душить тоска и беспокойство.

В 4 ч. опять перекинулись на новый поезд, в санитарный состав. В 4.25 поехали к Вологде. Разлив реки Шексны — система канала Волга — Москва. Строят второй параллельный ж.-д. мост. Здесь уже двухпутная колея. В воде — избы, сараи, на лугах много неубранных стогов сена. Из тамбура к вечеру перешли в служебный вагон. Спали на полках. Перетащили и вещи.

24 апреля. Вологда. Сдав вещи в камеру, пошел в «Красный Север». Редактор газеты Щукин, секретарь Гуляев. Дали книжку стихов вологодских поэтов. (...) Ходил по Вологде. Вода большая. За рекой доходит до мостовой, в отдельных местах почти до церквей. Стоял на мосту у Пединститута. Мысли о Елене Первенцевой.

В Вологде сухо, жарко. Очереди у магазинов. Купить свободно можно только игрушки. (...)

Делегаты Балтики уехали на том же санпоезде. (...) Обещали оформить поезд на Москву и не смогли. Ночевал в агитпункте на кресле и вещах. Ночью выходил на пути: в вокзале ступить некуда — люди, бойцы.

25 апреля. Часов в 17 сели на поезд № 81, формировавшийся в Вологде на Москву. Достал место для лежа-ния. (...)

26 апреля. 7 часов утра. За ночь проехали км 6 и сейчас стоим. Читаю «Мифы Древней Греции».

— Кондуктор, зачем стоим? — Паровоз меняют. — А на что меняют-то?

В Вологде восьмушка махорки — 250—300 р., или четвертинка водки, или 10 яиц. Все собираюсь писать и не могу начать. После опять будет очень стыдно и обидно за потерянное время. Холодный день. Снегу почти нет. Пашут.

27 апреля. В 5.40 вышли из Данилова. Пашут. Снега нет, но и зелени тоже нет. День свежий. В двенадцатом часу проехали через Волгу. Волга безо льда. Ярославль вдали: в церквях и в каменных белых зданиях. (Город весь в домах — так?) Солнце, но свежо. Перед Волгой некоторые успели пересесть на поезд № 7, скорый. Я промерекал и не успел. Еду без мысли, без волнения. Какой-то автомат, и очень-очень неживой. То, что подъезжаю к Москве, — почти безразлично. Ничего веселого и радостного не жду. Ничто не волнует. Равнодушен ко всему. (...) Кое-где в овражках снежок.

28 апреля. 6 ч. 40 м. утра. Скоро Москва. Александ-

ров уже проехали. Пересел на электричку в Мытищах...

Москва. Мой дом снаружи цел, а внутри развалины, никого нет. Бомба упала в Варсанюфьевский переулок на гараж. Все окружающие дома осиротели. Выбиты стекла, окна, внутри перегородки, стены.

Прошел к себе со двора. Дверь в комнату¹ заколочена доской. Отдирать милиционер не посоветовал — надо, говорит, с участковым милиционером и домоуправом. Краны на кухне вынуты. В уборной лед. Оставил свою сумку на общей кухне — сумку с рукописями и дневниками. Приезжал за ней вечером и зашел в домоуправление, которое оказалось в доме № 20. Дворничиха говорит: разворовано.

Съездил в институт. Видел лейтенанта Захарченко (адъютант штаба). Слава Щирин похудела, похожа на цыганку.

С мешком — в ССП. Секретарь парторганизации — Резник. Оперативный секретарь — Скосырев. Здесь ленинградские писатели — Инбер, Шишков, Груздев. Они опередили меня на самолете. В Ленинград вылетели Фадеев и Алигер.

Завтрак в Клубе писателей: водка, кетовая икра, отбивная с капустой, огурец — 37 рублей. Дал 45. Видел Ивана Баукова. У него жена родила сына.

В главном ПУ ВМФ был у Власова, разговаривал с полковым комиссаром Пашенко. Стихи мои нравятся. Мнение хорошее. У полкового комиссара Гаранина взял верстку своей книжки. Назвали «Красная Горка». Есть изменения в тексте. (...)

Резник и Скосырев хотели устроить комнату, но я проездил за сумкой на Дзержинскую и потому ночевал на диване в ССП.

29 апреля. Утром сидел в Военмориздате, правил свой сборник стихов. Завтракал в столовой Наркомата и в Клубе ССП. Деньги летят сотнями. Дважды взял в клубе продукты для ужина (хлеб, колбаса). Отводят комнату во дворе Союза писателей, но спать там сегодня еще нельзя, нет постели. (...)

Был в «Литературной газете», Спиридоновка, 2. Дал стихи. Получил в клубе 1,5 литра водки. Был у Жучкова. (...)

¹ Комната Александра Яшина находилась в большой коммунальной квартире коридорной системы.

30 апреля. Идет мокрый снег. Спал на диване в ССП. На улице побелело от снега. Опять весь день в беготне. Получил ленинградский спецпак: 2 кг хлеба, 1 кг ветчины, 1 кг сыра, 200 г конфет.

В ПУ ВМФ у Власова взял разрешение на пребывание в Москве на 15 дней, попросил ходатайства о предоставлении квартиры через райсовет. (...)

Готовятся к налету. Всюду зенитки, аэростаты воздушного заграждения. Огромная во все небо луна. Ночевал в предоставленной временно в ССП комнате.

1 мая. Утром разговор по сборнику «Красная Горка» с редактором Брамм. В 12.30 митинг в Литературном институте. Я выступал, читал стихи. (...) Со Славой ходили в ВМ столовую обедать. Пива графин. (...)

3 мая. Ходил в свою квартиру. (...) Оторвал от дверей доску, но вторая дверь закрыта. (...)

4 мая. Наконец сделал и сдал сборник в «Советский писатель» Ступникеру. Опять много лишнего включил.

Был у Маршака. Наставляет: говорит избитые истины — читать больше, изучать мировую поэзию, набираться поэтической культуры. Лежит в постели. (...) В «Правду» ничего не взял. (...)

Сходил, наконец, в баню. Легче стало.

Соседка Лаврова Евгения Максимовна опекает меня: два одеяла, плитка. У нее дочь Алена, 18 лет, хорошая, спокойная, думающая девушка. В комнате, где я живу, жил Иван Рукавишников. Много читалось стихов в этой мансарде. Лаврова — художница. Сейчас работает в ССП бухгалтером и пишет афиши и плакаты.

Вчера был у начальника 3-го отдела Гл. ПУ ВМФ батальонного комиссара Федорова. Сделал замечание, что я явился не сразу. Сегодня был у него снова: «До 15/V можете гулять».

5 мая. Очень похолодало. В 6 ч. вечера шел снег — мокрые, крупные хлопья. Был на радио, сдал стихи. Передачу мою они уже наметили заранее на 7/V в 21.20. (...) Очень подолгу сижу у Лавровых Евгении Максимовны и Алены Николаевны (дочь). Смотрел рисунки Алены. (...)

6 мая. Был в «Комсомольской правде». Сегодня дан мой стих «Тетерева». Сдал в «Огонек» сборничек Беляеву Афанасию Николаевичу. Он предлагает издаваться с Азаровым. Был в институте. (...)

7 мая. Впервые проник в свою комнату на Дзержинской с домоуправом. Комната уже открыта. Валяются в мусоре, в хламе несколько книг, фото, дневники, письма, рукописи стихов. Нашел фото Яши. (...)

В 1.30 выступал в Литинституте. Был Тимофеев, Федосеев (директор), Сидорин и др. Был в ЦДРИ на встрече с казаками. Потом в 9.20 ночи выступал по радио. (...)

Крупные здания в Москве — Большой театр, здание Совнаркома напротив гостиницы «Москва», Манеж и др. — раскрашены в разные цвета для маскировки. Кремлевские звезды обтянуты серым чем-то.

12 мая. Читал стихи в ЦК ВЛКСМ. Осипов предложил завтра сдать сборник. Вечером были Слава Щирна с мужем и Полиной Германовной Печалиной¹. (...)

14 мая. Утром читал рецензию Книпович на мою рукопись в «Советском писателе». Лестная очень. Квартиру все еще не подобрали.

Читал в «Комсомольской правде». После меня выступал Тихон Николаевич Хренников — играл песенки и один вальс. До этого был в «Красном флоте» и в «Краснофлотце». (...)

16 мая. Власов докладывал армейскому комиссару Рогову и тот разрешил еще отсрочить мой отъезд из Москвы.

Ездил в Покровско-Стрешнево. В квартиру Смирничих кто-то вселен. Заборы разобраны. (...) По пути в Покровско-Стрешнево вдруг размышлялся: показалось в разговоре с Власовым, что хотят представить. На обратном пути сильно прихрамывал, поднимался на трамвай с неразгибающейся ногой.

18 мая. Квартиры все нет. Стало тепло, тепло. Даже жарко.

В институте получил аттестат об окончании его.

19 мая. Бригадный Власов назначен нач. ПО Ладожской военной флотилии. Значит, вопрос о переаттестации моей так и не будет решен.

На заседании военной комиссии я выступал, а потом вместе с Уткиным читал стихи (Либединский предложил). Успешно. Щипачев предложил завтра дать им несколько стихов для «Красноармейца».

¹ Печалина П. Г. — преподаватель немецкого языка в Литинституте, учитель и друг А. Яшина.

Вечером был у Славы. Она, муж ее Евгений Николаевич Кузнецов, Полина Германовна и я — хорошо, открыто поговорили. (...) Я коммунист, я за все в ответе.

22 мая. Вчера начал снова писать. Писал для «Ленинградской поэмы» — «Я очень многих люблю». (...)

На днях виделся с Симоновым в ресторане клуба. Я: — Рад тебя видеть. — Он: — Взаимно! — И все. Потом (вчера) на улице. Он небрежно мотнул рукой где-то около козырька. Это приветствие. Сегодня Михалков... Был, говорит, контужен.

23 мая. В «Комсомольской правде» моя «Шинель». Опять бесцеремонно, без моего ведома, более того — вопреки моему предупреждению выкинули две строфы, и лучшие.

Со Славой Шириной ходил в Дзержинский жилотдел и на старую мою квартиру. Взял для Славы доверенность в ССП на ведение моих квартирных дел. (...)

24 мая. Вчера Шевелева сказала, что в 3.30 сегодня за мной придет машина — ехать в воинскую часть выступать. Задумал сценарий: о фронтовом редакторе-поэте. Евгения Максимовна Лаврова все делает мой альбом фронтовых вырезок¹. (...)

Несколько дней назад немцы повели наступление на Керченском полуострове. Наши ответили ударом на Харьковском. Сегодня в сводке Совинформбюро заявляется об эвакуации в полном порядке по приказу Верховного командования Керченского полуострова. Севастополь снова остался один. (...)

25 мая. Сдал Славе Шириной выписки из дневника. Был в «Октябре» у Юнович. Очень долго, до вечера, рылся в старой квартире. В опилках нашел пару ботинок и один непарный. Наверное, я прозевал много кое-чего. Перенес два мешка книг: в рюкзаке и в наволочке от подушки. Не успел съездить за талонами в столовую. Не ужинал. В Клубе писателей правил стенограмму своего выступления на партсобрании для Литинститута. Прочитал «Поэму фронта» Кирсанова. Хорошо. Зря Сурков ее. (...) Читаю «Американские киносценарии».

Прочитал найденные письма Елены (Сергеевны) Смирницкой в Ялту, 1936 год. Очень взволнован. Неуже-

¹ Альбом фронтовых газетных вырезок и фотографий, сделанный Е. М. Лавровой, хранится в Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Там же находятся альбомы всех последующих лет — до 1968 года.

ли она меня любила? Все, наверно, было не так, как мне представлялось. И все из-за глупости и самовлюбленности моей. Я слишком поспешил с браком, не привыкнув и не приняв ее и ее семьи, ее среды (оригинально люди жили). Случилось же это потому, что многое меня в ней покорило. Я чувствовал, что она меня выше, но не осознал этого, не сделал из этого нужных выводов, да и не мог сделать, при той степени внимания к людям и понимания их, которое у меня тогда было. Слишком высоко ставил я себя как поэта и низко ее. А Елена была, конечно, интеллигентнее меня, культурнее, деликатнее. О деликатности же моей и говорить нечего: не бывало у меня ее тогда, понятия я о ней не имел. Невыдержанный я очень. Плохо, что Елена не смогла стать настолько выше меня, чтобы понять, откуда шли все мои плохие выходки, все недостатки мои — жилось плохо. (...) Чем больше я сейчас начинаю понимать это, тем больше люблю ее. Страдают дети. Неправда, что я жалею, что дети мои от нее. Верю, что дети мои в хороших руках и будут хорошими людьми. Только бы работать научились хорошо, стали бы энергичнее, чем мать.

3 часа ночи. Боже мой, как я не умею работать, как слабоволен я! А способности настоящие. При этих бы способностях да симоновское трудолюбие! С поэмой дело опять затягивается. Месяца полтора опять ничего не делал. На Волге надо бы: 1. Закончить поэму «Военный человек», 2. «Ленинградскую поэму», 3. Дать книжку стихов о тыле фронта, о Волжской флотилии... 4. Написать сценарий.

Конечно, опять ничего не сделаю. Не верю я себе. Живу все время с запозданием. Написал же Кирсанов уже «Поэму фронта». Елене надо написать книгу стихов. В ней — боль о потерянной любви, о детях, которые не вместе.

26 мая. Оформлял документы для отъезда в Ульяновск. Получил деньги по денежному аттестату. Фронтные 200 р. отпадают, остается 1000 р. Из них — 700 аттестат Гали, 120 — заем, 47.50 — военный налог. На руки за месяц 133 р. И так теперь будет всегда. Надо думать о гонорарах. (...)

27 мая. Купил ж.-д. билет на 28/V. (...)

28 мая. Альбом, сделанный Лавровыми, показывал в ПУ ВМФ Пашенко, в ССП Скосыреву, в Литинституте — Щириной. Все в восторге от оформления. Получил

на 200 р. в Клубе СП продуктов на дорогу. Так много вкусного, что очень жаль, что не могу угостить Гали. Так хотелось бы поделиться.

Передал Александру Макарову отрывки из поэмы для номера, посвященного Дню Военно-Морского Флота (в «Краснофлотец»). Сидел до 6 утра — писал. Из кают-компаний пришел домой с Макаровым, выпили. (...)

Собирался на вокзал очень спешно, даже проститься как следует не смог. В 8.15 вечера вышел из дому. Поезд № 74 (Ташкент) выходит в 21 час с Казанского вокзала.

Еду в Ульяновск. (...)

29 мая. Утром — Рязань. День. Степные пейзажи. Все ли засеяно? Паровозы работают на березовых дровах. Ст. Ковылкино. Красавица украинка из г. Сумы, темно-золотые, цвета самородка, волосы. Ночью написал стишок о девушке из Сум, тоскующей в Ковылкине¹.

30 мая. Около 5 часов утра вышел в Инзе. (...)

Во второй половине дня сделали посадку в теплушки товарного состава и выехали на Ульяновск. Я помогал женщине с тремя детьми, едущей к мужу в Ульяновск — к капитану 3-го ранга Остроухову. Очень тихо. Трудно привыкнуть к такой тишине. Все в цвету, в зелени, в солнце.

31 мая. (...) Часов в 6 утра Ульяновск. Волга в разливе, деревья в воде. Вдали железнодорожный мост. Город на высоте. От станции длиннейшая деревянная лестница. В ПО Волжской военной флотилии выходной день. Устроился в общежитии Наркомата ВМФ. (...) Сходил в домик-музей Ленина и в филиал Московского музея Ленина (через двор). Как он умел работать!

Штаб и ПО ВВФ² помещаются в бывшей Симбирской гимназии. (...)

Сходил в баню. Пока мылся, мне выстирали белье, погладили китель, пришили воротничок. И денег не взяли, как мне не было неловко. Ухаживают за фронтовиками.

До чего ж хороша Волга! Яблоневые сады вымерзли (зимой мороз доходил до 50°) и не цветут.

1 июня. Был принят зам. начальника ПО батальонным комиссаром Абросенко. Меня зачислили уже в штат Политотдела в должности Инструктора по снабжению культпросветимуществом. (...)

¹ Имеется в виду стихотворение «На станции».

² В В Ф — Волжская военная флотилия.

2 июня. Подал телеграммы с адресом: Гали, Ане, Людмиле, Елене. Знакомился с предстоящей работой своей. Надо возиться со сметами и прочим. Забавно и грустно. (...)

3 июня. Возня с документами. Устроил свой «кабинет» в складе политпросветимущества. Ходил на «венец» — берег Волги — и ниже в яблоневый сад. После 12 часов ночи из пер. Володарского смотрел, как внизу горел дом. Думал, не камера ли ручного багажа: у меня вещи еще там.

4 июня. Весь день возился с документами финансового отдела, касающимися культпросветимущества. Ничего, разберусь. Не боги горшки обжигают. Стоит жара. Никак не могу обуздать себя и писать.

Снова ходил вечером на спуск к Волге, в яблоневый сад.

9 июня. Отправил ценным письмом Гали документы на выезд в Ульяновск, три литеры: Шарья — Ярославль, Ярославль — Горький (пароход,) Горький — Ульяновск. Послал телеграмму, что высланы все документы.

11 июня. Пишу «Ленинградскую поэму». Перед кино «Большой вальс» был мой вечер в зале заседаний штаба. Народу много. Выступал и читал стихи.

По радио передано сообщение о посещении Молотовым Лондона и Вашингтона и о заключении договоров. *Второй фронт будет в 1942 г.*

14 июня. Писал «Волжское яблочко», выступал в ВМГ № 30 и в Ульяновском флотском полуэкипаже перед мобилизованными девушками. Зрелища такого еще не видал: масса всяких девушек еще в гражданской разнохарактерной одежде. Ими командуют старшины: разводы... повороты... Это добровольцы, преимущественно из комсомола. Будут коками, писарями и прочее. Я был с Сутягиным. Выступал с большим успехом. Говорил им о том, в какую среду, к каким людям они попали.

16 июня. Вечером мне стало совсем плохо в яблоневом саду над Волгой.

17 июня. Была встреча с коллективом редакции «Пролетарский путь». Отобрали стихи для первой подборки. Они рассказали, что несколько дней назад по радио пели мою «Шинель». Чья музыка — не знают. Ночью совсем заболел, кошмары. Страшно заболели десны — несколько дней я не обращал на них внимания.

18 июня. (...) На дом приходил врач. Ленинградская цинга возобновилась, на деснах язвочки, зубы шатаются. Смазали метиловой синькой. Грипп. Бронхит разлитой. Всю ночь мучился, из-за цинги главным образом. Любовь Ефимовна увела в ВМГ № 30.

20 июня. Десны все жутко болят, кровоточат. Ем лук, витамины, картошку в мундирах, приготовленную особым способом. Но пока все ничего не помогает. Зубы не закрепляются. После Ленинграда я перестал думать о витаминности пищи, поэтому цинга возобновилась.

23 июня. (...) Сегодня в газете мое стихотворение: назвали «Сталин с нами» и выброшена строфа. И это после того, как в госпиталь ко мне приносили оттиск на правку. (...)

24 июня. Сегодня первый день в санаторном отделении госпиталя. Написал 35 строк «Ленинградской поэмы» (Элька у детей без матери). Температура держится, сегодня 37,4. (...)

28 июня. (...) Пишу по 10 строк «Ленинградскую поэму». Сегодня ходил на стадион на матч двух футбольных местных команд.

30 июня. Уже третий день, как меня мучает какое-то беспокойство, предчувствие чего-то нехорошего. На душе, что называется, кошки скребут. Вероятно, все связано с мыслями о жене, о Гали. Она еще не выехала. (...) Надо вернуться к детям, жить для них. (...) Не надо было опять жениться.

Читаю «Тихий Дон». Вчера был фильм «Петр I». Сегодня отправил письмо секретарю ССП Казахской ССР Таджибекову о детях. Копию — Смирницкой. (...)

2 июля. 2 телеграммы: 25/VI Гали выехала из Никольска. 29/VI прибыла в Ярославль.

Ночью в 12. 25 началась воздушная тревога. В Ульяновске это великое событие, а мне смешно смотреть. У меня потушили даже свечку, всех согнали в коридоры.

3 июля. Утром ходил в ПО. Из «Сов. писателя» от Ступникова пришло письмо: сборник мой, отредактированный Обрадовичем, в 20 стихотворений пошел в производство.

Наказал, чтобы встретили жену, но не думал, что она приедет сегодня. (...) Перед ужином ее привел в госпиталь Сулягин. Встреча получилась действительно

сдержанной. (...) После ужина пошли в санпропускник. Устроил в женское общежитие на Гончаровской, 24 (...)

Композитор Двейрин подбивает написать одноактную оперу. Попытался спать, не смог. Написал письма Людмиле и маме. (...)

4 июля. В 5 утра побрился и пошел к Гали в общежитие. (...) Очень тяжело все. Пришел в госпиталь. Готов реветь. (...) От Ани телеграмма: «Приеду начале июля поправляйся родной Аня». Я очень рад, что она сама решилась выехать в Ульяновск.

6 июля. Послал сегодня письмо Е(лене) См(ирницкой) — ответ о пальто и обуви для детей (заказным). Написал ей второе письмо с предложением взять меня себе в мужья. На днях пошлю. (...)

7 июля. В груди хрип. Плохо сплю. И пишется плохо. 3 июля советские войска оставили город Севастополь.

8 июля. (...) Сегодня послал Елене письмо с мистификацией:

Уважаемая Елена Сергеевна!

Я скоро выпишусь из госпиталя (сегодня сообщили). У меня нет ноги (совсем) и еще кое-чего по мелочам. Сейчас я об этом решилсЯ Вам написать. Хожу с протезом неплохо.

К старой жене я не вернусь совсем — на это есть причины. Я хотел бы жить со своими детьми. Согласитесь ли Вы взять меня в мужья навсегда и никогда не упрекать меня и не таить зла?

Много писать об этом — Вы понимаете — мне нечего. Думаю, что я как человек стал сейчас лучше. Нефизической работой заниматься могу. Что я передумал, прежде чем решиться так прямо обратиться к Вам с этим вопросом — я думаю, Вы сможете понять. К Вам у меня чувство хорошее.

Прошу Вас ответить мне прямо, как Вы это умеете, и по возможности скоро. Я не выеду отсюда никуда, не дождавшись ответа с Вашим решением.

8/VII—42 г.

Ваш Александр.

9—10 июля. Вышел из госпиталя. (...) 3 дня ничего не писал. Несколько времени назад немцы повели наступление. Бои идут на западе от Воронежа за переправу. Город Старый Оскол сдан. Снова у всех в душе нарастает тревога. Лозунг — «Окончательно разгромить

немцев в 1942 году» идет сверху, повторяется в каждой заметке.

11 июля. Покрыл долг за четыре дня, написал 40 строк. Ходил в парк — Сутягин познакомил меня с украинской поэтессой Галиной Луначарской. (...)

12 июля. Ходили с Гали на пристань. Встречал паром из Сталинграда. Ани нет. (...)

Джек Алтаузен убит в легковом авто, термитной бомбой.

Написал 80 строк (о «толкучке» в Ленинграде). Вечером прощались с Гали. (...)

13 июля. Приступил к работе в ПО после трехдневного отпуска. На склад пришла кипа моей «Красной Горки», 60 страниц, 75 копеек.

15 июля. (...) Выправил Гали документы в Магнитогорск. Людмила Татьяничева принимает.

Подавал Бельскому¹ рапорт о звании и переводе в политсостав. Составлял сметы. Рябов стал младшим политруком, получил назначение, и я завтра принимаю у него весь склад.

16 июля. На ЗИСе Бельского увез вещи Гали на вокзал. В 4 часа дня она уехала. Думал встретить ее еще в санпропускнике, но она туда уже не пришла. (...)

24 июля. Ходили с Галей Луначарской на Волгу. За время болезни написал песню «Выходи к нему, Волга, навстречу», очерк «Моряки в атаках». Немцы рвутся на Волгу. Уже под Ростовом-на-Дону и в районе Цимлянской.

Получил от Елены Смирницкой письмо — ответ на мой запрос. Перевел детям 1200 р.

27 июля. Вчера был День Военно-Морского Флота СССР в ДКА. Я читал приветствие адмиралу Кузнецову² и перед самостоятельностью выступал со стихами. (...)

30 июля. Ездил с Галиной Луначарской за город в расположение танкистов. Стреляли из пистолета, ходили по лесу, собирали ягоды. Галина — поэтесса в душе. Живая, энергичная, но на повседневность домашнюю так же мало обращает внимания, как и моя Елена. (...)

¹ Бельский П. И. — дивизионный комиссар, начальник ПО Волжской флотилии. Впоследствии — контр-адмирал; сейчас в отставке.

² Кузнецов Н. Г. (1902—1974) — в то время адмирал флота, нарком ВМФ, после войны первый заместитель министра обороны СССР — главнокомандующий ВМС, Герой Советского Союза.

31 июля. Вчера зачитывали приказ. Я не был. Познали сегодня. Враг рвется на восток, не считаясь с потерями. Им взяты Ворошиловград, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половина Воронежа и другие пункты. Враг стоит в воротах Северного Кавказа. Ростов и Новочеркасск сданы без серьезного сопротивления, без приказа Москвы. (...) Спасти положение еще можно. (...)

1 августа. Видел сон о каких-то мифических своих успехах в области песни. Будто бы в Москве изданы сборники песен на мои тексты «Шинель», «Поле», «Землянка» и др. (...)

Рано утром приехал Абросенко из Москвы. Пока в ПО его нет. Как-то со званием?

Новый казус: меня редактором газеты во вторую бригаду (Сталинград). Звания еще нет. Обещают послать аттестационный лист на ст. политрука. Абросенко не хочет понять, что работа писателя, если он истинный труженик, требует напряжения всех сил. Ею нельзя заниматься по совместительству, если не быть любителем.

2 августа. Ходили с Луначарской вниз по Волге до лесу. У бакенщика брал лодку, катались. Впервые купался в Волге с лодки.

7 августа. За эти дни немец продвинулся далеко. Бои в районах Клетской, Котельниково, южнее Белой Глины. ВВФ — действующая. Есть потери. Взорван катер, на котором погиб зам. командующего ВВФ контр-адмирал Хорошкин¹.

Абросенко послал в Москву две телеграммы: о зачислении меня писателем-корреспондентом и о присвоении мне звания ст. политрука.

Собираюсь в Сталинград. Разрешение есть, и Вельский туда вызывает. Вчера сдал склад Алимову. (...)

9 августа. Выезд в Сталинград задерживается из-за Агалецкого (он все еще не готов), а Абросенко хочет отправить нас вместе. Начиная от Саратова Волгу бомбят и минируют, горят баржи с нефтью. (...)

10 августа. Спешили на пароход с утра, а отправились только в 8 ч. 35 м. Итак в Сталинград. Пароход «Клим Ворошилов». Едем с Агалецким. (...)

¹ Контр-адмирал Хорошкин Б. В. с июля 1942 года командовал Отдельной бригадой траления Волжской флотилии (прежде Днепровской и Ладожской флотилиями), погиб 1 августа 1942 года. Ему посвящено стихотворение А. Яшина «Контр-адмирал».

16 августа. Стоим в Саратове. Начали новую погрузку. Видно, все-таки выйдем вниз. Здесь на Волге большое оживление: идут пароходы, буксиры, снуют катера, ходит парусник. Много барж. Окно моей каюты на Волгу. Пишу уже третье стихотворение: 1. Мы с тобою разошлись; 2. Волга. Тихий плеск воды; 3. Четвертый день в окопе лежу.

Есть стихи живые и стихи мертвые. *Мертвые стихи* — это повторение азов, зарифмовывание тотowych фраз. *Живые стихи* — те, в которых бьется живое человеческое сердце и чувство. Неповторимое, индивидуальное, яростное восприятие грозowych событий, свое живое слово, свой индивидуальный призыв. Я пишу живые стихи. Иногда, правда, тоже сбиваюсь, уступаю антипоэтической стихии.

17 августа. 12 часов дня. Иловатка. Купался с борта. Пароход заново замаскировали. (...) Перед окном моей каюты зеленый садик, а за ним Волга. (...)

18 августа. Ночью стояли на якоре. Был ливень. Рано утром снялись. Капитан наш бредет на тихом ходу за буксиром с баржами, мин боится. Но так — риска не меньше, мины могут стоять ниже, чем осадка буксира, тем более баржи. Разумнее было бы проскочить на полной скорости опасный перегон. Немцы здесь близко. Летают самолеты пачками. Бьют зенитки.

Пришли в Сталинград. Сначала в редакцию «Сталинградской правды» (я, Агалецкий и Родин). Родин уже решил вернуться обратно, ссылаясь на ранение. Ночевали в кабинете редактора Филиппова А. Г. Ани нет.

19 августа. Ездил на оборонительный рубеж в районе хутора Елхи за Аней. Она оттуда уже выехала в Сталинград, взяв отпуск. Вернулся в редакцию. Она уже ушла к себе домой. С Филипповым прошел к ней. Ночевал у нее.

21 августа. Был у дивизионного комиссара Бельского. Предоставляется свобода передвижения, выбора места работы и прочее. *Позволено заниматься своим делом — поэзией.*

Собирались с Аней поехать в Елхи за ее вещами и хлебной карточкой, но из-за тревоги не выбрались. Немцы летают по несколько раз в день. Видел падающий самолет (пошел в пике). Один выбросился на парашюте.

22 августа. Ездил с Аней в Елхи. Пили молоко — 30 р. литр — в Сталинграде 70 р. Обратно пешком. Стрельба из пистолета (пробивает телеграфный столб). По птичкам: стрепет и какие-то вроде попугайчиков, с бирюзой под крыльями. Разбитый самолет. Трупы лошадей с задранными ногами — на месте бомбежки в степи. Приехали поздно.

23 августа. (...) Беспрерывные тревоги, воздушные бои, бомбежки. (Записываю 24/VIII в 18 часов по местному времени):

К вечеру 23/VIII начались массовые налеты авиации на город. Мы с Аней были у нее на квартире и оказались в центре бомбежки. (...) Район охватил огонь. Сидели в щели. В перерыв между бомбежками сходили к пожару. Горит весь квартал, деревянные дома. Пожарные приехали, развернули рукава, но воды не оказалось. Тогда они свернулись и уехали. Гражданские — ломают заборы. Ветра не было.

Обратно бежали под бомбежкой. Уже сумерки. Несут раненых. Собрались и перешли в редакцию «Сталинградской правды». Хорошо, что не пошли ко мне на Рабоче-крестьянскую улицу. Побыли в бомбоубежище редакции и решили спать наверху. Я словно чувствовал, что это последняя ночь. К утру бомбежка усилилась. Перешли опять в убежище.

24 августа. Сходили за вещами Ани на ее квартиру, расстались с квартирой. Город горит. Бомба на центральной площади возле универмага. Корреспондент В. Полторацкий (с усами, с автоматом) сообщил мне, что немцы вчера прорвались в район Тракторного завода и там идут бои. Наших: остатки танковой бригады (из 120—20) и противотанковый дивизион, что ли. Я доложил об этом дивизионному комиссару. Немцы, видимо, намеревались взять город с налету, прижав к земле оборону его.

Сидел снова с Аней в убежище «Сталинградской правды». Редакция газеты «Красная Армия» уже за Волгой, «Сталинское знамя» перебирается. У «Корреспондентского корпуса» центральных газет свой путь. Бомба попала в типографию. Я ушел к себе.

Потом, уже в дыму пожаров, пошел с Агалецким в редакцию. Аня с чемоданом и авоськой спокойно шла навстречу. Вернулись. Помогли Филиппову рвать доку-

менты (бледный, в каске). Расцеловались. Я сказал, что беру Аню с собой. (...)

Горит госпиталь — бывший штаб 10-й армии. Сидели в бомбоубежище ПО. Бомбы всё качали. Аня только прижималась ко мне. Ведет себя очень хорошо. Одна сходила в редакцию за забытым табаком, но редакция уже горела. (...)

В последний момент обратился к дивизионному комиссару Бельскому за разрешением взять Аню с собой за Волгу. Отказал. В убежище попросил снова. Отказал. (...) Аня торопит, ей надо уходить, но стоит спокойно. Вырезает из газеты «Сталинградская правда» за 23-е мои «фронтовые стихи». Тщательно обрезает кромки. Вышли. Она спокойна. Не плачь, говорит, спасибо тебе за эти пять дней счастья. — Куда писать? — Пиши моим родным, чтобы найти друг друга. До свиданья. И пошла по улице вверх. Пошла в дыму, не плача, твердо. Ни разу не обернулась. (Пошла в обком ВЛКСМ. Редакция в убежище ТЮЗа.)

Часов в 5 мы сели на тральщик. И оказалось, что можно было спокойно взять ее с собой. Отправлял капитан 1-го ранга Жуков. Он бы разрешил. Как она ушла...

К ночи весь город объяло жуткое пламя. Ветер. Немец бомбил ровно через 4 часа. После того как весь город стал похож на вулканическую расплавленную лаву, думалось, что сейчас его оставят в покое. Нет, немец продолжал рвать этот огонь, бомбить берег, острова. На песчаную косу острова была сброшена масса зажигалок. Они взрывались не сразу. Постепенно. Песок и тот горел.

Я чувствую себя невольным предателем. Уцелеет ли Аня, есть ли надежда, что она выберется за Волгу и будет жива?

Спал на дебаркадере — брандвахта, плавбаза бронекатеров 2-й бригады. Жуков говорил: в воде плавают люди — обожженные, раненые. Багровое огромное солнце.

Смотрел на пламя, думал; если кто не сгорит, то задохнется.

25 августа. За ночь огонь уменьшился — видимо, основные районы выгорели совсем. Несмотря на это, немец снова систематически долбит город, и он опять весь загорелся. Больше горит район около элеватора, в кото-

рый не могут попасть, и район ближе к заводам, северный. Горит там нефть в баржах — черный, с сизым отливом дым. Вчера не верилось, что после такого огня, каким был охвачен город, хватит духу снова его бомбить и поджигать. Немецкие самолеты действуют безнаказанно, хотя зенитки бьют до перекала. (...)

То, что получилось с Аней, для меня, вероятно, будет еще трагичнее, чем история с Еленой Первенцевой. Пока только хожу, забывая все, и все еще есть надежда, что она чудом спасется, но уже мерещатся сцены смерти: от бомбы, от огня, от дыма... Чем дальше, тем будет тяжелей. Как спокойно она пошла в город, в дым. Слезы идут...

В районе Тракторного оборону держат наши моряки. Завод будто бы в наших руках. Говорят, что там десант немецких автоматчиков, просочившиеся танки — и все. День сегодня тихий, безветренный, но город горит сильно. Вчера просился в город, но где ее там найти? (...)

Выстроили весь комначсостав. Пришел командующий контр-адмирал Рогачев¹, поздоровался и велел встать вокруг него («Я не приказывал выстраивать»). Познакомил с обстановкой. Кто унывает — не надо унывать.

Спал в блиндаже.

26 августа. Часов в 8 утра попросил разрешения у дивизионного комиссара Вельского поехать в город. Разрешил. Сделал выговор: — В Ульяновске разговор о жене и в Сталинграде тоже. В тяжелые минуты — личное на первом плане! Пригрозил парткомиссией.

В город переправился на армейской переправе. Ходил по городу: по улице Ленина, через драмтеатр, на КП города на бульваре, в квартиру Ани, чудом уцелевшую. Обрато: через КП, где виделся с секретарем обкома ВЛКСМ Левкиным, по улице Московской мимо редакции и на Волгу. Обрато переправился под бомбежкой.

Город сгорел. Не горел театр, ТЮЗ и еще очень многие здания. Стоят голые каменные стены. Но жертв было немного — так утверждают все. Жертвы были лишь от прямых попаданий. Горели те, что были ранены,

¹ Рогачев Д. Д. — контр-адмирал, командующий Волжской флотилией; начинал свой путь матросом на Балтике, участник Великой Октябрьской революции и гражданской войны; летом и осенью 1941 года успешно руководил боевыми действиями Пинской флотилии. Умер в мае 1963 года,

и — не замечавшие вовремя из подвалов угрозы огневого окружения. Сидели даже в колодцах водопровода.

В ТЮЗе — растерявшиеся артистки.

КП города в заранее подготовленном бетонном подземелье. В квартире Ани все живы, были во дворе в щели. Месят тесто на улице, на табуретке. Я взял пакет сухарей, думку, котелок, ложки, книжки (Пушкин, Франс, Антокольский, Яшин — 2 экз. «Красной Горки»). Сказал правду, что Аню потерял. Слезы подступили к горлу и — заревел. Обгорелый труп женщины.

На обратном пути написал записку Левкину (он ушел на Волгу), но меня окликнули: он вернулся. И вот — жива, жива, жива! Левкин сам проводил их (редакцию, обкомы) и видел, что и через Волгу они переправились благополучно. Это было в ночь на 25-е, т. е. в самую жуткую ночь, когда город был лавиной огня. Сейчас они в районе Средней Ахтубы или Паласовки. Вчера туда уехал и редактор «Сталинградской правды» Филиппов, чтобы налаживать выпуск газеты.

На КП приходят представители от районов. Налаживают военную организацию. Женщин и детей эвакуируют, мужчин решили держать в городе на случай обороны. Тракторный взят не был.

Армейский политрук рассказывает: «Немцы прорвались выше Калача — 200 танков и машины с автоматчиками — и подошли к Волге. Бои были и идут в районе Городища. От Воронежа брошены два корпуса танков. Немцы стали жечь город и потому, что он *Сталинград*. Для морального и политического эффекта. А памятник Хользунову стоит. Наши не могли бросить сюда авиацию, потому что это снизило бы активность войск в районе Клетской и все равно не спасло бы город от огня».

27 августа. Всю ночь собирались переезжать на новое место, куда-то в лес. (...)

С самого начала перехода за Волгу терпим продовольственные затруднения. 24-го не ужинали. 25-го — поели 1 раз, похлебка и 120 г хлеба. Сегодня по 200 г хлеба на весь день и банка мясных консервов на 4 человека.

Вышли на новое место в 14 часов по местному времени. Потеряли подводы и заблудились. Лесостепь. Картофельные поля. Бахчи. Мы не свернули влево у оросительного канала-лотка и ушли в хутор Шумок.

Колхозники сами предложили идти на бахчи. Там бродят все, кому не лень. Весь день ели помидоры, огурцы, арбузы. Помидорами угощают без меры. (...) Пришли в лагерь ночью, съели банку консервов на 4-х.

Сегодня в сводке сообщают о наступлении наших войск на Калининском фронте.

28 августа. Приехал дивизионный комиссар Бельский: Шилин, я, Петров и Сигитов едем на корабли. Я — во 2-ю бригаду. Ночевали на месте старого лагеря в своем блиндаже. Виделся с Бережным. У него дочка 7 лет осталась с бабушкой в плену на Украине.

С утра ищем способа переправиться во вторую бригаду. Шилин ушел в город скатером. Жаль! Я не знал маршрута катера — прозевал. В 13 часов вышли на тральщике до базы ОБТ¹. Четыре бойца сидят на берегу. Они были в бою в районе СТЗ². Осталось немного. Немцы сильно жгут наши танки (что за снаряды?). Глиссер дивизионного комиссара Бельского ушел выполнять боевое задание — перевозить десант в 30 человек на поддержку нашим. У некоторых мотористов при выходе на боевые задания портятся моторы. (...)

Недавно наши видели, как немцы купались в Волге. Напротив стояла замаскированная канонерская лодка «Усыскин», но ей нельзя было выдавать себя.

Наш тральщик подошел за маслом. Если б у командира ст. лейтенанта не нашлось знакомого — масла тральщик не получил бы. Сегодня идет дождь. Пришли на плавбазу ОБТ на острове. Редактор газеты Нольде. Газету «Вымпел» он уже выпускает на машинке. Очередной 19-й номер вышел в среду 26/VIII (№ 18 был 21/VIII). Передовая: «Стойкость куёт победу». (...)

К берегу подошел бронекатер, на котором зенитки и «катюша» (под парусиной). (...)

30 августа. Вчера провел вечер встречи с командирами и краснофлотцами базы ОБТ. Говорил, читал стихи. Послал пакет Вельскому со стихами для «Краснофлотца» и для «Красной Армии».

На РТЩ³ вышли вниз: я, Шилин, Петров. У одного катера сгорела муфта. Взяли его в середину. Отремонтировали скоро. Максимальная скорость 18 км.

¹ ОБТ — отдельная бригада траления.

² СТЗ — Сталинградский тракторный завод.

³ РТЩ — рейдовый тральщик.

Часов в 5—6 пришли в район канлодок¹ 2-й бригады. Сошли на «Федосеенко». Канлодки — это переоборудованные речные буксиры. Комиссар дивизиона канлодок Тараканов. (...)

Противник км в 25! Ввиду того что в Сталинграде сгорели боезапасы, продовольствие, обмундирование, уголь, а подвозить неоткуда, да и почти нечего — в бригаде беспокойство. Топят один котел дровами. Угля (19 тонн) на сутки хода. Идти на дровах — искрить, демаскировать себя. Боезапаса очень мало. (...)

31 августа. (...) Утром я убил из пистолета на песке змею. Очень живуча. Между берегом и кораблем масса лягушек. Воркованье. (...)

В 12 ч. дня комиссар дивизиона канлодок Тараканов, Петров и я пошли к командованию бригады. (...)

В 16 часов главстаршина из штаба флотилии сообщил мне, что в ПО пришла выписка из приказа Рогова о присвоении мне звания старшего политрука. Наконец-то срежу осточертевшие интендантские нашивки. Величко говорил, что противник просачивается к берегу Волги где-то севернее Сарепты.

В 21 час — вечер встречи в носовом кубрике канлодки «Федосеенко». Это второй за время выездов. Все говорят, что у меня слишком глухой голос. *Пишу Сталинградскую поэму.*

1 сентября. С 3. 20 утра сильная канонада на правом берегу Волги. (...) Провел выступление на канлодке «Шорс» и заночевал там. Сидели до 12 ночи, читали стихи, разговаривали о Есенине, Маяковском, Шолохове и других писателях. Пошел дождь, было темно. (...)

2 сентября. Ожесточенные бои в районах северо-западнее и юго-западнее Сталинграда. На остальных фронтах ничего существенного. Юго-западнее Сталинграда — то есть где-то против нашей позиции — немцы прорвали нашу оборону. Возможно, что канлодки 2-й бригады сегодня будут уже стрелять.

В 9 часов утра совещание военкомов и политруков 2-й бригады — проводит военком полковой комиссар Величко: 1. Предатели — на канлодке «Руднев», 2-я бригада, 3 краснофлотца готовились 31/VIII перейти к немцам, выкрад секретные документы. Вчера в 6 ч. вечера их расстреляли перед строем. (...)

¹ Канлодки — канонерские лодки.

2. О листовке Гл. ПУ РК ВМФ — обращение к морякам ВВФ: прочитать, размножить (краснофлотец Строкань с бронекатера 43, будучи раненным, не покинул боевого поста). Сами командиры и политработники должны быть более организованными и дисциплинированными, чем рядовые. (...)

Вечером — встреча с личным составом бронекатера 43. Со мной приходил военком отряда бронекатеров политрук Пантелеев. Очень хорошо приняли. Читал много, в т. ч. довоенные стихи. У них на катере несколько экземпляров «Красной Горки».

Этот катер сбил уже один самолет «Хейнкель-111» во время конвоирования пароходов выше Сталинграда. Краснофлотец Строкань был ранен, сейчас вернулся — он упоминается в листовке Гл. ПУ РК ВМФ. Подарили прекрасный мундштук своей работы. Пригласили на обед, на завтрак. Делал мундштук из пуговиц и эбонита краснофлотец — радист и кок Ефимов.

4 сентября. В 9. 30 вышли группой (я, Петров и Тараканов) пешком вниз по Волге на канлодку «Киров». Баржа у берега, из нее вытекает нефть: повреждения от бомбежки. (...) Шли песками, песками. Потом продирались через заросли ивняка и ветлы. Стволы ветлы во мху, как пальмы. Такая же роща на острове, где стоит плавбаза ОБТ. Под конец пути забрались в грязь — места разлива Волги еще не просохли. И опять продирались сквозь ивняк. Таково Поволжье.

В 3. 30 пришли на «Киров». Обит железом. Стоит в рукаве, в затоне. Командир — старший лейтенант Поздняков, комиссар — политрук Тверской. (...)

5 сентября. Сходили в деревню Покровка, отдали письма, выписали наряд на рыбзаводе на 3 кг свежей рыбы (получим завтра). Осмотрели на леднике рыбзавода засол рыбы. Купили яиц — 5 штук за 50 руб. Женщины перебирают шерсть. На почте — женщины, ушедшие из Сталинграда.

Пришил золотую эмблему (шелковую). В 4 часа дня мое выступление перед личным составом «Кирова». Хорошо. (...)

Все пишу «Сталинградскую поэму» — «Город гнева». Уже прояснилась вся до конца.

6 сентября. Утром один прошелся по рукаву на складной шлюпке. Как много рыбы в ивняке у берега! Видимо, щуки.

Выпущена стенная газета «Краснофлотец»: мое стихотворение «Круши его, матушка Волга». В 3 ч. дня — стрельбы. Я — из винтовки, из ТТ, из нагана, из пулемета. В 7 ч. вечера — собрание колхозников деревни Покровка, где рыбзавод. Собрались женщины. 4 семьи эвакуированных, одна из Днепропетровска. Петров читает лекцию о текущем моменте Отечественной войны и международном положении. (...) Выступающие из населения жалуются, что вчера здесь выступал инженер 2-го ранга — армеец и буквально напугал всех: в Сталинграде-де идут бои уже на улицах. (...)

Военком канлодки «Киров» Тверской сообщил колхозникам о том, что Сталинград будем отстаивать до последней капли крови, что Сталин послал пополнения и они идут к нам. Я выступал со страстью, читал также с большим успехом. Это 5-е мое выступление. Нас провозжали до воды и дальше берегом. Петров остался ночевать, а я долго ждал его со шлюпкой. Спать лег в 2 часа ночи, встал в 6.40 утра.

7 сентября. Утром на шлюпке сходил в деревню за рыбой. Две рыбины: судак и жерех. Позднее, возвратившись, Петров принес двух сазанов. Наелись, а за обедом опять уха и рыба — щука. Корабль питается рыбой без перемен. (...)

В 3 часа дня военком Тверской сообщил из нашей оперсводки, что танки противника с юго-запада прорвались к черте города Сталинграда, в район русла Царицы (реки Пионерки).

Наконец покрыл задолженность за 8 суток с 19 по 26 августа. Вечером долго разговаривал с Петровым. Он человек думающий. (...)

8 сентября. Утром совсем болен. Пошел на шлюпке вверх. Рыба — щуки летят из-под весел, в воду падают как снаряды. Два мальчика из деревни Покровка ловят рыбу сетью, голые. Сеть в дырах, но рыба лезет. Примкнул к ним, посадил в шлюпку. Стали бросать рыбу в шлюпку. Сазаны — в рукаве, в кармане на мелком илистом месте. Часа за два наловили около трех пудов. И раки.

Прибыл капитан-лейтенант Павлов — командир дивизиона канлодок. Павлов бросил гранату в воду. Всплыла масса мелочи. Корабль весь дрогнул. Вода взбурлила с мутью, как от удара ботом. Потом широко вокруг река покрылась пузырями, как газированная вода.

Вечером «Киров» вышел в Райгород на погрузку угля. Мы с Петровым и лейтенантом Ушаковым остались, ели рыбу, которую я наловил. Ужина не было. Утром корабль вернулся.

9 сентября. В 7.25 мы на катере (полуглиссере) пошли вверх по Волге и высадились в Райгороде. Это село с сельсоветом Красноармейского района. Воду носят в ведерках с Волги — далеко и высоко. Берег крутой, даль красива. В селе больше мазанки, есть тесом обшитые дома.

Пришли на наблюдательный пункт — НП. Всего 22 человека. (Стереотруба на вышке дома: в печную трубу вставлен деревянный столб до пода печи и на нем труба укреплена). Это НП 2-й бригады. Есть 3 запасных НП. Голая степь. Всюду рюкзак укрепления. (...)

На Волгу пришла Онежская флотилия — это наша 3-я бригада.

Пленные немцы говорят, что их летчики ищут ВВФ, но пока не могут найти. Вчера здесь немецкий «мессершмитт» обстрелял и сжег нашу военную автомашину. Убил троих. (...)

Питание на НП хорошее. Достают баранов, овощи. Подбрасывают даже на корабли.

Это 15-я гвардейская дивизия. (...)

В 3 часа дня выступление перед личным составом НП. Петров говорил о международном положении нашем. Я добавил. Читал стихи. Отправил Бельскому через капитан-лейтенанта Орлова свое донесение. Орлов сообщил о безобразиях и безначалии во взводах и на базе во Владимировке, и мы, наконец, окончательно решили податься вниз по Волге.

Прошли к Волге, на обрыве съели часть рыбы моей ловли. Чудесная даль, много старых русел реки, островов — все в зелени. Внизу перед нами овощные плантации. Вечером на броневике выехали в село Ушаковка на НП канлодки «Киров».

Там встретили комиссара с «Кирова» — Тверского. Группа бойцов в 8 человек. Дружная, боевая. Во время политинформации выступивший краснофлотец Сергеев от имени всех дает клятву (в ответ на листовку Гл. ПУ РК ВМФ): «Нас здесь небольшая горстка людей, но не отступим в случае встречи с врагом, а будем драться до последнего патрона и другими средствами.

Наши бойцы в любой час дня и ночи немедленно и с охотой выполняют любое приказание командира. В разведку ночную просятся все, даже без очереди». Командир НП — лейтенант Волков.

Вечером на НП поют песни под баян. На баян собирается деревня, особенно молодежь. Были пляски: кадрили. Танго и фокстрот не танцуют. Народ здесь совсем другой, чем в Райгороде. Соседи ухаживают за краснофлотцами, дают без отказа хозяйственные предметы: пилу, топор и пр.

Я прочитал «Шинель» и «Перебежницу». Спал с бойцами на полу...

10 сентября. Утром провел беседу и выступление на НП «Кирова» в Ушаковке. (...) После обеда пешком вышли в Солодники — там наш взвод. (...) Армейские машины не посадили. Пришли в Солодники — большое село Черноярского района. Церковь каменная с большим соборным куполом. Без крестов.

Встретились с разведчиками взвода. (...) Они задержали некоего директора совхоза, который без документов гонит 4670 голов овец будто бы для какой-то армии, а явно к немцам. На тачанке у него было несколько туш овец для взятки. (...) Одну лошадь разведчики по пути сменили — много бродит бесхозных.

Во взводе (...) плохо с обмундированием. Никто не снабжает продовольствием. Собирают деньги с личного состава, чтобы выкупить хлеб. (...)

Составили и отправили телефонограмму для Вельского о помощи взводу в обмундировании, продовольствии.

С 23 августа я не читаю газет. Нет их.

Командир взвода лейтенант Левичев рассказывает, как они были напряжены, когда немцы заняли Цацу, Дубовый овраг. Думали, что они пойдут сюда. Задерживали подозрительных. Один «сг. лейтенант» следовал с июля от Воронежа в Сталинград лечить «чахотку». В детском чепчике — ТТ. Во дворе хотел выбросить бумажки: на листках из толстовского «Хлеба» нарисована карта пути немцев в Сталинград и приложен пропуск к немцам. Сказали: расстреляем или как шпиона, или все равно как дезертира. Затрясся. Сдали в Особый отдел.

12 сентября. Сдали Новороссийск. Здесь с утра слышна канонада, даже стекла подрагивают. Где-то

близко в стороне Красноармейска. В 10 часов партсобрание¹. (...)

13 сентября. (...) В 12.50 выехали на попутной армейской машине в Черный Яр. Степь. Пыль. Поднял листовку — наша: стихи Эриха Вайнерта на немецком языке. Вязовка. Старица. Совхоз.

Воскресенье — гуляющая молодежь под окнами. Семья ленинградцев. Муж — комендантом совхоза. Как они приняли нас, ленинградцев! Как была рада женщина. Она надавала помидор, луку, пирога с луком и картофелем. (...)

К вечеру прибыли в Черный Яр. Церковь и кладбище обнесены каменной оградой. Здесь штаб армейской роты и наш взвод. (...) Были в редакции газеты 51-й армии «Сын отечества». Редактор Перловский, бывший главный редактор Учпедгиза. Писатель Гоффеншефер, интендант 2-го ранга. В этой газете работал Илья Сельвинский.

Читал стихи. Дал три стихотворения: «Предатель», «Снайпер» и «Родина требует». Рассказывают: о Керчи, о «катюше», о калмыках. (...)

14 сентября. Вчера не смог написать ни строчки. Сегодня ст. политрук 136-й роты Молчанов обменялся со мною полевыми сумками: сейчас в новую сумку у меня вошли все рукописи.

Провели два выступления: для взвода и для Черноярского истребительного батальона. Ночью сброшены 2 бомбы.

15 сентября. Обход боевых позиций взвода. Личного состава 55 человек. (...) В блиндажах картины (школьные: звери, корабли, птицы). Стенные часы. Котелки и чашки в специальных углублениях в земляной стене. На нарах — циновки — маты из осотовых стеблей. Много лягушек, они ползают по снарядам, по минометам — тоже похожим на лягушек. С лейтенантом Чихачевым ездили верхом, стреляли из пистолета.

К полудню приехал зам. начальника ПО 2-й бригады батальонный комиссар Булыгин. В начале 14-го часа на его полуглиссере вышли вниз по Волге в Никольское². Шли часа два с лишним. Волна большая и ветер. Катер

¹ В дневнике подробное описание партсобрания — о вооружении, о боезапасах, о дисциплине и т. д.

² Никольское — село на расстоянии примерно 150 км от Сталинграда вниз по Волге.

заливала вода. В Никольском сошли — сразу песок в глаза. Очень большое село. Кварталы, деревянные домики. Следы бомбежек. Бомбежка была вечером 21 августа и ночью при луне, а 22-го утром — всего 5 налетов. Зениток не было. Летали безнаказанно, обстреливали из пулемета, бомбили скот в степи. Народ бежал за Волгу. Поврежден угол церкви. На 1200 домов 200 разрушенных. Здесь была большая переправа, шла масса скота. Взвод потерь не имел. (...)

Вечером пошли по линии обороны: все очень удалено от деревни, и отделения — друг от друга. Ширина 1200 метров. Глупо донельзя, особенно если принять во внимание, что нет противотанковых средств, кроме бутылок, а бутылки кидать — нет специально отобранных людей. Сказал об этом... Мимо окопов идут повозки с верблюдами, посторонние люди — все всё видят. Горячая пища во взводе 2 раза в день — утром в 8—9 часов и в 4 часа вечера — так пожелали сами бойцы, ибо далеко ходить. (...)

Мы с Петровым ночевали в избе на краю степи. Стекла выбиты, сквозь ставни дует. Промерзли. Страшно. Приготовили гранаты. В степи холодно, дует, дует ветер. Пыль — ни конца ни края.

16 сентября. Провели совещание личного состава. Выступал батальонный комиссар Булыгин. (...)

В 15.30 вышли на полуглиссере из Никольского. (Там на улице есть колодцы от бомб, ушедших в землю и не разорвавшихся.) Большая волна. Катер заливает. Ветер, холодно. Шли сначала за моторным баркасом. Нарвались на мель с полного хода. Один из мотористов порезался сильно. Булыгин меньше. Нас только бросило вперед. Стало поздно. Заночевали у бакенщика Павла Васильевича, не дойдя до Соленого займища (церковь видна издали). В домике живет 2 семьи — 14 человек. Вечером сказки Павла Васильевича и мои. Я был очень оживлен.

17 сентября. Утром дальше. По дороге вчера и сегодня много стреляли из пистолета, винтовки, ППШ. На РТЩ-129 пили чай с сахаром и маслом. С трудом дошли до Черного Яра. В 10.45 мотор стал отказывать из-за плохого горючего, взятого на РТЩ-129. (...)

Вечером прибыли на «Туру» — мотор замирал. Душ. Приняли хорошо. Командир корабля ст. лейтенант Арефьев — старый волжанин. (...) Военком «Туры» по-

литрук Репин Иван Алексеевич принес «Красную Горку» — надписал ему. (...)

Рукава Волги, всевозможные протоки больших и малых размеров зовут воложками (волошками), от уменьшительного названия Волги. Репин — северянин, сосед Константина Коничева, рос по соседству с ним у озера Кубенское.

18 сентября. Гранатой глушили рыбу в озере (старое русло) — четыре щуки и прочее. Другую гранату бросил, видимо забыв отодвинуть предохранитель, и она не взорвалась. После обеда моя встреча с личным составом «Туры». Это мое 13-е выступление. Потом на катере типа «А» (большой) прошли во 2-й дивизион тральщиков и полуглисеров — снова выступал. (...)

Репин рассказывал: 25/VIII 8 бойцов с «Туры» ходили в горящий Сталинград за продуктами. В перерыве между бомбежками семья вылезла из щели и стали пить чай из самовара. Самовар разожгли углями горящего собственного дома.

19 сентября. Написал донесение Бельскому, что остаюсь на «Туре» дня на 3—4, чтобы закончить поэму. (...)

20 сентября. Пишу. Переписываю.

Бросили гранату в озеро (я бросил), но только мелочь. Тогда с шлюпки стали стрелять щук из пистолетов. Настреляли целое ведро. Я отличился — даже окуня убил и на глубине больше полметра. Надо бить в голову, тогда рыба не уйдет. Убитая рыба не всплывает. (...)

Вечером — митинг в связи с поступившим обращением наркома Кузнецова к морякам ВВФ. Я выступил... О боевых действиях 1-й бригады ВВФ рассказывает зам. начальника ст. политрук Лемешко: «Канлодки «Усыскин» и «Чапаев» и отряд бронекатеров действуют севернее Сталинграда в районе Ахтубы. Немец, заняв деревню Латашанка, проник к Волге в районе Рынка. Рынок и Латашанку отбили. Осталось у немца два неотбитых населенных пункта на берегу Волги. Немец занимает берег на 3—4 км. Канлодка «Усыскин» выпустила до 400 снарядов. Бронекатера (один с «катюшей») подходили к берегу противника и громили. Армейцы кричат: «Ура морякам!»

Южнее Сталинграда противник занял пригород Минина, Ельшанку, заходил в Купоросное. Тут пять наших бронекатеров и канлодки «Громов» и «Руднев»... Отличился отряд бронекатеров Мороза — били прямой навод-

кой, не потеряв ни снаряда. На НП Григолов работал точно. Канлодки «Громов» и «Руднев» сначала вели огонь за 20—22 км по балкам с врагом. Потом обстреливали на близком расстоянии. Полк румынской пехоты с танками готовился к наступлению. Канлодки «Руднев» и «Громов» предупредили еще с вечера. Снарядов выпустили до 50. Наступление сбили. Две роты уничтожили, остальные разбежались. Наши армейские части пошли вперед и насчитали 350 трупов там, где били моряки.

Обе канлодки бьют одновременно, управляет огнем один. В районе Купоросное — Ельшанка канлодки били по засевшим на чердаках автоматчикам, поэтому гранаты их рвались высоко.

День контр наступления нашего на южном участке Сталинградского фронта — 16 сентября 1942 г. Все канлодки, плавбатарей, сухопутные огневые средства и наша 2-я бригада вели огневую подготовку. Били по одной точке. Наши сухопутные войска перешли в наступление и выбили немцев из районов Волги южнее Сталинграда. Противник обстреливал бронекатера минометами. Были вмятины. По канлодкам не доставал и стал бить из орудий. Раз «Громова» взял в вилку, но прямых попаданий не было. Потерь — в 1-й бригаде — ни одного человека. Погиб один случайно, не в бою: самолет гонялся за его шлюпкой. И убил его. Раненые есть. (...) Отличившихся представили к награде. (...)

Один сбитый фашистский самолет упал в Волгу. Трое спустились на парашютах. Заставили бакенщика перевозить их на западный берег. Мы дожали на катере. Все трое были вооружены, но не сопротивлялись, дрожали. Асы, с железными крестами. Один разведчик. У одного перебит хребет. На допросе стали лгать, не сообщают волну радио. (...)

21 сентября. Сколько уже дней бои идут на улицах Сталинграда?! Сообщают: отбили у немцев несколько улиц. (...) Уилки из Куйбышева перелетел в Москву — личный представитель Рузвельта.

Сегодня очень много написал — 60 строк с лишним. Вечером читал поэму Булыгину. После обеда — с Монаховым на озеро, стрелял рыбу. Настрелял довольно много шук. Одну очень большую упустил.

23 сентября. (...) Сегодня должен дописать поэму и читать ее перед командирами корабля «Тура». Сажу в шубе военкома Репина — холодно.

Вчера в час дня подорвался на mine еще один тральщик. Мины электромагнитные импульсные. (...) Тральщик шел открывать новое русло¹. На нем 7 человек команда и на шлюпке на буксире шли 2 бакенщика. Трал-баржа была подкинута метров на 10 и осталась цела. «Тура» по этому месту недавно проходила и — повезло!

После ужина в кают-компании читал поэму «Город гнева». Присутствовали: командир корабля ст. лейтенант Арефьев, военком политрук Репин, ст. лейтенант Протопопов из штаба 2-й бригады, лейтенант Сорокин, политрук Долгополов — редактор и другие. Поэма произвела впечатление. Выступал Протопопов: — Не ожидал, — говорит. Сидели до 10.30 при керосиновой лампе, разговаривали о всяких мелких литературных делах. Это было мое первое публичное чтение поэмы. (...)

Итак, поэму окончил. Начал писать ее 27 августа. Закончил 23 сентября. Завтра еще буду сидеть править, м. б., добавлю что-нибудь. Начал писать в автомашине главнокомандующего на левом берегу Волги. Закончил на «Туре». Писал даже в броневику по пути из Райгорода в Ушаковку (НП), писал на «Федосеенко», «Кирове», на плавбазе ОБТ, в Солодниках, в Черном Яру, в Никольском.

24 сентября. Сегодня впервые в сводке Совинформбюро за 23/IX говорится о нас: «Корабли Волжской военной флотилии за последние дни нанесли немецко-фашистским войскам ряд чувствительных ударов. Артиллерийским огнем наших кораблей истреблено по меньшей мере 2 батальона немецких и румынских солдат, подавлен огонь 8 артиллерийских и 3 минометных батарей противника. Бои все в районе Сталинграда и в районе Моздока».

В 11 часов дня сдал в перепечатку «Город гнева» машинистке редакции Марусе Борщовой. После обеда, примерно в 12.30, крупный налет на район, где стоит «Тура». Больше двадцати пикировщиков. Били оба пулемета ДШК и пушка (пушка бьет на 6,5—7 км по вертикали, снаряд без дистанционной трубки). Я был на мостике, потом у ДШК, потом бросился за поэмой, которую машинистка оставила на палубе, убежав на берег.

Против нас горит баржа с бензином. Она не была

¹ Очевидно, имеется в виду новый фарватер.

замаскирована. Бензин вытекает и горит на воде. Огромное кипящее пламя внутри черного рельефного — клубами — дыма. «Туру» — нас спасла маскировка. Один самолет, объятый пламенем, упал в воду. Я не видел. Видел военком Репин и один боец с мостика.

25 сентября. 17-е выступление — читал вечером поэму для личного состава «Туры». Слушали с исключительным напряжением. Говорят — очень правдиво, словно мы все заново увидели. Я доволен.

Один из отсеков баржи напротив взорвался. Но баржа почти уже не горит. Кажется, носовые отсеки уцелели.

Дописал стихотворение «Телеграмма» — крокодилское, для отдыха.

После обеда с военкомом ходили в Петропавловку. Отошли на катере с имуществом типографии и редакции (они пойдут вверх). Дошли до Владимировки. Ахтуба — пересохшая речка. Через нее понтонный мост на одной барже. Владимировка на левом высоком берегу Ахтубы. Леса лиственные, окопы, степь. Стоит на платформах около 12 новых катеров для понтонов. Не замаскированы. Если не разбомбят — чудо.

Вернулись. Баржа с бензином все горит. Можно бы половину спасти — выкачать. Нет хозяев. А на фронте, наверно, туго с бензином. Огромное количество машинцистерн сейчас берет горячее для Сталинграда из бензоцистерн на берегу.

26 сентября. Вносил правку в перепечатанную поэму. Мылся под душем. Баржа напротив все еще горит, и все еще носовая часть ее цела, не горела. (...) В 22.15 снова взрывы на барже с бензином — глухие, мощные, тяжкие — и опять начала сильно, как вначале, гореть корма. Носовые отсеки все еще целы. Только бы откачивать.

Недавно в газете «Красный флот» видел сообщение о содержании № 16 журнала «Краснофлотец». Идет мое стихотворение «Предатель» и рецензия на мою книгу «Красная Горка».

27 сентября. Перешел с «Туры» на плавбазу 2-й бригады. Решил пойти в Среднюю Ахтубу на авто. Читал поэму на плавбазе. (...)

Автомашина в Среднюю Ахтубу сегодня с базы не вышла, поэтому ночевать я ушел снова на «Туру».

28 сентября. Баржа напротив «Туры» все еще горит. Сейчас слабо, но, вероятно, еще будут взрывы, потому

что носовые отсеки еще целы. От нее отступились все, а можно было выкачать половину бензина.

Бои в Сталинграде, Моздоке, Синявино (немцы вклинились в нашу оборону). Севернее Воронежа очищена от немцев одна роща. Все время сообщают о колоссальных потерях немцев — тысячи, тысячи трупов. (...)

29 сентября. (...) Бой бронекатеров севернее Сталинграда. У немцев противотанковые орудия, автоматы. Один бронекатер пробило насквозь, убило радиста, вытек бензин, относит к противнику, к немцу. Лейтенант Прокус взял на буксир поврежденный катер. Повел — четыре обрыва. Вывел! Кормовой флаг упал в воду — старшина Богданов сплавал. (Рассказал дивизионный комиссар Бельский).

30 сентября. Выехал в Среднюю Ахтубу. (...) Отдал поэму нач. отдела агитации и пропаганды бригадному комиссару Чекалину. (ПУ Северо-Восточного фронта.) Он говорит: мрачна 1-я часть. Немцы бесчинствуют безнаказанно. Дать во вступлении картину города, заводов и начала боев на подступах к нему. Как готовились к обороне народ, партия.

Вечером читал поэму коллективу редакции газеты Юго-Западного фронта «Сталинское знамя» в здании РК ВКП(б) Средней Ахтубы. Выступали после чтения: *Марк Колосов*: Яшин вырос за время войны, как хороший большой поэт. Поэма прочувствована. Сделана прекрасно — весомо, грубо, зримо. Печатать сейчас же, сдавать на вооружение Красной Армии. Недостатки: в своем огороде, в своем доме — снижение, визгливая фальшь. Ужасы не лаконичны. Рыбаки тянут сеть с трудом, а оказалось — камень тянули. Силен профессор с бородой. Другой — лишний. Усилить образы обкомовцев, моряков. Дать бы их, как девушку. *Кац*: поэма написана с размахом, с гневом. Если б я был в Ташкенте, я все же ощутил бы, что происходит в Сталинграде, по поэме. Автор не мог все сразу охватить. Девушка сбрасывает с себя больше, чем одежды. Она очень жизненна. Недостаток: девушка не главный герой, а входит в поэму как главный герой. Человеческое несчастье изображено в полную меру. Героическая сторона — меньше. Хорошо с противогазами — здорово, как вселение в квартиру у Маяковского. Купающиеся немцы — хлестко, по-фельетонному, но не выше. Навязчив пафос мести. Голый пафос. *Редактор газеты Половинкин*: поэма дошла, дошла

до души, особенно все пережитое городом. (Читает.) «Еще чадил разбитый город» — это будет разучиваться. Голова поэмы тяжела, фюзеляж и хвост — легки. Девушка зря идет на КП. Лучше пристать к части. Страхи уменьшить. Раненых из «Интуриста» убрать. Профессора — убрать. Сцена с купаньем — газетный план. Едва начинали жить — правильно!

Ужинать дали с трудом — в армейской столовой.

1 октября. Ночевал с Марком Колосовым на одной койке. Постлали мой бушлат, накрылись его регланом и моим плащом.

Ходил на базу ВВФ. Писалось плохо. Дал всего 10 строк — добавление к 1-й главе. Вечером читал поэму корреспондентам «Правды» Куприну и Акульшину. Понравилось. Через три дня отдам им для «Правды».

Сводка давно уже сообщает о боях только в Сталинграде и Моздоке. Сам Сталинград занят немцами почти весь. Заводской район наш. Идут бои за высоту «Н», господствующую над всем городом и Волгой. Сильна, честна, тревожна и потому зовуща передовая «Красной звезды» от 26 сентября — «Значение боев на юге».

Ночевал в комнате редакции «Сталинское знамя» — в здании РК ВКП(б) Средней Ахтубы.

3 октября. Был в Политуправлении фронта. (...) Здесь окончательно узнал, что редакция «Сталинградской правды» находится в Николаевской напротив Камышина. Там ли Аня?.. Был Аркадий Шумский — он начал работать в армейской газете «Сталинский воин».

4 октября. Закончил правку поэмы. В первую часть включил три новых строфы. Написал новую 6-ю главу. (...)

Редактор газеты «Сталинское знамя» Половинкин говорит: будем держаться в районе Сталинграда. Подходят подкрепления. Важно дожидаться дождей, поздней осени, когда степь будет грязной и труднопроходимой для танков, а небо для авиации.

7 октября. В один час ночи выехал в «Сталинградскую правду» — в Николаевскую. Ночевка в селе Водяное.

8 октября. Николаевская¹. В 12 часов дня в «Сталинградской правде» буду читать поэму. Аня у своих в Мо-

¹ Николаевская — выше Сталинграда по Волге километров на 150.

лотовской области. «Сталинградская правда» начала снова выходить в Паласовке 30/VIII и с тех пор выходит без перерыва. Получил гонорар (600 р.) по трем номерам, вышедшим еще в Сталинграде.

9 октября. В 9 утра выехал из Николаевской в Среднюю Ахтубу через военного коменданта. Поэму будут печатать с 11/X¹.

Перевел в Молотовскую область 1500 р., Елене Сергеевне — 1000 р., маме — 1000 р.

Огниво — кремень, биток, шнур с патроном — зовут «катюшей».

В степи сбитые самолеты, у дороги трупы лошадей. Отары овец, верблюды. Пашут: плуг с двумя лемехами, в упряжке 4 вола — цобе, цобе, цоб-цоб...

10 октября. Ходил на базу ВВФ. Бельского отозвали в Москву. Вероятно, из-за статьи в «Красном флоте»: «Бюрократический стиль работы одного политотдела». Новый начальник ПО — бригадный комиссар Калужский, бывший начальник ПО Беломорской флотилии. С Бельским послал новый вариант поэмы «Город гнева». С 6 октября не писал. Долг уже 50 строк.

По радио: принят Указ Президиума Верховного Совета от 9/X — о ликвидации института комиссаров, об упразднении политических званий — о введении полного единоначалия в Красной Армии. Все политработники будут переаттестовываться на строевых командиров согласно уровню их военных знаний. Будут помощники командиров по политической части и тоже со строевым званием. Недолго же я проходил в звании старшего политрука.

12 октября. Утром ходил искать армейскую баню. Видел зайца — лохматого русака. Выстрелить не успел. Купались и мылись в холодном озере. Осенний лиственный лес, дубняк. Багряный, оранжевый, желтый, красный...

Передал для «Красного флота» частушки «Волга, матушка река» и песню «Круши его, матушка-Волга». Армейский комиссар Рогов разрешил издавать флотскую газету «За родную Волгу».

13 октября. Еще ночью пошел дождь. Настоящий, осенний. Осень началась. И это, по существу, конец не-

¹ Поэма «Город гнева» А. Яшина впервые была полностью напечатана в газете «Сталинградская правда».

мецкой кампании на этот год. Сейчас еще продержаться недолго — и немцам на зиму придется откатиться от Волги, от безлесных степей с выгоревшими селениями.

В атаку немцы бросают около 50 автоматчиков, но к ним дают 50—60 самолетов и несколько танков (4—5). У немцев отработанное взаимодействие между авиацией и наземными войсками. Цель с земли указывают белыми ракетами.

Нашим дали ракетницу с несколькими ракетами, чтобы освещать поле в случае наступления немецких автоматчиков, но ракеты были разноцветные и наши побоялись пускать их в дело: кто знает, что они значат. (...) Тогда передняя линия вместо ракет стала разводить костры.

В 11.30 совещание. Информация бригадного комиссара Калужского¹ о ликвидации Института военных комиссаров. (...)

Трехчасовой пеший переход из ПО у Карасева озера на «Марат» — вспомогательный корабль ОБТ. Вечером прочитал в кают-компании для командного состава и бойцов корабля «Город гнева». Отзываются хорошо. Попросили почитать стихи. Читал.

14 октября. Дописал стихотворение «Волга — Балтике» для полосы в «Красном флоте» о ВВФ. Заболел. Грипп. Ангина. Вечером температура 39,0.

Интенсивная авиабомбежка. Все трясется. Это был самый тяжелый день для 62-й армии: 2500 самолето-вылетов врага!

15 октября. Первый номер флотской газеты «За родную Волгу» готов. Сегодня и завтра будут его печатать. Завтра типография из 2-й бригады переходит на «Марат».

Болен сильно. Работать не могу.

16 октября. Стало лучше. Читал № 17 «Краснофлота» — в нем мой отрывок «За Толбухиным маяком». (...)

Сообщил новый адрес: 1169 полевая почта, часть 18031 — маме, Елене Сергеевне, Ане, «Советскому писателю», Галине Луначарской, Щириной (Литинститут).

17 октября. С утра было хорошо — редактор газеты Нольде угостил водкой. В полдень совсем слег. Причина: вечером пошел дождь. Снова появилась температура. А я уже искал okazji, чтобы перебраться на корабли

¹ Калужский А. Г. — начальник Политотдела Волжской флотилии, впоследствии контр-адмирал, начальник Политуправления Тихоокеанского флота (в 50-е годы).

1-й бригады. Дали отдельную каюту на «Марате» — буду базироваться здесь.

Вечером увидел, что «Сталинское знамя» 16/X начало печатать мою поэму (главы из поэмы). (...) Я сразу ожил. Легче стало дышать. (...)

18 октября. Вышел пешком в первую БРК¹. Переправа — мост через Воложку. Остановился на тральщике «Торбенко». Прочитал у них поэму. На штабном бронекатере 1-й БРК ст. батальонный комиссар Бережной — зам. по политчасти. (...) Перешел к вечеру на «Руднев». Вечер встречи. Читал поэму и стихи. (...)

19 октября. Ночевал с капитан-лейтенантом Федосевым на «Рудневе». Нач. ПО Артемьев решил исправить дело с организацией моих выступлений. На полуглиссере иду на плавбатарей № 97 и 98. Уже с сопровождением — младшим политруком.

Плавбатарея № 97 — огромная баржа. (...) Выступал на обеих плавбазах 97 и 98. Вечером провел беседу и читал поэму и стихи на канлодке «Громов». Итак — 3 выступления в день, а был болен и выдержал. На «Громе» после моего чтения выступал начальник ПО 1-й БРК батальонный комиссар Артемьев: «Пиши, поэт!..» (...)

Продумываю вторую поэму о моряке, который «в море ни разу не был». Он сейчас командир канлодки.

20 октября. С Цыбульским прошел на штабной катер 1-й бригады. Старший батальонный комиссар Бережной сообщил, что корабли Южной группы скоро пойдут на Урал, в г. Гурьев. Дал мне Лермонтова. Ночью — пешком на «Марат».

23 октября. Больной приехал в В. Ахтубу и прошел на «Усыскин». Командир «Усыскина» Кузнецов, замполит Грищенко. Здесь Лемешко, комиссар Северной группы. На Ахтубе стоят у правого берега канлодки, бронекатера, тральщик. «Чапаев» ниже, за мостом. С Грищенко пили водку, он лечил меня. Приняли очень хорошо. Лежу.

25 октября. С Лемешко прошли к Сталинграду. Жестокый бой у нас на глазах. Видны разрывы шрапнели с «Усыскина» над тремя немецкими танками. Сбитый советский самолет. Немецкие пикировщики бомбят с воем в районе Баррикад.

27 октября. Провел два выступления — на бронекатерах и на «Усыскине». Противник обстреливает район

¹ Б Р К — бригада речных кораблей.

стоянки кораблей. Снаряды ложатся на противоположный берег Ахтубы.

28 октября. Слишком рано начали стрелять и вот: налетели немецкие «юнкерсы» и «хейнкели». Искали нас («Усыскина») с утра и бомбили, но все не в цель. Не видят нас.

Прочитал, используя болезнь, Игнатьева «Пятьдесят лет в строю». Написал сегодня «Песню канонерок». Снова буду писать ежедневно. Музыку к «Песне канонерок» обещает сочинить Игнатенко. (...)

Ночью проснулся. Сон оборван. Видел встречу с семьей. Елена встречала сестру и брата и прошла мимо меня не остановившись. Девочка, видимо Таня, но не похожа, да и больше Яши, — узнала меня: «А вот наш папа». Угощал детей конфетами, но самые хорошие не успел показать — проснулся.

Два катера вечером на 29/X прорвались с севера сюда. Противник сидит в СТЗ и выше почти до Пичуги. Один катер пришел позднее. Волновались. Первый катер привел капитан-лейтенант Морев. Командир бронекатера № 12 Гаркушин ранен осколком мины в левое плечо на вылет — пониже. «Руки, ноги зябнут».

На «Усыскине» носовая пушка уже вышла из строя. Получилось раздutie в стволе: вместе 800 снарядов по норме она выпустила 925 снарядов. Нарезки у кормового орудия тоже уже крошатся — она выпустила уже 1275 снарядов. (...)

С северной стороны, когда подошла туда канлодка «Усыскин», Сталинград совсем не был защищен. Удар приняли канлодки «Усыскин» и «Чапаев» и Отдельный отряд морской пехоты Горшкова. Два раза немцы брали Рынок и два раза «Усыскин» и моряки отбивали его («Чапаев» был поврежден). Первый удар на Сталинград был сорван отрядом морской пехоты Горшкова и «Усыскиным». Потом подошла 124-я стрелковая бригада.

Сейчас Северная группа кораблей поддерживает полковника Горохова¹, командующего Северной группой войск.

¹ Горохов С. Ф. — командовал оперативной группой (в составе 124-й и 149-й стрелковых бригад, батальона морской пехоты и др.), входившей в 62-ю армию. Затем в годы войны — генерал-майор, командир корпуса и зам. командующего армией (воевал также на Украине, в Карелии, Польше и Германии). После войны работал в Военной академии имени Фрунзе. Умер в 1974 г.

Вчера пришел сюда старший политрук Ананьин из «Красного флота». (...)

29 октября. Днем на полуглиссере с Лемешко и Ананьиним прошли на КП Северной группы кораблей к капитану III ранга Лысенко.

Берег Волги от Сталинграда до Латашанки, до Винновки и дальше — крутой. Он у немцев. От них наш полуглиссер хорошо виден. КП — в лесу у устья Ахтубы в бывшем пионерлагере. Смотрел журнал боевых действий: 24 сентября генерал-полковник Еременко после стрельбы с «Усыскина»: «Волга» (позывной «Усыскина»), молодец!»

Ходили на НП. Смотрели на берег Волги — районы Спартаковки, Рынка, Латашанки, Винновки. Много подбитых танков. Немецкое кладбище. Идет их мотоцикл, автомашины.

Под грохот батарей читал поэму и стихи — военные и довоенные.

На полуглиссере — на «Усыскин». Капитан I-го ранга Федоров, нач. штаба ВВФ, доложил о предполагающейся на сегодня или завтра операции, по высадке десанта в районе Латашанки. *Я испросил разрешение пойти в операцию.*

План операции: два бронекатера идут в Шадринский затон и там берут по 50 человек. В 0.30 при луне эти два бронекатера № 11 и 13 высаживают десант на северной оконечности Латашанки, ставшей бельмом на глазу у полковника Горохова. На высадку максимум 5 минут. Бронекатера ведет ком. отряда ст. лейтенант Мороз (он плохо знает дорогу — вызывается идти мл. политрук Журавков). Огнем будет поддерживать вся дивизия. Высадить десант и катерам стоять до подхода 2-го эшелона. Поддерживать десант огнем. В случае накрытия вынести на берег МДШ (малые дымовые шашки) и тюкнуть их. С приходом 2-го эшелона катерам идти в Ахтубу. Огневой подготовки не будет. Расчет на внезапность.

Бронекатера 23 и 74 под общим командованием ст. лейтенанта Пospelова высаживают десант на южную оконечность Латашанки. Принять роту, тренировавшуюся специально для десанта около двух месяцев. В 0.00 быть у Рынка. В 0.30 высадить десант у пристани Латашанка, пройдя 500 м леса. Десант высадить и стоять, чтоб у пехоты не было плохого настроения: дескать, высадили морячки и бросили. С Пospelовым идет Лемешко.

Полковник Горохов входит в 62-ю армию, она вся целиком зависит от нас — в снабжении людьми и боезапасом. Главную задачу по обороне Сталинграда из флотилии, пожалуй, выполняют не канлодки, а эти маленькие бронекатера. Ими перевезено на правый берег около 30 тысяч войск.

Я, прослушав весь план операции, вызвался идти. (Капитан 1-го ранга Федоров разрешил.) Спешно в темноте разыскал бронекатера Пospelова. Ужин — каша, капуста.

Пришли и встали повыше «Усыскина» в ожидании десантного отряда. Пришло 90 человек во главе с Арсеньевым. Отошли, когда уже взошла луна. Над фронтом ракеты и красивейшие трассирующие змейки зенитной стрельбы. С неба бьют трассирующими очередями наши У-2 («русс-фанер»). Луна справа.

Иду на катере 23 в отряде ст. лейтенанта Пospelова. Командир катера Л. Т. Бутко. (...) Стал зябнуть. Бутко дал тулуп. На КП сидели долго. Обстрел, бомбежка, огонь. Очень долго не было ответа Федорову о выходе на операцию. Нач. штаба ВВФ Федоров приехал сюда на авто. С ним Ананьин. Дремали. Опять мечты. Но снова неудача: операцию отложили.

Пошел с этими же бронекатерами на обычную операцию по перевозке грузов, войск и раненых. На левом берегу плачущие женщины, дети, уже перевезенные через Волгу. Мерзнут дети. Раненые отъезжают на машинах. (...) Сошли на берег у Рынка. Работают «катюши». При взрывах — огни, но на мгновение, веером. Трассирующие с неба и с земли.

С работником особого отдела Ивановым ходил по землянкам. Башмаки, обмотки, серые шинелишки. Ананьин горячится: тыловики. Вернулись утром, успев сделать один рейс.

30 октября. Узнали, что катер 74 Таранова сгорел от трех прямых попаданий напротив «Кр. Октября». Мы с Ананьиным сошли с этого катера в последнее мгновение на 23. Есть убитые и раненые. Интересно, что было бы с нами?

(...) Дивизионный комиссар Бондаренко¹ вернулся из

¹ Бондаренко П. Г. — начальник ПО Волжской флотилии; с декабря 1942 года — контр-адмирал; после войны был членом Военного совета Каспийской флотилии, затем Черноморского флота.

Москвы. Известно, что Южная группа до Гурьева не пойдет, чтобы не рисковать кораблями. Будут стоять где-то недалеко от Астрахани. Редакция «За родную Волгу» остается в 1-й бригаде.

С 25 октября началось ожесточеннейшее наступление наших войск со стороны Бекетовки¹. Наша артиллерия, канлодки, «катюши» били так, что бойцы бежали вперед, даже не стреляя. Немцы уходили от «катюш». Настрое-ние у войск такое, чтобы 7/XI праздновать в Сталин-граде.

Вечером читал поэму и стихи перед кино для бронекатеров (на «Усыскине»).

Снова иду в операцию с бронекатерами. Сегодня, думаю, состоится высадка десанта. Работа поэта должна сливаться с работой солдата. Русские поэты всегда были храбрыми на войне. Возможно, что эти выходы дадут начальству повод отметить и агитаторскую поэтическую мою работу. По крайней мере, мне так хочется. (...)

31 октября. Ночью состоялась высадка десанта в Латашанку. Капитан 3-го ранга Лысенко очень нервничал из-за того, что от разных начальников поступали разные требования на бронекатера, а их у него в обрез.

На южную окраину Латашанки пошел 23-й бронекатер. Меня не взяли. Перегрузка. Пошел один Лемешко с ком. отряда Перышкиным. Смотрели от НП с берега. 1.30 ночи. Немцы стали кидать ракеты, потом бить трасирующими. Много огня. Катер вернулся с десантом обратно. В первый заход — 5 раненых, второй — около 30. Ранен в переносье Перышкин, рулевой Зайцев (над бровью). Бронекатер не стрелял из-за скопления людей на палубе.

Федоров приказал идти снова, сняв раненых. Пошли снова уже 2 бронекатера — 23 и 387. Били с ходу. До этого была артобработка и налеты. Била армейская «катюша». С рассветом наши 2 «катюши» с катеров дали 2 залпа. Один — влево от Латашанки, другой хорошо — по склону берега, по пулеметным точкам немцев.

Весь день 31/X после высадки десанта армейцы по существу бездействовали и дали возможность немцам опомниться и подтянуть силы. Подполковник из 300-й

¹ С 25 октября основные наступления наших войск развивались в районе Купоросное и Зеленая Поляна.

стрелковой дивизии приказал катерам идти взять десант обратно. (...) Катера наши встретили шквальным огнем. Катер 23 с трудом дошел на одном моторе до Шадринского затона. Мотористы работали по пояс в воде. Бутыко ранен, Журавков тоже, рулевому оторвало ногу. Есть убитые.

Подполковник приказал двум бронекатерам Мороза идти снова, хотя на одном уже было в обрез бензина, а у другого испорчен руль и прочее. (...)

Командир «Усыскина» капитан-лейтенант Кузнецов и политрук Гриценко награждены орденами Красной Звезды. Также Лысенко, Цыбульский, Мороз, Ненашев, Геранин, Телепаев. Поздравляем. Выпили.

В ночь на 1/XI на полуглиссере с офицером связи лейтенантом Любимовым — я, Ананьин и два бойца ходили в Шадринский затон. Были на четырех бронекатерах, участвовавших в операции. На обратном пути нас обстреляли из миномета. Вспыхнуло на барже.

Бронекатера Южной группы 23 и 387 с Перышкиным и Лемешко так и не высадили тогда десант. Его перевез, кажется, катер № 13. (...)

Первого утром на КП убедился, что «фриц-Ванюша» далеко не дурачок. Это сильное оружие. Стреляет с подвыванием, вроде поющего, согнутого в дугу полотна пилы, и со снопами искр. А разрывы — сплошной оглушительный грохот (треск). (...)

2 ноября. Перешел на «Усыскин», чтобы оттуда ехать в Ср. Ахтубу. Высокий берег ниже Верхней Ахтубы. Ниже сад — яблони. Широкий обзор. Воздушные бои. (...)

На высоту прибыл генерал-полковник Еременко.

В Ср. Ахтубе радостно встретила добрая старушка Капитолина Павловна Веселкина: «Жив, сынок!» Районные учреждения эвакуировались из Ср. Ахтубы в Заплавское. Едет туда и моя «мать», Веселкина. «За родную Волгу» — в Ср. Ахтубе на месте районной газеты «Колхозная Ахтуба».

3 ноября. Ночевка у старушки Капитолины Павловны в РК ВКП(б). Выехал в Ямы в ПО. Бригадный комиссар Калужский выехал в Ульяновск. Дивизионный комиссар Бондаренко прочитал «Город гнева». (...) Сказал: «Пошлю в Москву, для издания сборника. Будь здоров!»

— Есть быть здоровым!

4 ноября. Возвратился в Ср. Ахтубу. Утром была

бомбежка. Разрушено 60 домов и 5 учреждений. Разрушены редакция «Сталинское знамя», райком ВКП(б), типография райгазеты (убита редактор райгазеты «Колхозная Ахтуба» Рыжова) и газеты «За родную Волгу». Редакция наша выехала на сталинградскую базу.

С райкомовцами ел яйца, была «мать». Дал ей сахара, шоколаду.

6 ноября. Совсем болен. Вызвал врача. (...) Военврач Богомолов выписал мне 250 гр. водки. (...)

Вечером самодеятельность. Я читал «Танк», «Шинель» и «Телеграмму». Афония — голос сорван. (...) Написал очерк о Лысенко, сдал в газету «За родную Волгу».

7 ноября 1942 г. — 25 лет Советской власти. Выпал первый снежок. Морозно по-зимнему. (...) На авто проехал... на базу Северной группы, а там рядом — на «Усыскин». Встретили как родного. Водка с перцем, чай, каюта, грелки, компресс на шею. Под голову щиток от пулемета, чтобы выше было.

9 ноября. Вчера на вечере самодеятельности «Усыскина» были армейские гости, главным образом девушки. Меня вызвали читать. А едва слышно, как говорю. Прочитал: «Волга — Балтике», «Шинель», «Телеграмма», «Перебежница».

Сегодня разговаривал с капитаном 3-го ранга Цыбульским. Вот его рассказ о завершении эпизода с десантом: (...)

Вечером со 2 на 3 ноября приказали идти снимать десант! Десант (батальон) был еще цел: 4 человека раненых на бревнах переплыли Волгу, и 2 самолета У-2 сбросили вымпел: «Ночью выходите к Волге». Десантники видели все попытки бронекатеров подойти к берегу. Пошли катера 25, 387. На 25-м — капитан 3-го ранга Лысенко и Мороз. На обоих по 6 автоматчиков. Перед Латашанкой мель. Пошли выше ее. Прожектор. Начался обстрел. Лысенко дает полный ход, чтобы проскочить под высокий берег. Термитный снаряд, вероятно из танка, метров в 200 от берега пробивает рубку. Ранены: Лысенко в обе ноги, Мороз в одну ногу, легко Гломаздин и рулевой Тропаков. Перебито рулевое управление — руль заклинило право на борт. Катер на полном ходу, сделав кольцо, садится на мель. Взрывом мины его подкинуло и посадило кормой к противнику. Сел выше ватерлинии. Бронекатер 387, решив, что 25-й проделал нормальную эволюцию, пошел по его следу и тоже сел на

мель. Армейцы и мы дали 4 залпа реактивными снарядами и около 300 снарядов по Латашанке — там замолчали.

С бронекатера 387 сошли все в воду и столкнули его с мели. Дали буксир 25-му. Безуспешно — вся ватерлиния над водой. Порвали 2 буксира. Лысенко запретил брать с катера личный состав и себя: «Снимайте вместе или уходите». По другому донесению он приказал взять раненых с катера, но 387-й, теряя бензин, заводил моторы и рванулся с места неожиданно, без команды, так что командир едва успел вскочить на него с борта 25-го бронекатера.

На полуглиссере подошли к 25-му. Лемешко вынес Лысенко, Мороза, боцмана Красавина, которому предварительно перевязали ремнем руку (после умер). Мороз был «привязан» — перетянул ноги Лысенко и свою проводом от телефона и сказал Лемешко: «Тащи сначала Лысенко, меня еще с кусачками освободить надо». Лемешко оторвал. Решетняк¹ — радист — все время поддерживал связь. Его рубка была на другой стороне от противника и потому менее уязвима. На полуглиссере взяли 14 человек. Сколько оставалось еще на бронекатере убитых и живых — не знали. Боцман Красавин сказал — все взяты.

Наступил рассвет 3 ноября. С Решетняком связь прервалась. Лысенко умер в землянке до встречи с врагом. В госпитале умер Красавин. (...)

С рассветом немцы выпустили по катеру около 400 снарядов. Звено «хейнкелей» сделало 3 захода. Несколько раз зашел «мессер», обстреливая катер из пулеметов и пушки. На корме загорелись МДШ². Немцы, видно, решили, что катер горит, и оставили его. Решетняк все сидел в катере и Свиргунов — ком. отделения пулеметчиков.

Вечером с 3 на 4 ноября Цыбульский решил подорвать катер. Вызвались три орла с кинжалами, автоматами, гранатами: старшина 1-й статьи Беляев, комсомолец 387-го бронекатера, боцман; старшина 2-й статьи Соколов, командор 387-го бронекатера и краснофлотец Зай-

¹ В книге И. Локтионова «Волжская флотилия в Великой Отечественной войне» (Воениздат, 1974) эпизод с И. Решетняком отнесен к бронекатеру № 34.

² МДШ — малые дымовые шашки.

цев, командор с 11-го бронекатера. Подошли хорошо. Сняли Решетняка, Свиргунова (тяжело ранен, после умер) и моториста Комарова (ранен). Описали характер пробоин: катер снять невозможно. Взяли радиостанцию и документы. Выяснилось: убиты пулеметчики Ячевский и Ветров, командир отделения мотористов Щеголев, моторист Шеверда. На катере был за командира ст. группы мотористов Мухин. Он и рулевой Волков бросились за борт. Считаются пока пропавшими без вести, как и Гломаздин; Булдаков (ст. моторист) вышел на борт, и его убил «мессер». В эту ночь шлюпка ходила к катеру дважды. Второй раз взяла аккумуляторы, замок от орудия, ППШ и наган. Ее обстреливали.

С 5 на 6 ноября пошла в третий раз, уже взрывать катер. Пошел и Решетняк. (...) В ночь с 6 на 7 ноября шлюпка пошла в 4-й раз. Взорвали — разворотило носовую часть. (...) В ночь эту вышли из Шадринского затона остальные бронекатера; 387 на буксире у 11-го.

10 ноября. Вчера был в бане. Температура вечером поднялась до 39. Капитан Ненашев дал стакан спирту. Это спасло. Утром увидел: весь затон, в котором стоит «Усыскин», покрылся корочкой льда. По льду ветром метет листья. Некоторые вмерзли. Сквозь ледок видно рыбешку. Утром «Хейнкель-111» сбросил бомбы в воду вблизи от корабля. Волны выгибали ледок, он весь гнулся, потрескивал, но выдержал.

Читал политдонесение Лемешко на имя Бережного от 4 ноября об обеспечении латашанской десантной операции бронекатерами. Упомянуто, что я с Ананьиным был в операции в Рынке и что я читал поэму для личного состава бронекатеров на «Усыскине». Отличились особенно Журавков, Решетняк, старшина 1-й статьи Беляев, ст. краснофлотец Казанов (убит), Коршунов — старшина моторной группы, который, несмотря на ранение, по поясу в воде спасал имущество затонувшего 23-го бронекатера.

Поздно вечером Лемешко отбыл на бронекатере: 4 бронекатера идут вниз на прорыв в Куропаткинскую Воложку (Грязный затон), чтоб иметь возможность там еще работать до ледостава.

11 ноября. «Усыскин» с места не сойдет (Киляковский затон). Сюда придет и «Чапаев». Три бронекатера уже спустились вниз в район Ср. Ахтубы. Зимой будут ремон-

тироваться. (...) Лед стал еще толще. Человек уже ходит по нему, а сама Ахтуба еще не вся во льду. (...)

12 ноября. Лед стал настолько толстым, что принял цвет грязноватый. Снегу все нет, только иней. Светлая рыбка подо льдом. Переворачивается кверху брюшком, видимо, уже душно ей (или холодно?).

15 ноября. Со мной живет Семен Липкин, он приехал на Волгу. (...)

Здесь Бережной. Заезжал за мешком Ананын. Бомбежки берега каждое утро. Вчера стрелял «Чапаев». Липкин говорит, что на ВВФ обо мне все очень хорошо отзываются и уважительно говорят. (...)

Вчера опять вечером поднялась температура. Лед в затоне все очень чист, снегу нет. Коньки бы да кататься — роскошный и огромный каток.

Бронекатера Южной группы все еще заняты перевозками. Сквозь плывущий лед, шугу, сало пробиваются не все. Встают моторы. Люди чинят их днем. По трое суток почти не спят.

За поэму о канлодках все еще не взялся.

19 ноября. Вчера выехали с Липкиным в Ср. Ахтубу, были в редакции «Сталинского знамени». Там новый редактор — Троскунов. Ночевали в редакции «За родную Волгу» и сегодня вернулись на «Усыскин».

«Усыскин» вчера поставил новые стволы на орудия. (...)

Семнадцатого ноября ходили в ПО 1-й БРК на «Чапаев», обратно — ночью по льду. Через воду у берега Липкин переносил меня на спине — я был в валенках. С 16 ноября спим в землянках. Командирская еще не готова.

Немцы вели общее наступление. Везде отбиты. Горохов взял больше 300 человек в плен.

Вечером получил приказание Бондаренко выехать в Ульяновск вместе со старшим политруком Кирненко. Машина до Саратова идет завтра. Ночью мне устроили проводы. (...) Ненашев, Кузнецов, Грищенко, Зоня, Липкин и я. Позднее был капитан-лейтенант Прокопович.

Ночью по пути в землянку попал в прорубь (был вытащен карбас) и «выкупался».

20 ноября. Разгром немцев под Орджоникидзе. Взято 140 танков, более 2000 автомашин и пр.

С 6 часов утра началось наше общее наступление по всему Сталинградскому фронту.

В 14.30 выехал из Ср. Ахтубы в Ульяновск через Саратов¹. (...)

21 ноября. В Николаевской у Филиппова и Мизина² в редакции газеты «Сталинградская правда». Взял 8 экземпляров газеты «Сталинградская правда» с поэмой «Город гнева». О наступлении под Сталинградом они еще ничего не знают.

Ночуем в Новопривальном Саратовской области. Немцы выселены. Живут эвакуированные с Украины, из Московской области, из Литвы и пр. Масса глинобитных домов разрушена — зимой топили крышами с них. Верблюд с опавшими от голода горбами. Тихо. Радуют дети, девушки, гражданское население — давно не видал этого. Много идет призывников — девушек и ребят. Призывников обучают с «винтовками», вытесанными из досок.

23 ноября. Ночевали в г. Энгельсе. Здесь ныне украинское правительство, здесь весь Киев, Харьков. Вечером по радио передали об удачном наступлении под Сталинградом — с юга и северо-запада.

Утром в 5.30 на поезде выехал в Саратов. В Саратове на базе встретил Ясногородского, Бескровного и др. Здесь бригада наших артистов. Сообщили, что Галина Луначарская в гостинице «Астория». Оказывается, она в бригаде как штатная поэтесса. Читает «Сказ о великой земле русской». Мы с Кириенко взяли номер в «Астории». Гостиница не отапливается, нет воды, редко бывает свет. Луначарская стала писать несравненно лучше.

26 ноября. Выехали утром в 5.50. Жуткая посадка. Бойцы лежат на средних и верхних полках, а старший, средний и высший комсостав ютится на чемоданчиках. В 2 часа дня — Ртищево. (...) Ночевали в воинском зале на грязном полу — после кино «Заклученные». Поезд опоздал.

28 ноября. Приехали в Ульяновск рано утром. Вчера вечером в Рузаевке сразу попали с поезда на поезд, правда неотапливаемый.

Устроился снова в 1-м общежитии. Встретили очень хорошо. (...)

¹ Корабли Северной группы ВВФ к этому времени были уведены в затон в связи с наступлением ледостава.

² Мизин Николай Иванович — писатель, в то время заместитель редактора газеты «Сталинградская правда».

30 ноября. Бригадный комиссар Калужский и ст. батальонный комиссар Абросенко запланировали издание моей поэмы и сборника волжских стихов. Буду готовить. Обещали дать кабинет. Надо до 15 декабря сделать, а потом съездить в Сталинград. (...)

4 декабря. В «Огоньке» № 47 от 22 ноября рецензия А. Ступникова на книжку «На Балтике было» — очень похвальная. Значит, вышла книжка. Вечером в кабинете Абросенко читал стихи для бригадного комиссара Калужского. Он убедился, что у меня много о Волге помимо «Города гнева», и велел мне составить перечень стихов, написанных на ВВФ.

После ужина были на совещании комсомольского актива гарнизона. В заключительном слове Калужский рекомендовал комсомольцам устраивать встречи с поэтом Яшиным, «находящимся на фронте почти с первых дней войны». Это будет обмен боевым опытом.

10 декабря. Сiju пишу стихи. За поэму все еще не решаюсь браться, боюсь — не выправить мне ее. Вчера было собеседование с редакцией «Пролетарский путь». Остался даже без ужина — так долго сидели.

12 декабря. Закончил стихи «Контр-адмирал» и «Это было на Волге». В 6 вечера выступал на митинге жен начсостава. Они решили построить бронекатер «Подруга моряка». (...)

29 декабря. Недавно был у контр-адмирала Бондаренко. Он просмотрел весь мой сборник «Волга флотская». Вчера сборник ушел с полковым комиссаром Сорокиным в Москву в Военмориздат.

Вспоминаю, как я стоял на берегу Волги в ночь с 24 на 25 августа, смотрел на Сталинград в огне... С 28/XII начал переработку «Города гнева». Конец сделал началом.

31 декабря. Выступление на новогоднем вечере начсостава во Дворце книги. Новый год встретил не за письменным столом и плохо. Была какая-то тревога. Метался. (...)

1943

5 января. Вечером привезли в госпиталь с высокой температурой.

17 января. Сегодня прослушали сообщение о наступлении наших войск южнее Воронежа и о том, что ликвидация немецких войск, окруженных в районе Сталинграда, близится к концу. 9/1 был предъявлен ультиматум о сдаче, немцы его не приняли и 10-го началось наше генеральное наступление. Радует все. Надо уничтожить эту группировку, иначе наша национальная гордость будет невыносимо уязвлена.

В течение нескольких дней очень нервничаю. Не пишу. Просил выписать из госпиталя — не разрешают. (...)

19 января. Вчера после 7-дневных боев соединились, взяв Шлиссельбург, Синявино и другие пункты, войска Ленинградского и Волховского фронтов. *Блокада Ленинграда прорвана. (...)*

1 февраля. Получил медаль «За боевые заслуги». На построение опоздал. Выдали отдельно в кабинете контр-адмирала Бондаренко. Я извинился за опоздание. Чупренко читал приказ. Контр-адмиралы Рогачев, Бондаренко и капитан Яшин стояли навытяжку. Позднее Бондаренко вызвал к себе, вернул мне альбом войны, письмо Вишневого. Сказал, что он представлял к Красной Звезде, но командующий сказал, что, дескать, время еще будет, поглядим и наградим снова.

Получил разрешение поехать к семье в Казахстан.

3 февраля. Сообщили о полной ликвидации 2 февраля немецких войск, окруженных под Сталинградом. Сталин поздравил войска Донского фронта.

8 февраля. Вечером выступил в детском доме для детей, потерявших родителей на войне. Получил от Щириной экземпляр книжки «На Балтике было». Очень приятно оформлена и на хорошей бумаге.

Вчера наши взяли г. Азов, Краматорскую, Фатеж. (...)

8—12 февраля. Взяли «в результате стремительного наступления» г. Курск. Взяли после упорного боя г. Белгород. Взята Лозовая — город и железнодорожная станция. Взяты: Краснодар, Шахты, Красноармейская, Ворошиловск. (...)

14 февраля. Взяты города Красный Сулин, Ворошиловград, Ростов-на-Дону. Быстро идут! Я был в театре на пьесе А. Гладкова: «Давным-давно». После объявления «в последний час» публика рукоплескала. Очень боюсь, что у наших слишком велики потери. (...)

15 февраля. По радио объявлено: нарком ВМФ издал приказ о переходе на погоны по флоту с 18 по 25 февраля 1943 года.

Закончил работу над «Городом гнева» — новый вариант.

25 февраля. Сумасшедшее письмо Луначарской Галины.

Не спал, собирался в дорогу. Уже начал отчаиваться: 4 часа, а я еще не готов. (...) Выехали на вокзал: я, капитан Семенов и др. Все только до Уфы. Сели хорошо. Выпили с Семеновым то, что мне дал Орлов. Станция Якушка. А мой сын Яшка, Яков. Очень волнуясь, как я с ним встречу. Как встретит меня Елена. От этого будет зависеть многое. Сможем ли мы жить. Мне разрешено пробыть у них 15 дней. Обещал привезти готовую поэму (Ленинградскую).

27 февраля. Вечером прибыл в Челябинск. Впервые вижу освещенный город! Через военного коменданта железнодорожного участка устроились на товарный кольцевой поезд до Троицка. Ждали поезда до 3 часов ночи в дежурке. (...)

28 февраля. В 2 часа по местному прибыли в Троицк. Сыро, а ветер холодный, резкий. Промочил валенки совершенно. Поезд на Кустанай идет только 2 марта. Устроились в доме кондукторских бригад.

4 марта. Около 11 утра приехал в Карагалы¹. Селение

¹ Карагалы — село километрах в 100 от Кустаная. От Кустаная до Карагалы А. Яшин добирался со 2 по 4-е марта на лошадах с пересадкой. Всего в пути — 7 суток.

на холмах, землянки, мазанки. Кругом степь. Школа: на окраине белая изба. Женщина в грязном белом вязаном платке с бидончиком прошла в дверь. Это была Елена. Зашел в класс. Человек 5 детей. Выбежала из другой комнаты Елена — худая-худая. Я поцеловал жене руку. Подъехали к квартире. Лошадь уже не пошла.

Бабушка Юлия Михайловна очень худая, как старая англичанка. Кончик носа всегда красный. Старик, Сергей Михайлович, весь оброс, заметно опустился, по-стариковски стал очень словоохотлив. Мечты, мечты... Кавказ, Теберда и проч. (...)

Были рады. Таня и Яша сидели в углу за кроватью, играли. Не заметили, как вошел. Яша обернулся и узнал: «Папа!» А Таня испугалась и бросилась на руки к матери. Выпили со стариком одеколону. Пьем молоко.

5 марта. Таню только вечером, постепенно, при помощи одеколону, игрушек и часов привадила к себе. Таня изумительно отчетливо и выразительно рассказывает сказки и стихи. Я был приведен в восторг, когда она прочла мое стихотворение «Лют мороз в Карагалах». (...)

В Карагалах — русские. Среди эвакуированных — немцы, поляки, русские из разных областей. Живут плохо.

6 марта. Юлия Михайловна целый день занята на кухне. Хлеб и все выдает порциями. Старик жадничает, видимо, постоянно не наедается. Я очень благодарен Е. С., что она сохранила детей здоровыми. Я привез масла, окорок, сыр, сахар, чай. Тане показали сахар: — Что это такое? Она сказала: — Не знаю!

7 марта. Днем были председатель сельсовета Орличенко и председатель колхоза Арестов. (...)

Вечером в школе я провел беседу с колхозниками. Рассказывал о героизме сталинградцев и ленинградцев. Слушали внимательно. Рассказал о международном положении. Е. С. осталась беседой довольна.

8 марта. Колхоз выдал для меня 16 кг пшеницы зерном (мельница стоит), 5 кг мяса (полбарашка), 1 л керосина.

Днем сидел в школе, писал «Ленинградскую поэму». В классе занимается Е. С. Я показал детям кортик, пистолет и рассказал, что оружие нужно беречь, — провел своеобразный военный урок.

9 марта. Писал в школе. Со мной был Яша. На уроке у Е. С. он начал шалить, как и все. Ходил в баню — чер-

ная. Эвакуированных здесь зовут «выковыренными». Хорошо: выковырены из своих мест.

10 марта. Писал мало. Сделал коптилку. Писал письма женщинам о розысках мужей на фронтах. (...)

11 марта. Молол на ручной мельнице пшеницу. Медленно и нелегко. (...) Все еще не дописал главу о детях в запертой квартире.

12 марта. Ездил с Е. С. на волах в березовый лес (окблок) за дровами. Видел двух зайцев, пострелял в них, чтобы поугадать.

В 3 часа ночи, когда сидел писал, под окном волки схватили собаку. Как она завизжала! Елена не спала и тоже слышала. (...)

13 марта. Писал главку о морях.

14 марта. (...) невозможно прожить оставшиеся дни отпуска. Тяжело, но решил уезжать до срока. (...) Жизнь ее ничему не научила.

Вечером в школе провел с молодежью колхоза военные занятия: изучение пистолета ТТ, стрельба из него. Стреляли в классе в вешалку на стене. Учитель Клементьев Александр Иванович рассказал о противотанковом оружьи — он сержант, бронебойщик, ранен в ногу.

Зам. председателя колхоза отпустил 3 кг мяса.

15 марта. Выехал из Карагалы. Елена Сергеевна со мною до Кустаная: надо достать что-нибудь для детей. (...) Вез Гаврила Антонович Кулешов — боец, конник. До Танабая 25 км ехали 1.25. У его тещи по стопке самогону, сало, молоко. Ночуем в Енушевке. (...)

16 марта. Из Енушевки на паре на Красный Кордон. Приняли хорошо. Директор лесничества Ужанов обещал даже Е. С. отправить обратно на своей паре. Дал «Красную Горку». Директор свиновхоза Братышев принял так же хорошо. Снова едем на паре. В Затоболовке снова завернул к Анне Кирилловне Ерохиной, где ночевал раньше. Пили молоко с пирогом, начиненным свеклой. Она дала чесноку, я дал две коробки спичек. (...)

Прибыли в Кустанай. Устроились в гостинице.

17 марта. Хождение по мукам. Не знаю, куда лучше устроить семью. (...) У секретаря ГК ВКП(б) получил для обоих пропуск в столовую партактива. У нач. военторга в столовую № 1 военторга, потом — ведра, карандаши, бумагу (детям), 5 ложек и 1 кг соли из столовой, и две миски, и пачку табаку. В карточном бюро — хлеб на 10 дней по 800 г, Елене Серг. по 400 г на 5 дней.

18 марта. Был у второго секретаря обкома ВКП(б) Урашева. Переезд семьи в Кустанай разрешает. Он поручил зам. секретарю по кадрам устраивать дела с квартирой и прочим. Зам. председателя горисполкома, ведающая обеспечением семей военнослужащих, дала пальто для Тани, шарф, шерстяные носки, трусы, платок, ордер на пальто для Яши. Даст ордер на туфли для Е. С., на костюм для Яши и ботинки.

Вечером встреча в редакции областной газеты «Сталинский путь». Ответственный редактор Ициксон.

19 марта. С утра горжилуправление: комнату для семьи обещают найти на днях. Я не выеду до вторника. Начальник эвакоотдела облисполкома Червина Евгения Михайловна дала для детей: костюм Яше, майки, рейтузы, пальто, меховой жилет (старик). Обещает завтра детскую обувь и туфли Е. С.

Вечером встреча в Институте механизации сельского хозяйства. Сидели почти до часу ночи. Люди расходиться не хотят.

21 марта. Вечером встреча с комсоставом Сталинградской авиашколы. Начальник ПО школы майор Топилин отпустил 2 пачки табаку. Предложил завтра послать за мясом. (Дал 8 кг).

22 марта. В Пединституте профессор Резник дал справку на прикрепление семьи к магазину научных работников. (...) Снова не ночевал в гостинице. (...) Все рекомендуют устроить Е. С. на завод. Так и сделаем.

23 марта. Выступал по радио. Организатор Рамзай Владислав Иосифович. Читал 10 стихотворений, в том числе «Дочь Сталинграда».

От облисполкома из эвакоотдела Е. С. принесла полубок.

24 марта. Сегодня в областной газете «Сталинский путь» мое стихотворение «Баллада о балтийском танке» и заметка профессора Утевского «Стихи капитана-фронтовика».

Елене Сергеевне от эвакоотдела принесли туфли.

В 20.30 вечер встречи в драмтеатре — платный, организованный ГК ВКП(б). Деньги — на строительство танковой колонны «Кустанайский колхозник». За билетами охотились, их не хватило: театр забит. Я говорил о характере русского бойца... Потом читал отрывки из поэм и стихи. После встречи был спектакль «Лев Гурыч Синичкин».

Итак, в Кустанайской области выступал: 1. В Карагалинском колхозе; 2. Там же провел военное занятие (изучение пистолета и стрельба); 3. В редакции газеты «Сталинский путь»; 4. В Институте механизации сельского хозяйства; 5. В Сталинградской авиашколе для курсантов; 6. Там же — для комсостава; 7. По радио 23/III; 8. Вечер встречи в областном драмтеатре 24/III.

26 марта. В 7 часов вечера выехал из Кустаная. (...) В «Комсомольской правде» от 19/III мое стихотворение «Высота»¹.

27 марта. Утром прибыл в Челябинск. Был в редакции. Потом прошел в Челябингиз (Ленина, 8). Директором оказался Майский Федор Федорович — б. студент Литинститута. Герман Нагаев, поэт, художник, помог устроиться в гостиницу «Южный Урал». Соседом по номеру «люкс» оказался сталинградский снайпер Зайцев Василий Григорьевич, теперь уже Герой Советского Союза. Он обо мне там тоже слышал.

Вечером собрались в номере. Калганов — секретарь обкома ВЛКСМ по агитации и пропаганде (окончил МГУ, аспирант), Майский, Нагаев и корреспондент радиокомитета. Я читал отрывки из поэм и стихи. (...)

Зайцев маленького роста, спокойный, создает впечатление скромного парня... На Тихоокеанском флоте служил 6 лет, был финансистом, главстаршиной. Добровольцем с комсомольцами пошел под Сталинград. Военного образования не имеет никакого. Стрелял хорошо и раньше, но из простой винтовки. Снайперской винтовки — устройства оптического прицела — не знает и сейчас. Впервые стрелял из снайперской винтовки из окна белого дома в районе Метизного завода. Командир сказал в шутку: «А ну-ка, адъютант, убей немца» (тот бежал метров за 400). Установили прицел. Немец побежал, но уже поздно — Зайцев подшиб его. «Ваше приказание выполнено!» Потом тут же второго и третьего...

Стали качать. А утром послали новую снайперскую винтовку из полка. Стрелять из нее не умел. Брал простую и убивал. Сейчас у Зайцева: медаль «За отвагу», орден Красного Знамени, орден Ленина, Золотая Звезда и снайперский значок. (...)

¹ Стихотворение «Высота» позже было посвящено погибшему под Сталинградом брату А. Яшина Миханлу Антипьевичу Горчакову.

28 марта. Выхать не смог, поезда не было. Проживу в Челябинске до утра 30/III. С секретарем обкома ВЛКСМ Калгановым и Зайцевым ходили в столовую обкома. Вечером писал поэму.

В сообщениях Совинформбюро появилась новая формула: «На фронте ничего существенного не произошло», была: «Наши войска вели бои на прежних направлениях». (...)

30 марта. Зайцев снова не поехал. Я получил плакат один. Дорогой читал 2-й том «Войны и мира».

31 марта. Утром — Уфа. Поезд на Ульяновск идет только 3/IV утром. Побывал в Союзе радяньских писменников Украины. Ответственный секретарь Натан Рыбак. Через них прошел к коменданту города капитану Буйволу и устроился в столовой на три дня и в общежитии комсостава.

1 апреля. В 19.30 пошел на Москву через Ульяновск экстренный поезд № 95. (...) Посадка жуткая. Поезд больше для гражданских, возвращающихся в Москву по пропускам. Страшно смотреть, как изматываются на посадке женщины с детьми и с огромным количеством багажа. Визг, рев. Елена Сергеевна не доедет с детьми в таких условиях.

2 апреля. (...) Около 9.30 вечера прибыл в Ульяновск. (...)

3 апреля. В груде писем нашел сообщение о том, что брат Михаил героически погиб. О нем недавно писали матери, что он лучший воин в части. (...)

5 апреля. Буду писать раздел для книги о боевых действиях ВВФ под Сталинградом: «Партийно-политическая работа на канлодках». Получил у подполковника Александра Сергеевича рукопись «Город гнева», присланную из Военмориздата с рецензией и письмом Длингача для доработки. В основном принята.

6 апреля. Послал Токареву, нач. отдела печати Гл. ПУ РК ВМФ, запрос на вызов в Москву для издания поэмы. С 3 на 4 апреля на Ленинград был сильный налет: Прорвались будто бы единицы. 42 самолета сбито. Наши потери 9 самолетов. В центральных газетах — карта освобождения от немцев земли в зимнее наступление Красной Армии.

Мишин адрес был: 572 полевая почта, часть 164. Написал письмо командиру части с просьбой сообщить обстоятельства его гибели.

11 апреля. (...) Сегодня весь день правил поэму «Город гнева». Сегодня ночью наши самолеты бомбили Кёнигсберг.

14 апреля. Вчера два раза выходил к Волге — утром и в обеденный перерыв. Идет лед. Течение очень медленное. Льду немного, шуму не слышно. Быки железнодорожного моста режут льдины. Слева меж двух быков застряли две большие льдины, на них налегла третья. Ждал утром, когда их протолкнет, ждал в полдень — не дождался. Сегодня пришел — они всё стоят. Жду снова так, как будто от этого зависит моя жизнь или смерть. (..)

17 апреля. Написал выводы к партполитработе на канлодках. Сходил в баню. Дежурю в ПО.

В 18 часов первый гром, первые молнии, гроза, ливень. Лед на Волге все еще идет.

Получена из Москвы от начальника 2-го отдела Гл. ПУ РК ВМФ Рябова телеграмма: «Писателю Яшину разрешено выехать в Москву на 15 суток».

23 апреля. Дня через три выеду в Москву вместе с Липкиным. Идут ожесточенные бои на Кубани. Немцы бросили туда много авиации и другой техники. Будто бы там у них около 20 дивизий.

24 апреля. (...) Золотые слова¹: Пунктир трассирующих пуль. Нет такого снега, который бы не таял, нет такого горя, которое бы не проходило. (...)

25 апреля. Тепло. Дошел до Волги. Температура 15°. Перед моим окном — Рабочий городок, 13, кв. 2 — на яблоньке видел крапивницу. Не одну. Вчера в столовой в стакане крупные лесные цветы, по форме напоминающие колокольчики, только много больше и другой, более темной с фиолетовыми тонами, расцветки. Их здесь зовут подснежниками, потому что они чуть ли не самые ранние. (...)

1 мая. Рано утром (в ночь на 1/V) выехал в Москву. Мест нет, ехать плохо. В Инзе пересадка. Сел с трудом на спецпоезд. (...)

3 мая. В ночь на 3 мая прибыли в Москву.

Прошел день безалаберно. Ездил к Платонову. Льговский ушел на фронт и о нем давно нет известий. Был на вечере Пришвина. В институте издана книжка: «Друзь-

¹ Золотые слова — в 50-е годы А. Яшин помимо дневников завел специальную тетрадь поэтических записей — «Золотые слова».

ям» (есть и мои стихи). Вечером были со Щириной у Печалиной Полины Германовны на пироге.

8 мая. Слава познакомила с архитектором, студенткой Литинститута Златой Константиновной Ростовской. (...)

11 мая. В 13.40 выступал по радио. Читал 5 стихов. В 18 час. выступал на военной комиссии ССП. Потом — Липкин. Стихи обсуждали: Фадеев, профессор Розанов Иван Никанорович, Бродский, Ошанин, Бауков, Щипачев, Гехт, Никитин, Рыленков, Петровых, Звягинцева.

Вчера у Славы Щириной справляли новоселье. Ночью шли через патрули пешком.

18 мая. Пребывание в Москве продлено до 31 мая включительно. Ремонт моей квартиры в основном закончен.

26 мая. Сдал поэму редактору «Октября» Юнович Нине Марковне для читки. Ходил с Алексеем Кручёных (Елисеевич) в филиал МХАТа на «Школу злословия» Шеридана. (...)

1 июня. Война все еще в стадии «ничего существенного». Недавно приехал Сельвинский. Он был ранен осколком бомбы, награжден Красной Звездой. Стихи пишет все по-старому, только проще и очень хорошо.

Мне надо вернуться к вологодскому началу. Екатерины Георгиевна¹ признает истинной поэзией только мои северные, вологодские стихи. Надо сделать книгу, в которой дать старые северные стихи, показать богатство Родины нашей и дальше — оборону, чтобы было видно, за что мы воюем. Прочитал Твардовского «Смоленщина» (СП, 1942), (...) принцип у нее такой же. Леонов написал новую пьесу «Лёнушка».

Надо писать, все время думая о высокой поэзии, о хорошей книге.

Сегодня был со Златой Константиновной на Ново-Девичьем кладбище. Смотрели знаменитые могилы. У Веневитинова маленькая в травке плитка. Тут же какой-то Камзолкин. Гоголь. Поэт Эдуард Багрицкий. На старой стене барельеф самолета «Максим Горький» и 48 урн. Дирижабль В-6. У собора — генерал Брусилов, Денис Давыдов. Ново-Девичий монастырь заложен в начале XVI века в память об освобождении Смоленска. (...)

Я болен, поэтому командировка будет продлена согласно бюллетеню. А. Липкин устроился в Москве. (...)

¹ Ростовская Е. Г. — мать Златы Константиновны.

5 июня. В «Краснофлотце» увидел после многих лет Наташу Перинго (Макарову). Волновался. Завтра будет мое стихотворение в «Красном флоте»: «Это было на Волге». «Контр-адмирала» моего генерал-лейтенант Рогов не пропустил. (...)

8 июня. Был у Антокольского. Читал его поэму «Сын». Видел и взял на 2 дня антологию «Русская советская поэзия» 1917—1942 гг. У меня там дано 3 стихотворения: «Олёна», «Русские мы», «Шинель». Портрет в каске. (...)

18 июня. Увезли в госпиталь в Сокольники, Большая Оленья, 8. Провожала Злата. Температура 39°.

27 июня. До 4 часов утра не спал. Зажег свет в коридоре и читал и писал. Задумал книгу стихов «Сыну с фронта». Потом страшный сон, который я вижу, кажется, уже не в первый раз — легко, безболезненно вываливаются зубы. Пошевелил языком — и зубов мелких оказался целый рот. Выплюнул в пригоршню.

Был Длигач с женой. Просматривали «Город гнева». Из стихов отобрали несколько для коллективного сборника.

Была Злата Константиновна. Сидели долго в парке. Приходила Щирина, но «на территории госпиталя не обнаружила меня» и ушла, оставив записку. Злата привезла чашку земляники.

28 июня. Прочитал П. Бажова «Малахитовая шкатулка» («Сов. пис.», 1942 г.). Я раньше читал отдельные рассказы из этой книги в журнале. Опять была Злата Константиновна. И каждый раз я довожу ее до слез. Нехорошо. Самому стыдно, что я такой дикий и злой.

29 июня. Прочитал: А. Куприн. «Сатирические рассказы» (Военмориздат, 1943 г.). 1. Прапорщик армейский, 2. Ночлег (чахоточный муж упрекает жену за то, что взял ее не девственницей, а офицер, который ее испортил, сидит рядом и слышит), 3. Дознание (наказание рядового татарина розгами за кражу голенищ), 4. Ночная смена, 5. Брегет (офицер, подозреваемый в воровстве, убил себя потому, что у него был брегет точно такой же), 6. Царский писарь, 7. Тень Наполеона, 8. Царский гость из Наровчата — сатирические тут разве только два последних рассказа.

30 июня. Прочитал: Л. Фейхтвангер. «Безобразная герцогиня», XIV в. Отпустили из госпиталя на совещание в ССП по вопросу о создании нового гимна СССР. (...)

С 6.30 в Клубе писателей ССП совещание: «Писатели на войне». Доклады Кожевникова, Щиначева, Эренбурга. Шипачев говорил и обо мне, говорил с уважением: голоса не потерял, но стал спешить, гнаться за количеством.

Аленушка Лаврова больна малярией.

Вернулся в госпиталь в конце 12-го часа ночи.

4 июля. Весь день очень ждал Злату Константиновну. Долго сидел у проходной будки, ходил по парку. Не пришла. Вечером смотрел фильм «Счастливый путь».

6 июля. Итак, началось: «С утра 5 июля наши войска на Орловско-Курском и Белгородском направлениях вели упорные бои с перешедшими в наступление крупными силами пехоты и танков противника, поддержанными большим количеством авиации». (...)

7 июля. За два дня (5 и 6 июля), по предварительным данным, подбито 1019 танков, 314 самолетов — на Орловско-Курском и Белгородском направлениях. Тревоги в наших сердцах нет. Что будет дальше... (...)

11 июля. Дочитал С. Бородин «Дмитрий Донской». В «Комсомольской правде» есть содержание № 7—8 «Смены». В нем мой «Контр-адмирал».

В 3 часа утра 10 июля союзники высадили десант на о. Сицилия на юге, около Джелы. Оборона прорвана. 9-го в 23.20 были сброшены парашютисты, потом на планерах войско. Морской десант высажен по берегу в 160 км. (...)

15 июля. Сегодня сообщили, что несколько дней назад севернее и восточнее Орла наши войска прорвали укрепленные линии немцев и продвинулись на 30—40 км. Оперсводка передавалась много раз и сопровождалась гимном партии большевиков и другими гимнами и маршами.

16 июля. Писал стихи к физкультурному дню в «Комсомольскую правду», но пришла З. К., и я потерял весь день с нею.

Вчера получил письмо от Елены Сергеевны. Живут в Кустанае. Будет третий.

18 июля. Передавали постановление ЦК и СНК о хлебоуборке и хлебосдаче по радио. Мобилизуется все городское население и учащиеся на уборку. (...)

23 июля. В «Комсомольской правде» мое стихотворение «Богатырь». На фронте продвижение: южнее Изюма, юго-западнее Ворошиловграда «продолжаются бои местного значения», уничтожается до 2000 немцев («местные бои!»). (...)

30 июля. Выписался из ВМГ. Лежал с 18/VI. Приезжала З. К.

3 августа. Вечером сделал предложение. (...)

4 августа. ЗАГС Фрунзенского района. Вечером благословение матери. Розы.

6 августа. Вчера взяли Орел и Белгород. Приказ Сталина 5/VIII. В 24 часа 12 залпов из 120 орудий — Москва приветствует фронт.

8 августа. «Начальнику 2 отдела Гл. ПУ ВМФ генерал-майору товарищу РОГОВУ от поэта, капитана Александра Яшина (Попова)

РАПОРТ

Товарищ генерал-майор! При сем прилагаю справку о своем пребывании в Центральном Московском Военно-Морском госпитале и заключение ВВК. Заболевания, начавшиеся у меня еще в первый год войны в Ленинграде, обострились. Для сохранения боеспособности и здоровья мне необходимо перевестись на Черноморский флот, на юг. Прошу Вашего распоряжения, товарищ генерал-майор, о переводе меня по окончании лечения в Кисловодске с Волжской военной флотилии на Черноморский флот, в одну из действующих единиц.

Капитан А. Яшин».

Вечер у Шириной. Подарок от Славы Владимировны — Беранже 2 т.

Наши движутся понемногу на запад. Направление: Харьковское, Брянское.

10 августа. Сегодня получил путевку в Кисловодск и для Златы Константиновны.

15 августа. Был на выставке трофейного немецкого вооружения. Видел «тигров».

16 августа. В 12.45 выехали в Кисловодск. Места на третьих полках, верхних.

18 августа. Прибыли в Сталинград. Последние часы ехали на крыше вагона. Изрытая степь. Огромное количество трофейной техники. Издали — поселок, подъедешь — машины, орудия, повозки немецкие, груды металла.

Сталинград вовсе не восстанавливается, только улицы расчищены для проезда, трупы убраны да воронки в асфальте засыпаны. Город — развалины. Зияющая пробойна в трубе «Красного Октября». Одна огромная труба наполовину ссечена.

Удивительное совпадение: в прошлом году я приехал

в Сталинград также 18 августа. Тогда он был тихим. Сейчас он мертвый. В разбитом вокзале устроена камера хранения ручного багажа — с трудом мы нашли ее. Злата потеряла щетку. Ребятишки и девочки продают родниковую воду: выпили кружку за рубль. Яблоко 6 рублей.

Дошли до бывшей редакции «Сталинградской правды». На рабочем поезде приехали в Сарепту. Там тыл. Редакция. Не заходя к ним, на рейсовом катере отошли в штаб ПО ВВФ (район деревни Татьяна). Исполняет должность нач. ПО Бережной Сергей Денисович, капитан 2-го ранга. Принял хорошо, попросил познакомиться со Златой Константиновной. Я ее вызвал на корабль. Позаботился (он) о нашем ночлеге.

19 августа. Всякое сопротивление противника на острове Сицилия прекратилось.

В «Красном флоте» от 17/VIII два мои стихотворения: «Письмо брату-краснофлотцу» и «Склонитесь, простреленные знамена».

Вечером Чупренко — нач. командного отдела — *выдал медаль «За оборону Сталинграда»*.

На шлюпке ходили за Волгу. Я дважды купался. У рыбаков ели рыбу. Злата в луже руками поймала двух сазанов, положила их на берег, и их схватил орел, которого держат бойцы, подрезав ему крылья. Отбить не смогли. Кричит, ощерил перья.

23 августа. Выехали из Сталинграда в Кисловодск. С утра поездом — в Сталинград. Я по пути заехал в Бекетовку в редакцию «Сталинградской правды». Читал у них на совещании стихи. (...) В Сталинград — дали машину, шофер Иван Петрович, старик. Был на Чапаевской. Развалины. (...) Немецкая карта Великобритании.

Злата долго мучилась с чемоданами — поезд дошел только до Сталинграда II. С нею на авто ездили по городу: пристань, площадь 9 января, Центр. Ходили в штаб Паулюса.

Едем в Кисловодск без места. Злата потеряла ключ от чемоданов — это уже после щетки и чайной ложки.

23 августа. Нашими войсками взят Харьков.

26 августа. В 0.40 прибыли в Минеральные Воды. Часа в 3 отправились на дачном в Кисловодск. Около 6 были в Кисловодске. Город цел. Публика в основном госпитальная, военная. (...)

1 сентября. (...) Очень хочу на фронт. Надоело лечиться. До конца войны меня еще хватит. Нельзя упус-

тить в жизни случая еще раз пережить всю остроту *пробывания между жизнью и смертью*. Взят г. Сумы.

4 сентября. Есть сообщение о высадке десанта на континент Италии. У нас — продвижение на всех фронтах. Взяты вчера Путивль, Ворожба и много мелких городов.

5 сентября. Вчера взяты Горловка, Дебальцево и много других городов. Наши пошли быстро в Донбасс.

Сегодня — воскресенье — ходили со Златой Константиновной на Центральный базар. Сверху живописная картина: толкучка, цветные головы. Вдали горы.

Дописал стихотворение «Березы». (...)

6 сентября. (...) Сегодня выступаю в санатории. Буду читать: «Не умру», «Баллада о балтийском танке», «Атака», «Контр-адмирал», «Триста моряков», «Пленные», «Еще никогда по нашим дорогам». Лирика: «В грозу», «Высота», «Шинель». Из довоенных сборников: «Заречная красавица», «Занька», «Зверолов». Веселое: «Перебежница», «Телеграмма». Запас: «Сталин в землянке», «Товарищу по окопу», «Землянка», «Предатель», «Поле», «Тетерева», «Не позабыть мне первых схваток», «Ласточка», «Лисица», «На Новый год», «Пуговка», «Наркомовская чарочка».

Выступал с успехом. Вначале прочитал один рассказ «Неслучайная встреча» — Леонид Каган.

8 сентября. (...) Сегодня взяты Сталино, Ясеноватая и др. — *весь Донбасс очищен от немцев*.

9 сентября. Сегодня в 6 ч. утра сообщили о полной капитуляции Италии.

12 сентября, воскресенье. Ездили с З. К. в Пятигорск. Рынок. Домик Лермонтова. Парк. Провал.

14 сентября. Кисловодск. Лежу. Приступ астмы. Перечитал Шекспира «Много шума из ничего».

16 сентября. Взяты города Новороссийск, Новгород Северский, Лозовая, Валки, райцентр Осипенко, Ромны.

19 сентября, воскресенье. Ночь бессонная, недобрая, с исповедью Златы. Дай бог, чтоб это больше не повторилось.

Днем приобрел «сына» 8 лет Игоря — Игорь Иванович Носов. Мать его — Мария Даниловна Шведова, сестра 23 лет — Евгения Ивановна Сумарокова (Женя), кума — Елена Лукинична. Я сам себе удивляюсь, а к мальчику отношусь как-то очень серьезно. Хочется стать ему полезным в жизни. После обеда сходил купил серебряную ручку за 60 рублей, положил в немецкий «пенал» (от снаря-

да), карандаши, револьверный патрон, тетрадь и после ужина, когда мы со Златой были у них (Подгорная улица, 3), отдал ему. Жёне — одеколон, матери — цветы. (...)

20 сентября. Вырвал зуб мудрости, левый нижний, в Центральной зубной поликлинике. Замираживали, дробили. Вечером поднялась температура, слег. Ночью было не меньше 40°, я бредил. Злата не спала.

21 сентября. Лежу. Очень болен. Прочитаны Шекспира: «Виндзорские проказницы», «Двенадцатая ночь».

23 сентября. Взяты Полтава, Унеча. Лежу, болен.

Продлили путевку мне и Злате на 2 недели (комиссия).

30 сентября. Ходили со Златой на Большое седло. В метелке из сена, торчащей вместо флажка, осы устроили свое гнездо. Жаркий день, хорошо виден весь Кавказский хребет, Бештау, Машук, Пятигорск и горы-холмы.

Прочитал в переводе Бориса Пастернака «Гамлета».

Нашел «Краснофлотский эстрадный сборник», в нем моя «Баллада о танке». Написал стихотворение «Золушка», первое посвящение Злате Константиновне. (...)

3 октября. На вершину Бештау — выехали в 3.20 ночи на станцию Лермонтовская: я, Злата, Женя, хирург Островский, Надежда Ивановна — аптекарша, ст. лейтенант Константин Арнольдович и девушка Лида. В 6 часов были на Лермонтовской станции. У подножья Бештау закусили, снимались. Поднялись сначала на южную вершину. Я стрелял по орлам. Вырезал всем палки. Ели дикие груши.

Поднялись на вершину в 12 часов дня. Спустились в Железноводск. От чинариков заболела голова. Пили воду: источники Славянский (кипяток), Незлобинский и опять Славянский. Купались в народных ваннах — кипяток 50° с лишним. Из Железноводска выехали в 5.40. На станции Бештау долго мерзли в ожидании поезда.

На вершине Бештау написал вчерне, в уме, стихотворение «Клятва» (Злате).

6 октября. Вчера на Витебском направлении — бой местного значения (взято 43 населенных пункта), на остальных фронтах усиленная разведка и артиллерийская перестрелка. (...)

По склону улицы, от вокзала к Пятачку (площадь, где сходятся пять улиц), по асфальту катятся каштаны, их пинают прохожие. Когда каштан падает с дерева, обочка разрывается, и остается красивый орех.

8 октября. Выступал в столовой ВМ санатория — творческий вечер. Злата Константиновна сделала две афиши. Перечень стихов на обороте. Читал не все.

9 октября. Освободили Таманский полуостров — 20 залпов.

Достал для З. К. рейсовую продуктовую карточку.

11 октября. С поездом 7.30 утра выехали в Минводы.

12 октября. Очень удачно сели, заняв полки в бесплакартном вагоне. В 9 часов утра отбыли: З. К. — в Москву, я — в Сталинград.

14 октября. Около 10 часов утра вышел с поезда в Бекетовке. Прондай, родная моя, родная моя! Не мог удержаться слез.

Стихи, написанные в санатории: «Сыну с фронта», «Кровь», «Поле боя», «Березы», «Дяди», «Канава», «Солнечная сторона», «Золушка», «Рассвет». (...)

16 октября. Две ночи провел у главного редактора «Сталинградской правды» Филиппова. Читал Мицкевича, Василия Теркина. Просмотрел заново «Город гнева».

В центральных газетах от 14/X опубликовано: Италия объявила войну Германии и принята в число наших союзников. (...)

Часам к 12 дня прибыл в Сарепту, в редакцию «За родную Волгу». В «Красном флоте» от 13/X мое стихотворение «Не умру».

17 октября. Поездом до Шпалзавода и пешком км 4 до «Волги»¹ (у деревни Татьянки). Нашел книжку «Город гнева» («Молодая гвардия»). Есть небрежности, сдвинуты эпизоды. Тираж 25 000.

Написал и передал Бережному рапорт на имя капитана 1-го ранга Зарембо о проделанной работе за период пребывания на ВВФ «Начальнику ПО ВВФ капитану 1 ранга тов. ЗАРЕМБО поэта, капитана Александра Яшина (Попова)

РАПОРТ

В связи с переходом по состоянию здоровья на Черноморский флот отчитываюсь о проделанной работе на ВВФ за период с 31 мая 1942 года по октябрь 1943 года.

С мая по август 1942 года исполнял обязанности инструктора ПО ВВФ по снабжению культпросветимущест-

¹ «Волга» — штабной корабль.

вом. Одновременно продолжал работу над «Ленинградской поэмой» и поэмой «Военный человек», начатыми на Балтике. Осваивался с новой тематикой — Волги — и провел целый ряд бесед и выступлений со стихами в частях ВВФ, находившихся в Ульяновске, в т. ч. выступал перед офицерским составом штаба и ПО, печатался в ульяновской газете, журнале «Краснофлотец», «Комсомольской правде», «Правде» и других журналах.

В августе 1942 года прибыл в Сталинград — до начала боев — и находился на кораблях и в частях флотилии до декабря 1942 года, до ледостава, в качестве политработника и поэта. Провел около 60 поэтических выступлений и бесед. Вместе с капитаном Петровым выполнял специальные задания начальника ПО ВВФ на кораблях и в подразделениях морской пехоты.

Большую часть времени был на «Усыскине», с бронекатерами ходил в операции по переброске снарядов группе войск Горохова на правом берегу Волги.

В августе—сентябре написал поэму «Город гнева», которая в октябре печаталась в газетах Сталинградского фронта — «Сталинское знамя», в четырех номерах подряд, в «Сталинградской правде» и отрывками в газете «За родную Волгу». В газете «За родную Волгу», в газетах Сталинградского фронта, в «Сталинградской правде» и в центральных газетах и журналах — «Красный флот», «Краснофлотец», «Новый мир», «Огонек», «Смена», «Комсомольская правда» и др. — напечатал за этот период около 70 стихотворений. Надо сказать, что многие из них имели, как это и бывает в таких случаях, характер эпизодический и в сборники мои не вошли. Написал тексты песен: «Круши его, матушка Волга», переложенной на музыку композитором Двейриным, и «Песню канонерок» для канлодки «Усыскин» по просьбе личного состава.

По возвращении из Сталинграда в Ульяновск — декабрь 1942 г. и первые месяцы 1943 г. подготовил к печати поэму «Город гнева» и сборник сталинградских стихов, а также работал по заданию ПО над разделом книги «Партийно-политическая работа на канлодках в период боев за Сталинград».

Позднее болел, лечился в Центральном госпитале в Москве и в кисловодском санатории.

Поэма «Город гнева» (о боях за Сталинград моряков ВВФ и армий Сталинградского фронта) вышла из печати отдельной книгой в издательстве «Молодая гвардия»,

печатается в Военмориздате и в издательстве «Советский писатель» и готовится к изданию в Сталинграде.

Сборник волжских стихотворений, сталинградских стихов, печатается в издательстве «Советский писатель» вместе с поэмой «Город гнева».

В государственном издательстве «Художественная литература» печатается (...) сборник «Балтика. Волга», в который вошли лучшие стихи о Волжской военной флотилии.

При сем прилагаю экземпляр поэмы «Город гнева» в издании «Молодая гвардия».

Капитан Александр Яшин».

18 октября. Кириенко, капитан, сейчас пропагандист штаба ВВФ, научный работник, с которым я вместе ехал из Сталинграда в Ульяновск, дал пачку табаку, курительной бумаги, сделал мне для медалей слюду из рентгеновского снимка.

19 октября. В 18 часов получил от старшего лейтенанта начальника наградного отдела Немцова медаль «За оборону Ленинграда» на основании справки, выданной Бережным Сергеем Денисовичем. Это 3-я медаль у меня. Интересное совпадение в числах: медаль «За оборону Сталинграда» получил 19/VIII, «За оборону Ленинграда» — 19/X. В Сталинград в 1942 г. приехал 18/VIII, в 1943 г. тоже 18/VIII. (...)

21 октября. Был вечер встречи на штабном корабле «Волга». Простился с волжскими моряками. (...) ¹

22 октября. На полуглиссере дошел до Сарепты, по дороге на «Туре» дали старшину 1-й статьи, чтобы помог нести вещи. В редакции «За родную Волгу» был до вечера. Получил 15 экземпляров «Города гнева» в издании Военмориздата. Послал: капитану 1-го ранга Зарембо, Бережному, капитану 3-го ранга Кузнецову Ивану Александровичу — был командиром «Усыскина».

25 октября. Выехал из Сталинграда в Сухуми в 14.30. Еду в коридоре купированного вагона.

28 октября. Со вчерашнего вечера идет дождь. Гор никаких не видно. Днем перебрался в вагон № 8, тоже купированный, который не дали отцепить в Нальчик, поставив к вагону автоматчика. Занял место. В 13.30 — Гроз-

¹ Далее идет подробная программа выступления перед офицерами и рядовым составом штаба и ПО ВВФ.

ный. Много нефтеперегонных заводов, много труб и пара от «кукушек». Гор не видно из-за тумана. Люди, не военные, появляются в бурках.

30 октября. В Тбилиси приехали до рассвета, часов в 6. Погода плохая: сырость, морось, туман. Пошли в редакцию «Заря Востока». Корреспондент «Известий» по Грузии Внук Николай Константинович долго пытался нас устроить в гостинице (со мной старший лейтенант Станкевский Дмитрий Александрович), но бесполезно. (...) Ночевали в редакции «Известий». Много пили коньяку, шампанского, сухого. Обилие вин и относительная дешевизна их меня поразили здесь. Бутылка шампанского стоит 87.25, коньяку 113—125 (5 звездочек), разливное сухое 50 р. литр.

31 октября. Ходили на гору в парк имени Сталина. Подъем на фуникулере датской работы (1904 г.). Красиво все очень, но туман скрыл город. Жена Внука красавица. Где-то он ее здесь достал.

Тбилиси — европейский город, только улицы на окраинах, дворики дают вспомнить лермонтовский Тифлис.

Выехали в Сухуми в 20.30.

1 ноября. Рассвет ясный — около Самтреды. Впервые здесь увидел снежные хребты Кавказских гор. Ночью продрог, измерил температуру — 38,3.

Яблоки уже по рублю. Виноград — на 10 рублей больше кило. Солнечная Грузия. Зелень очень свежая, летняя. Перед Сухуми тоннель, наверное, с километр.

Сухуми около 2 часов дня. Совершенно другой мир. Все праздничное, европейское, чистое. Масса носильщиков. (Мы стоим на «Минутке», не доезжая вокзала, который на окраине города.) Ботанический сад, растительность субтропическая. На улицах всевозможные пальмы, кипарисы, какие-то жирные, по 10 сантиметров толщиной листья. Солнечно, тепло.

От военного коменданта сходил в санотдел. Хотели отправить в госпиталь в сторону Поты. Отказался. Температура 38,5.

Взяли со Станкевским номер в гостинице «Абхазия». Я слег совсем. Температура поднялась до 40°. Болит горло. Военный совет Черноморского флота не здесь, в Макопсе. Станкевский получил сухой паек на 3 дня. Придется питаться так.

Над кроватью вьются комары. На набережной моря играет музыка.

2 ноября. Всю почь метался. Утром температура немного понизилась. Ехать дальше пока нельзя. Сегодня еще полежу здесь. Станкевский уехал до завтра в Гудауты — увез письмо и снимки родителям от товарища.

3 ноября. Ходил в санотдел. Мне лучше. Завтра смогу ехать дальше. «Красный черноморец» в Сочи, там остановлюсь, хоть ненадолго. Попутчик вернулся из Гудауты. Привез мандарины, яблок. Походили по городу, по саду, по берегу моря. К морякам здесь какое-то особое трогательное отношение: их и любят и побаиваются. На берегу моря набрал камушков — тонких, чтобы отослать З. К. в письмо. Огромные эвкалипты. А в просветы ближних гор — снеговые вершины. Черт знает что такое!

4 ноября. Отправил Злате в двух письмах камней с берега моря.

В 13.20 выехали в Гагры. Смешные маленькие вагончики. Новый Афон — красивые лесистые горы. Фуникулер. Бывший монастырь. Немножко севернее, на горе, старинная крепость, возможно генуэзская. На спуске на хребте — башня. Очень много мандариновых садов.

5 ноября. В Гагры прибыли вчера ночью. Прошли в Новые Гагры. В гостинице мест не оказалось, нас увели к «тете» на частную квартиру. Семья музыкантов, участников самодеятельного оркестра. Есть грамота за отличное исполнение. Пандура, дутар.

Утром увидели красоту гор гагринских. Узкая полоска между морем и горами заселена. Вокруг домиков в садах все ломится под тяжестью созревающих мандарин.

В Сочи проехали с товарным. Много тоннелей. Удивительные места. Хоста. Мацеста. Огромный мост для шоссе.

У меня денег уже нет. Живу в долг за счет Станкевского.

В Сочи в редакции «Красный черноморец» встретился с Яном Сашиним, Петром Капицей и другими. Зам. редактора — Юдин. Дал им стихотворение «Наша сила». Пойдет завтра.

Наши высадили десант на Керченском полуострове еще 1/X.

Часов в 9 вечера прибыл в Макопсе. Командный отдел. Станкевского направили в гидроотдел — в Сухуми, а я уже в 0.30 выехал дальше к Туапсе (Шепси). Едва нашел на горе ПУ. Полковника Корниенко нет. Принял майор Савицкий — работник отдела кадров. Зам. Корни-

енко (нач. 2 отд.) полковник Баляскин. Начальник отдела печати подполковник Негроров.

6 ноября. Начальник отдела кадров подполковник Егоров после беседы направил меня зам. ответственного редактора многотиражки Новороссийской ВМ базы — «На страже». Ходил в горы лесистые. (...)

6/XI — 43 г., утром наши войска штурмом взяли город Киев — 24 залпа из 324 орудий.

Сегодня на торжественном заседании в ПУ ЧФ докладчик, полковник Баляскин, сообщил, что части Красной Армии и морская пехота высадились 1/XI на крымской земле и ведут успешные бои. Зачитал выдержку из спец. выпуска «Красного черноморца», издаваемого на таманской земле. Слушали доклад Сталина.

7 ноября. 3-я годовщина Октября в дни войны.

Утром прогулка на час по горному шоссе. Болит бок правый снизу. Прочитал № 1 и 2 спец. выпуска «Красный черноморец» о боях за Крым. В сообщении Совинформбюро об этом вчера уже был абзац.

На торжественном офицерском обеде я читал стихи: «Наша сила», «Шинель», «Телеграмма». Хорошо. После обеда, около 5 часов, выехали с начальником отдела печати подполковником Негроровым в Геленджик, где помещается сейчас Новороссийская ВМ база, ПО и редакция многотиражки «На страже». Ехал ночью (около 200 км) на американском дьяволе «виллисе». Шофер — виртуоз, прирожденный лихач, да еще и выпил. Один раз слетели в канаву. Если бы налево, то там высота была метров 100. В селенье женщина остановила машину, дико размахивая руками. Оказывается — приглашает всех в гости. Семья украинская, все женщины. Мы отдохнули, поели. Полно яблок. Пили яблочное вино.

8 ноября. Геленджик. Утром пришли с Негроровым в редакцию «На страже». Ответственный редактор майор Рыбачек. Рыбачек — здоровый детинушка, курносый, спокойный, видно, хозяйственный. Встретил гостей коньяком с кефалью. Кабинет — комната семьянина.

9 ноября. Ночью и вечером сегодня хорошо слышна канонада с Керченского полуострова. После обеда ходил на гору за Геленджиком, на первую небольшую вершину. Туман на вершине. Видел шакалов — маленькие, рыжие.

10 ноября. Ночью вычитывал 4-ю полосу и проморгал одну опечатку: «Асная Армия». Пришлось в половине тиража (1000 экз.) исправлять опечатку от руки. Дал вчера

стихи: «Наша сила», «Дяди», «Десант». Первые два велики. В «Десанте», по мнению редактора, нужно убрать «рассвета» (все же знают, сколько оставалось до рассвета) и «вредную погоду» (в море и не надо волн). Править не буду. Приехала с Керченского полуострова литсотрудник краснофлотец Холостякова. Очень возбуждена, каким я бывал когда-то на Балтике.

То идет дождь, то солнечно. Утром я опять предпринял прогулку, на этот раз на гребень южнее Геленджика.

Надо снова дисциплинировать свой труд, особенно пока есть возможность. *С сегодняшнего дня — минимум десять строк в день хороших стихов* (злободневки не в счет).

Начал писать стихотворение о бойце, читающем книгу. 10 строк. Восемь строк — подпись под карикатуру: немцы в Крыму — в кулаке.

11 ноября. 20 строк для юмористического отдела — «Синяки и шишки». Читаю оттиски полос по ночам (перед утром). «Синяки и шишки» — так можно назвать весь сатирический раздел в газете.

Держится настроение какой-то невменяемости — от тоски. Этот год войны, видимо, будет для меня самым тяжелым: тоскую, мучаюсь от услужливого воображения. Не надо было встречаться и жениться. Я ведь уже совсем был свободен и так радовался этому.

13 ноября. Утром прогулка с детьми Борей и Лялей (соседскими) до горы. Заходили в землянку к бойцам-артиллеристам. Весь Геленджик, особенно по берегу бухты, — сплошные развалины. Редкий дом уцелел.

Опять ангина, в горле язвы. Надо беречься сырого ветра — «морячка».

14 ноября. Воскресенье. Лежу совсем.

На днях Холостякова — лит. сотрудник «На страже», бывшая студентка Ленинградского герценовского института — побывала несколько дней на Таманском полуострове, сходила на катере на Керченский полуостров и уже получила «Красную Звезду». (...)

Прочитал «Сказки» Андерсена в изд. Детиздата и «Нахимов» Тарле. Ужин не принесли. Семья хозяина — Иван Иванович, Татьяна Григорьевна, мать Бори — Зинаида Ивановна — пригласили на выпивон. Не отказался ради пользы для горла. (Лебедевы. Ул. Тельмана, 206).

Морякам тяжелее всех: с моря их бьют, с берега бьют, с воздуха бомбят, из воды тоже бьют — или мины

подстерегают, или подлодки. Усталый экипаж под утро возвращается в порт из тяжелой операции, а их не выпускают: немец ночью набросал в бухту мин.

15 ноября. Приехал сотрудник редакции — Поздняков, и я вечером перебрался па другую квартиру — майор Рыбачек отвел. Врач сказал, что встал я рановато. Завтра денек еще выдержу, полежу.

16 ноября. В редакцию не ходил, но в столовую пришлось ходить. Первый день в новой квартире. Комната — протопили ее, жаряща. Написал 20 строк за 14 и 15 ноября, закончив стихотворение «А я живой».

17 ноября. Днем прогулка втроем за Лермонтовский мостик. В воде чехлы от гранат, куски рельс, железяки всякие, и окуни, и медузы. Дно очень интересное, вода прозрачная.

Наши самолеты учатся, кидают в море бомбы с пикирования.

Написал 10 строк за 16 и 10 за 17, закончив вчерне стихотворение «Сердце моряка».

18 ноября. Майор Рыбачек уехал в Новороссийск, и я остался главой в редакции. Написал передовую и корреспонденцию по политдонесениям. Другие заставил сделать сотрудников.

Делали прививки против сыпняка: укол под левую лопатку, недолго довольно сильная щиплющая боль.

10 строк стихотворения — «Дым, дым окрест».

19 ноября. 10 строк стихотворения «Назови меня именем светлым» для «Солнечной стороны». Днем в типографии делали обложки для четырех моих книжек. (...)

21 ноября. (...) После обеда прогулка на «Толстый мыс» (Южный мыс Геленджикской бухты; северный — «Тонкий»). Обилие тонов на небе, на море, на земле, особенно на вершинах гор. Были грозовые тучи, они погружали часть гор в ночь; с другой стороны сверкало солнце. То же на море: хмурь, чернота и солнечные пятна. Ближе к берегу зеленая вода, изумрудные лужайки, дно видно, дальше море темно-синее, темное, но кажется, что в глубине этой тьмы тоже зеленое царство и дворцы, в одном из которых гостит Садко с гусями переливчатыми. Берег крутой, слоистый. Окопы, блиндажи. Деревья корявые, все, как терновник, кроной к морю, но пригнутые от моря ветрами, стелющиеся, как причудливые ковры; одни голые, другие еще в листьях: желтых, красных, редко — зеленых (дубки).

Набрал букет из веток дуба, шиповника с ягодами, каких-то красных кустарников и черных ягод.

10 строк нового стихотворения для «Солнечной стороны» — «Очень много солнечного света».

23 ноября. Вечером получил первую открытку З. К. (...) Снова разговор с майором Рыбачеком о дисциплине. Меня беспокоит, что старшина Резаев — секретарь — не проявляет должного почтения к зам. редактора (ко мне), брюзжит, даже грубит. А чуть позднее Солодков («Красный флот») сказал мне при всех, что я отталкиваю от себя людей высокомерием своим. Вот уж этого-то я не хочу, и не чувствую за собой вины высокомерия. Солодков говорит языком Резаева. (...)

24 ноября. Новое стихотворение для книги «Солнечная сторона» — «Ты вошла, как рассвет». 10 строк. (...)

25 ноября. Льет дождь. Около 11 часов дня молния, весенний гром. С треском, типичная шумная гроза. Хозяйка здешняя удивилась: ведь уже конец ноября. (...)

Снова начинает болеть горло. Много грязи, и я, в ботиночках, промочил неоднократно ноги. Дописал стихотворение «Ты вошла, как рассвет», а дальше опять не знаю, что писать. Вернее, тем-то много, но душевной взволнованности, необходимой для начала, по крайней мере, ни одна из них не вызывает.

26 ноября. Спал долго, не спокойно. Заболел. Наши прорвали оборону немцев на реке Сож в районе города Пропойск на 60 км и пошли вперед, к Днепру. (...)

До встречи с З. К. я спокойно мог быть на фронте, жил войной, не было ни тоскливо, ни скучно. Сейчас (...) хочется в Москву, узнать — как она живет. Написать о вызове сюда, если захочет. (...)

30 ноября. Правил стихотворение «Переключка» (комсомольцы Сталинграда). 10 строк.

В газете «Красный флот» от 21/XI статья Бориса Соловьева «Стихотворный протокол» (А. Яшин. «Город гнева», Военмориздат, 1943).

1 декабря. Доделывал полосу о комсомоле для газеты. Написал передовую. (...) Все время хочется спать. Будят уже в 5 часов утра, чтобы читать и первую корректуру.

Командир катера Кращенко, парторг Лузанов и комсомолец-краснофлотец Волчихин после аварии катера сражались на берегу. На воде катер загорелся от попада-

ния мины. Моряки по духу, они бросились к катеру вплавь и потушили огонь. Так они делали дважды.

2 декабря. Удивительно теплый, солнечный день с утра. Декабрь, а люди ходят в одних рубашках. Летают мухи, прыгают лягушки, свежая зелень, на огородах еще вьется капуста.

Ходил с Поздняковым в батальон. Потом всю ночь дежурил в редакции. Ничего не писал опять.

3 декабря. Сегодня дождь, грязь. Рыбачек уехал в Новороссийск, и я делаю газету с Резаевым. Ночью ходил на квартиру к Паскину читать. Писал стихотворение ко Дню Конституции.

4 декабря. Почти не спал ночь. Наборщики еще рассыпали одну полосу. Дописал стихотворение «Вперед» — 28 строк. (...)

5 декабря. Стихотворение «Вперед» на первой полосе. В «Красном черноморце» от 4/XII стихотворение «Над синим заливом» («Дяди»).

Ходил гулять к сосновой балке и к морю. Хозяин, Лебедев Иван Иванович, и его два товарища (охотник и рыбак) ждали у моря хорошей погоды с противотанковыми гранатами.

Вечером был в Доме флота на концерте.

6 декабря. Удалось немного пописать. Дал 28 строк стихотворения «Все что есть во мне хорошего».

Приняты решения конференции руководителей трех союзных держав в Тегеране — Рузвельта, Черчилля, Сталина. Решения-то хорошие!..

9 декабря. В редакции рассказывают, как заехал к ним Сельвинский. «Я даю вам стихотворение, вы мне дайте бензину!» Стихотворение его напечатали, а бензину не дали. И сейчас все еще иронизируют. Не понимают острот, летучих фраз. (...)

Сегодня в редакции был майор Старшинов — замполит Куниковского батальона. Молодой, 28 лет, создает приятное впечатление. Хочет в академию, но окончил только 8 классов: «Два есть пути в академию: сдать экзамен за 10 классов или иметь всю грудь в орденах. Для меня возможен только один, второй». (...)

10 строк стихотворения, начатого вчера, — «Русский человек».

10 декабря. Ночью опять была гроза с молниями и резким громом. А сегодня солнечный ясный день. Только грязи много. Снегу я еще не видал в этом году. (...)

Нами взята Знаменка. От З. К. пет писем 3-й день. Очень тревожно. 10 строк — «Русский человек».

«Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников» — Ленинград, 1936 г. 51-я страница — о моем характере.

11 декабря. Уже в 11 ночи, когда нужно было читать полосы и идти в ПО, Резаев сообщил, что майор вечером уехал в Новороссийск. А нет передовой. Пришлось сидеть ночь. Написал: «Еще лучше изучать свое и трофейное оружие».

13 декабря. Ночью подморозило, на лужах лед, на горах лес в инее. Я совсем болен. Но пришлось весь день готовиться к проведению беседы «Всенародная помощь фронту», а она не состоялась из-за переезда в Новороссийск. (...)

14 декабря. Переехал в Новороссийск и я. Город разрушен. На улице нашего дома (К. Маркса, дом 61) стоит подбитый «фердинанд», орудие наведено на окна. В городе много еще мин, и люди часто подрываются. Ходить можно только (там), где ходят другие, не болтаясь по сторонам, по дворам. За городом тоже. В горах здесь гулять не придется. Красива бухта Новороссийская, она же Цемесская. Мол пробит торпедами наших десантников.

Газету печатаем в редакции «Новороссийского рабочего».

15 декабря. Очень нервничал, что после 2,5 лет войны, когда уже окончательно подорвано здоровье, я снова должен нести двойную работу по сравнению с остальными: и газетчика и поэта. Для поэзии опять остается только свободное время, когда остальные отдыхают, а по ней будут судить обо всей моей работе на войне. Написал об этом письмо Злате.

Я вам не кенарь, я поэт,
Я воду в пламень превращаю,
И не Рыбачека, о нет,
В сем грешном мире замещаю.

С землею небо я родню —
От слов земною мощью веет,
Я гром набата заменяю...
Кто заменить меня сумеет?

16 декабря. Майор уехал в Геленджик. Готовлю газету. Ночь не спал, выпускал газету. Холодно, норд-ост.

19 декабря. Сегодня дал литстраницу и в ней, чтобы хоть немного поднять качество материала, свою «Кровь». Дали мне по плану выпуска газеты такую массу работы, что о стихах совершенно забывать надо: на каждый день по 2, редко по одному материалу, причем большинство передовых мои. (...)

С 4.30 до 5.30 ходил в станичку на *Малую землю*. (...)

21 декабря. Вечером в редакции был начальник ПО капитан 1-го ранга Бакаев Михаил Иванович. Гонял Рыбачека за передовую о партактиве. Читал стихотворение Солодкова «Советский человек». Я читал «Русского человека», «Золушку», «Дым-дым», «Жене товарища».

Сегодня опубликовали новый Гимн Советского Союза.

22 декабря. Спал часа 4,5 только. Насморк, чиханье, кашель. От З. К. 4 письма. Очень рад.

Первое письмо от Елены Сергеевны. Дети болели. Она уже не учится, потому что Азово-Черноморский институт механизации сельского хозяйства переехал.

Идут дожди. Приехал Иван Иванович из Геленджика. Вечером, возвращаясь из СНиС¹, я попал в колодец. Пообсох и ходил к нач. парт. отдела, но уже было поздно.

23 декабря. Совсем болен, вот-вот завалюсь. Дали мне «кабинет», — бывший камбуз. Страшно дует в дыры, в щели, в 4 двери, через пол, через грязную развалившуюся плиту.

В Новороссийске на улицах осколков бомб и снарядов не меньше, чем булыжника. Ни единого дома целого нет. Но можно большинство из них восстанавливать. В Сталинграде не то.

Масса мышей. Ночью они бегают по улице. В свете автомобильных фар их видны десятки. Сидишь за столом — лезут почти на ноги. Вечером бегают по моему столу, касаются рук. Пошевелюсь — убегают. Дую на мышью табачным дымом — ничего, выносит. Хлеб откусит и подерживает крошку передними лапками.

24 декабря. Написал передовую и статью «Партактив СНиС». Вечером — проводы Солодкова. Послал З. К. стихотворение «Русский человек». Был в поликлинике.

25 декабря. Будто здесь будет сегодня Рогов. Думаю написать рапорт на его имя... Рогов был проездом.

Ходил за бумагой, достал в тылу у начальника тыла полковника Рябцева 15 кг. Рыбачека начальник ИО

¹ СНиС — служба наблюдения и связи.

отправил в Туапсе за бумагой. Я делал четырехполосный номер. Сам насрался, можно было двухполосный, а я сказал, что в тылу еще есть бумага. В типографии осталось 2 наборщика. 2 — в госпитале, 1 — в отпуске.

26 декабря. Ночью приступ астмы, задыхаюсь. Кашель. Температура 38,8°. Сказал Рыбачеку, что могу совсем свалиться, а он: «Я и сам болен». (...)

Весь день проходило собрание партактива базы. На докладе Бакаева я не был, заканчивал дела с номером.

28 декабря. Писал заново передовую, посоветовавшись с подполковником Карасевым.

29 декабря. Утром приехал Рыбачек и подписал уже сделанную мною газету. Сон: убил седую старуху. Кровь. Хожу и знаю, что все равно поймают.

Сходил в санотдел. Направляют в госпиталь.

Вечером приехали начальник 2-го отдела ПУ ЧФ полковник Корниенко и подполковник Негробов. Едут на Таманский полуостров. На Керченском предстоят большие операции. Говорил с Корниенко о здоровье, о работе. Он очень хороший человек, настоящий человек. Обещал взять в резерв ПУ, чтобы я писал и не болел. Обещал на днях вызвать, даже из госпиталя, в Крым. Очень волнуюсь, боюсь, что не вызовет и моя мечта опять не сбудется. В час ночи, когда Корниенко уже спал, я написал ему записку с просьбой взять с собой сейчас же.

30 декабря. Ночевал в тепле на частной квартире. Корниенко уехал часов в 8 утра, не взяв меня. Написал передовую накануне Нового года.

31 декабря. Вчера вечером температура повысилась до 38,5°. Слег, но надо было идти в ПО проводить партучебу. Пошел. Не состоялась учеба, люди были заняты другим. Ночью был весь мокрый, кашель страшный. На встречу Нового года (общий вечер) не пошел. Посидел дома. Потом поспал. После сидения у печки — шампанское, потом снова работа.

1 января. В 12 часов дня новогодний обед в ПО.

2 января. (...) Направился в госпиталь № 43 (Геленджик), чтобы устроиться на выезд в Сочи вместе с эвакуирующимися ранеными. В районе Цементного завода — в окно вмазаны вместо стекла около 25 зеленых донышек от бутылок. Парикмахерская в завали досок и щебня — трудно ее разглядеть. Был на елке на старой квартире у Лебедевых.

4 января. Вернулся в ПО. Завтра из госпиталя пойдет паром с больными в Сочи. Нач. ПО Бакаев не рекомендует ехать паромом — потопят.

Снова взят Житомир. Взят Новоград-Волынский. Сегодня взята Белая Церковь.

6 января. На попутной машине до Геленджика. Там на КПП сел до Архипо-Осиповки, но по дороге пересел на другую и к 9 часам вечера прибыл в ПУ ЧФ (Шепси. Санаторий нефтяников). В ноябре прибыл сюда в ночь на 6-е — магия чисел. С самого утра чувствовал, что дорога будет удачной, так и получилось. Особенно счастливой была пересадка с машины на машину в пути. Думал, пересаживаюсь только до Туапсе, а она довезла прямо до ПУ. Встретил полковник Баляскин — зам. Корниенко.

7 января. Узнал, что Корниенко тяжело (в голову) ранен па Чушке. Ночью в домике было много начальства. Одна случайная бомба — и 17 человек выведены из строя. Это и личное мое горе — Корниенко хорошо меня понимал и мог поддержать меня. Умный, трезвый человек.

Вечером взял да и выпил один в углу за чемоданом целую бутылку шампанского.

8 января. Оказывается, Бакаев в пакете не сообщил ничего о решении Рогова, как сам говорил мне, а только отправил меня в распоряжение отдела кадров ПУ, и меня опять хотят запереть в газету. Уже Баляскин наметил было секретарем в Потти.

9 января. Закончил правку «Клятвы». Радостное сообщение: Корниенко будет здоров через месяц. Его направляют в госпиталь в Сочи.

Снова начну писать ежедневно. В «Солнечную сторону» вписал уже 11-е стихотворение — «Русский человек». Его нужно поставить вторым, после «Золушки».

10 января. С утра сильный ветер, юго-западный. На море шторм баллов в 9. Из окна ПУ виден мол Туапсе (8 км по прямой). Волны, разбиваясь о мол, поднимают столбы воды. Похоже, как будто рвутся глубинные бомбы. Стихотворение «Мой народ» — 20 строк.

11 января. Шторм на море. Временами дождь. Вечером читал «Русского человека», «Клятву» и др. полковнику Баляскину.

10 строк — пейзаж — шторм на море.

12 января. Не писал. Тихий морозный день — резкая перемена. Море все еще ходит. Сел на гальку — и одна волна, неожиданно огромная, окружила меня всего. Вымок.

В «Огоньке» № 45 за 10/XI — 43 г. видел рецензию на «Город гнева». В «Смене» № 19 (октябрь 1943 г.) мое стихотворение «В грозу».

Сочи. У Сашина и Ольги Высоцкой (жены) выпили 2 бутылки шампанского — на мой гонорар. Писали Рынду. Видел старика Ряховского. Семен Семенович Клебанов просит стихов для «Черноморского летчика». Ночью Сашин на авто увез меня в госпиталь. Ночевал в приемном покое санатория Ленгорздрави. Мороз, идет снег. Не топят.

13 января. Утром перевезли в санаторий Наркомзема. Лежу в вестибюле. Холодно. Не писал.

15 января. Перевели в постоянную палату. Вчера вечером и сегодня были очень сильные приступы астмы. Снег идет. Слякоть. Холодно.

17 января. Сочи, ВМГ № 40. Все еще лежит снег (2-й день). Снег на пальмах и кипарисах, на агаве, на

зелени. Вчера мы проснулись и увидели настоящую русскую зиму.

Поставил в палате стол, буду работать.

18 января. Ночью (в 2 часа) был приступ астмы. Сейчас ежедневно 1—2 раза приступы. В мокроте спирали Куршмана. Опять полоса тяжелейшего настроения, не могу работать и не знаю, как сбить себя с этой точки, как вывести себя из этого состояния меланхолии. Влюбиться бы, что ли. От Златы ничего нет; есть, вероятно, в ПУ.

Был у Корниенко.

20 января. Взят Петергоф, Красное Село, Дудергоф.

Ночью на 20-е (сидел до 4 часов) снова думал о сюжете «Бабыя дорога» или «Земля богатырей» — начало: описание богатырского рода. Сплетение сказочности и современности. Мать. Ее сила в любви к сыну.

21 января. Вчера был взят Новгород. Ленинградский фронт имеет большой успех: войска, начавшие наступление южнее Ораниенбаума, соединились с войсками, наступающими из района Пулково. Взят Стрельна, Урицк (Лигово) и др. пункты.

Закончил стихотворение «В Крыму» («Возвращение»). Долг 30 строк.

22 января. Вчера взята Мга.

Прочитаны: 1. Андрей Платонов — «Оборона Семидворья»; 2. «Луна зашла» — Дж. Стейнбек; 3. А. Бек — «Панфиловцы на первом рубеже» — повесть о страхе и бесстрашии («Знамя» № 5—6, 1943).

23 января. Даниил Иосифович Корниенко, вернув «Мать» и «Северянку», сказал, что хорошо дается природа, — это хорошо. Надо лучше и больше показывать людей, искусство — в раскрытии через характер человека, идеи — в умении показывать общее через частное. Не надо общих стихотворных заклинаний.

Атака. Березы — хорошо. Людей, людей надо рисовать и давать им характеристики. (Все это не ново для меня, но мне обо всем этом следует напоминать как можно чаще.) «Мать» продолжения не требует. Читается с интересом.

Написал 20 строк — «Люблю по-старому». Долг покрыл еще вчера.

26 января. В «Красном черноморце» моя «Лирика»: «Сердце черноморца», «Золушка», «Я живой».

Получил несколько писем — переслал из ПУ Джа-

тив¹. Послал З. К.— «В Крыму». 10 строк — «Земля богатырей» (поэма).

31 января, воскресенье. Был Джатиев. Сообщил, что моя книга в Архангельске в 1941 г. вышла, и он даже 1 экземпляр привез в Москву. А я о ней уже и думать забыл. Очень рад, что она вышла. Читаю «Падение Парижа».

1 февраля. Взял Кингисепп. Очень приятно было вчера услышать по радио перечисление освобожденных пунктов, в которых начиналась моя военная жизнь: Пейпия, Муккова, Малли, Алексеевка, Котлы и пр.

Очень радостно. (...)

2 февраля. Корниенко делали 2-ю операцию, сложную — снимали нагноение под черепом за левым ухом.

Снег, дождь, снег, дождь.

5 февраля. Корниенко стало хуже. Ходил в редакцию. Получил грудку писем. Читал весь вечер. 12 декабря 1943 г. родилась дочь Нина. (...)

Няня рассказывает: купалась в море и увидела людинову голову и руку. Больше купаться не стала. (...)

6 февраля. Теплый солнечный день. Написал письмо З. К., сообщил о рождении Нины; послал вырезку «Лирики»², стихи «Шторм» и «Человек пришел». (...)

Написал для «Земли богатырей» — о речке и тропке — 28 строк.

8 февраля. 20 строк для поэмы «Земля богатырей» — «Качай, белка, ветку, скачи на разведку».

10 февраля. З. К. приехала в Сочи. Встретил ее случайно в городе, шел из магазина продторга, где покупал колодку для медалей, в редакцию. Утром чувствовал, что мне нужно зачем-то быть в городе, хотя дела не было.

17 февраля. З. К. живет у профессора хирургии Цеткина Максима Осиповича — сына Клары Цеткин. Жена его — Миловидова Эмилия Яковлевна. Дочь в Литинституте — Генриетта Миловидова.

Госпиталь мой в бывшем санатории «Красная Москва».

Немецкие 10 дивизий и одна бригада в районе Корсунь-Шевченковского ликвидированы. 11 тысяч пленных.

¹ Джатиев Тотырбек Исмаилович — осетинский прозаик, друг А. Яшина в Литинституте, на фронте и после войны.

² «Лирика» — подборка нескольких стихотворений.

52 тысячи трупов. 20 тысяч убитых среди пробивавшихся к окруженным.

18 февраля. (...) Джатиев и Злата по договоренности с Корниенко сходили к зам. начальника госпиталя Кубышкину и оформили мой перевод в Москву, в Сокольники.

24 февраля. Выехали из Сочи в 7.30 вечера. (...)

26 февраля. Прибыли в Сухуми. Сутки стояли из-за обвалов и размывов. Лежит снег. Снег в Сухуми. Это жалко: хотелось показать Злате все в лучшем виде. У вокзала выпили вина в чуланчике. Я две стопки чачи по 20 рублей.

29 февраля. Остановились в Гори. Ходили к домику Сталина, на гору, осмотрели развалины старинной крепости. На дачном прибыли в Тбилиси. Поздно вечером пришли на ул. Прессы, д. 6. Коридзе Николай Виссарионович, грузин, зубной техник, и его жена Арутюнова Вера Исааковна, армянка, зубной врач.

2 марта. Вчера весь день пили с Коридзе. Выпили, кажется, литров 9 вина. (...) Сегодня выезжаем. Через штаб Закавказского фронта — майор Бережанов в Интендантском управлении, симпатичный, как Щипачев, — достал, наконец, необходимые талончики на получение сухого пайка. (...)

3 марта. Вечером Баку. Смеркалось уже. Позднее сильный ветер.

7 марта. Проехали Балашов. Скоро Тамбов. Здесь снег, но есть проталины. Холодно. (...)

8 марта. Приехали в Москву. По расписанию в 9 ч. утра, а прибыли в 6 ч. вечера. Чувствую себя плохо. Часто повторяются приступы астмы.

9 марта. Впервые видел салют Москвы, два даже: войскам 1-го Украинского фронта, прорвавшим оборону немцев к Тарнополю и Проскурову, и войскам, взявшим г. Старокопстантинов.

14 марта. Лег в Центральный московский ВМГ (Сокольники).

Прочитал «Песнь о Гайавате».

22 марта. Вчера сообщили, что Финляндия отказалась от наших 6 предложений для переговоров о мире. Наши войска уже за Днестром. Вспомнил: Ленинград — на камбузах все мухи подошли. Раскупили горчицу, пекли лепешки, смешав с мукой на 50%. Масло — касторовое. Вонь, когда жарили. Куплено было для смазки сапог. (...)

27 марта. День рождения. Злата принесла сборник стихов Гослита — антология. Калевалу — подарок библиотеки Литинститута, разрезной нож из слоновой кости, цепь с двумя брелоками для ножа, яств и 1/8 водки.

28 марта. Главврач и нач. отделения — Жильцов и Доброхотов — вызвали и говорили относительно демобилизации. Есть заключение профессора.

Сегодня взяли город Николаев.

31 марта. Приходил Дьяков Борис Александрович. Рекомендует влить в «Землю богатырей» и «Сыну с фронта» и «Солнечную сторону». Принесли сборник «Боевая молодость».

1 апреля. Отослал письма: Е. С., Корниенко, Майскому, Рудневу. Весь день мучительные размышления.

2 апреля. Прочитал 4-ю, последнюю книгу чудесного произведения «В лесах» и «На горах». Мельников-Печерский прекрасный знаток жизни и языка Поволжья, реалист, истинный художник, но нередко сбивается с правильной художественной стези на тенденцию. (...)

«Начальнику 2 отделения Главного ПУ генерал-майору Рябову поэта, капитана Александра Яшина

РАПОРТ

Товарищ генерал-майор!

Согласно заключению Военно — Врачебной комиссии и по моему рапорту я был переведен в прошлом году на Черноморский флот. Служил зам. ответственного редактора ежедневной газеты ПО Новороссийской ВМБ. Работа была тяжелая, больше ночная, не было корректора, опытный секретарь ушел в длительный отпуск, к тому же начались норд-осты, и я снова заболел. Долго работал с высокой температурой, тянул газету до возвращения из командировки редактора, потом попал в госпиталь в Сочи. Бронхиальная астма обострилась, тяжелые приступы удушья стали почти ежедневными, и меня с сопровождением эвакуировали в Центральный московский ВМГ (Сокольники), где сейчас и нахожусь.

Здесь, в ЦВМГ, после консультации профессора мне предложили демобилизацию, чтобы я пожил на полной свободе — в какой-нибудь высокогорной или степной местности с сухим климатом.

Болесть я начал в первый год войны — осенью и зимой на Ленинградском фронте. Из Ленинграда был эвакуирован для поправки здоровья по распоряжению ге-

нерал-лейтенанта тов. Рогова на Волгу, но там в период боев за Сталинград здоровье мое еще больше ухудшилось. Сейчас основной диагноз: бронхиальная астма и бронхоэктазия. Есть сопутствующие заболевания.

Демобилизация при настоящем моем состоянии для меня не избавление от болезни. Боюсь, что при нынешних условиях мне будет хуже. За все время войны я нес двойную нагрузку: работал или в газетах, или в Политотделах и одновременно писал, как поэт. За период войны у меня вышло из печати 5 книжек стихов: «Красная Горка» и «Город гнева» (Военмориздат), «На Балтике было» («Сов. писатель»), «Стихи» (Сев. ОГИЗ) и «Город гнева» («Молодая гвардия»).

Нельзя ли меня сейчас не демобилизовать, но оставить на некоторое время с одной нагрузкой — нагрузкой поэта (я же писать все равно буду для флота)? Иными словами, нельзя ли попросить мне в связи с болезнью о длительном отпуске».

14 апреля, пятница. Исключительно бурно развиваются события: 10/IV была взята Одесса — с ходу, неожиданно быстро. Несколько дней назад началось наступление в Крыму с севера и с востока. 11/IV прорвали перекопские укрепления и взяли Армянск. Одновременно форсировали Сиваш. На другой день сообщили о взятии Джанкоя. На 3-й день — в 18 км от Симферополя и Керчь.

Вчера (4-й день) было три салюта: Феодосия, Евпатория, Симферополь. Вчера же взяли и Овидиополь, позавчера Тирасполь. Недавно вышли на границу с Чехословакией и Румынией.

25 апреля. По радио переданы мои стихи: «В Крыму», «Севастополь», «Шторм», «Назови меня именем светлым», «Я живой», «Рассвет», «Вперед».

1 мая. Выступал в кино «Форум» 2 раза.

8 мая. Первая годовщина со дня нашей встречи. Купил коробку — белую кость. (...)

Получил контрольный листок в паспорт. Сейчас все сделано: паспорт и военный билет (снят с учета вовсе) на руках. Липкин тоже демобилизовался, ушел в запас.

9 мая, вторник. Дети прописаны постоянно еще вчера¹.

¹ В комнате своей на Дзержинской улице поэт прописал Е. С. Смирницкую и детей, вернувшихся из эвакуации в Калининскую область и вывезенных им оттуда без пропуска в Москву.

Вечером были Дьяков и Майский. У Майского обход поэтов: сегодня был у Симонова, Михалкова, у Васильева. От меня уже не смог уйти, опоздал к кому-то еще.

В 0.45 сообщили о взятии штурмом Севастополя.

10 мая. В «Красном флоте» мое стихотворение «Вперед» (Севастополь). Готовил рукопись Майскому — «Клятва»¹.

11 мая. В 9.30 выступал по радио: «Советские поэты — Севастополю» — Асеев, Яшин, Жаров, Солодарь.

К 11 часам приехали на завод имени Сталина. Выступал в трех цехах до 3 часов дня — всего 4 раза (в первом цехе 2 раза).

21 мая. Выступал в Доме кино на вечере, посвященном Севастополю.

25 мая. В «Комсомольской правде» мое стихотворение «Шторм». Говорил по телефону с Еленой Феликсовной Усиевич. Она говорила очень оживленно с дыханием: «Ах, знаете, я очень рада, очень много прекрасных стихов у вас». (Она прочитала мой сборник «Клятва» для Челябингиза.)

28 мая. Выступал днем в Измайловском ПКЮ. Потом катались на шлюпке с Ошаниным и культработником парка.

Читая хорошую рукопись, отмечаешь плохие места, строчки, а в рукописи начинающего автора — хорошие, ибо их не так много. (...)

31 мая. Внес правку в ред. «Новый мир» в стихотворение «Клятва». В Наркомате ВМФ (пенсионный отдел) сдал документы на пенсию. Прочитал книжку Гудзия «Лев Толстой». Надо написать стихотворение «Толстой».

6 июня 1944 г. Объединенные военно-морские силы союзников под прикрытием крупных сил авиации сегодня утром начали высадку десантных войск на северном побережье Франции. Пролив пересекало до 4000 судов и несколько тысяч вспомогательных. Участвовало 11 000 самолетов первой линии. *Это открытие второго фронта* Пока все идет удачно, по плану.

В троллейбусе, когда ехал к Усиевич, с трудом удержался, чтобы не объявить всем услышанное по радио. Какому-то старшему лейтенанту все-таки сказал. Пожалел, что не на фронте...

¹ «К л я т в а» — миниатюрный сборник стихов вышел в Челябинске.

Отдал Усиевич сборник «Земля богатырей» на рецензию.

11 июня. Днем выступал в ЦПКиО с Васильевым и Солодарем (о Крыме). Был Мандрико (2-й раз уже). Вечером были Игумнов и Смолин. (...)

В 11 часов ночи снова салют — 1-й после перерыва. Войска Ленинградского фронта пошли в наступление (вчера) на Карельском перешейке против финнов, прорвали долговременную линию обороны, прошли за 2 дня до 24 км и расширили прорыв до 40 км.

Все больше начинаю любить старину русскую — в архитектуре, в живописи, в языке. Читаю и смотрю Рериха. (...)

20 июня. В 0.15 сообщили о взятии штурмом Выборга. Стремительно. Даже я не ожидал этого. В 0.30 — салют, 20 залпов. Говорову — командующему Ленинградским фронтом на Карельском перешейке — дали звание Маршала Советского Союза.

29 июня. Снова развернулось наше наступление. На этот раз в Белоруссии. Уже взяты Витебск, Орша, Могилев. В районе Витебска окружены и ликвидированы 5 немецких дивизий. Остатки — около 10 тысяч человек — капитулировали.

27/VI я вдруг почувствовал сильную боль в правой стороне груди. Слег. Банки не помогли. Сегодня в груди все еще боль. С утра кровохаркание. К полудню прекратилось.

1 июля. (...) Сегодня З. К. встретилась, как условились, с Е. С. В Литфонде достала ей на месяц карточку в столовую и 6 талонов дополнительных для детей. Е. С. согласилась оставить у меня детей на 2 ночи (до понедельника) и сама привела их сегодня. Яшу и Таню вымыли в ванне. Оба смотрели салют, были довольны, от нас хорошо видно.

За дни болезни не писал, но прочитал: 1. «Казаки» — Толстого; 2. «Слепой музыкант» — Короленко; 3. «Капитан I ранга» — Новикова-Прибоя; 4. «Песня песней» — Шолом-Алейхема и еще кое-какую мелочь. Как быстро забылось читанное уже по нескольку раз.

2 июля. Ездили с детьми: Ново-Девичий монастырь, через мост на Воробьевы горы, Нескучный сад, ЦПКиО и на Дзержинскую.

3 июля. Взяли Минск.

5 июля. Ездил в Павлов-Посад к Мане, двоюродной сестре на Павлово-Посадскую текстильную фабрику. Маню отпустили совсем, рассчитают дня через 4. (...)

7 июля. С 8 часов вечера до 12.30 был у Перцова В. О. Общее мнение о рукописи у него хорошее. Говорили о сокращениях.

Рассказ: После войны человек возвращается на дачу. Ничего не изменилось, не нарушилось, даже странно. Но вот — вырублен лес. Жалко. И вдруг видит, какие дали открылись благодаря этой порубке.

23 июля. День ВМФ. Выступал в парке «Сокольники» и в ЦПКиО. Ездил со Златой. Наши уже в Литве, Латвии и в Польше. В Германии генеральский бунт. На Гитлера было произведено покушение.

26 июля. Опоздал на выступление в резерве Гл. упр. связи РККА.

Все больше раздражаюсь, что не имею уединения и не могу работать. Надо жить одному где-нибудь. Пусть лучше считают плохим мужем, только бы работалось.

Часов с 5 до 9 с лишним вечера был в «Комсомольской правде» и в «Правде». В «Правду» отдал «Ключи счастья». Редактор «Комсомольской правды» Бурков Борис Сергеевич принял «Клятву» (прочитал при мне), предложил командировку в Вологодскую область. «Русский человек» ему не понравился.

27 июля. Рекорд: 5 салютов — 8, 9, 10, 11, 12 часов вечера. Белосток, Двинск, Станислав, Львов, Шяуляй.

30 июля. Были с З. К. весь день в Переделкино, гуляли. Были Дьяков и Тюрин Михаил Иванович, потом Перцов с женой.

31 июля. Получил в ЦК ВЛКСМ через Пенкина броню на 2 билета. В «Молодой гвардии» заключили договор на сборник «Земля богатырей».

1 августа. Получил билет только один. В Литфонде выдали американские подарки: пальто, отрез на костюм, ботинки, носки, шарф, джемпер, пару белья, рубашку, перчатки.

Поезда идут ежедневно в 15 часов — № 6. Маню посадил без билета и пропуска. Судьба мне в этом году крутиться на железных дорогах...

2 августа. В 11.30 Шарья. Был в РИКе — секретарь Малинина устроила в столовую. С Маней пришлось и этот хлеб разделить. (...)

4 августа. Выехали на авто. Шофер Рыжков Нико-

лай. В Шарье много ягод — голубика 3 р. стакан, черника — 4, малина — 5 р.

5 августа. Блудново. Приехал с Югского лесопункта на лошади. В полях пахут мальчики. Ко мне в комнату заходят степенно, здороваются по-взрослому, подают руку. Мать сидела, держа ногу в чугуне с теплой водой (язвы), хотя врач советовал обратное — совершенно не мочить ног. Она рассказала, как обработала свой огород. Сговорились 6 баб и пахали сами поочередно все 6 участков: 5 тянут плуг, одна за плугом. И женщины отнюдь не молодые: маме 52 года, Зина — жена Миши, Анна — жена Николая (вместо моей сестры Нины, которая умерла), жена председателя колхоза Анна Зинкова и др. Так пахали по всей деревне. Кони подошли этой зимой. Сейчас лошадей 20 в колхозе всего.

Полька Лукишина в каждый мой приезд говорит, что она умирает с голоду. И так много лет. Всю жизнь. Это психология крестьянина. В каждом почти дому убитые, чаще 2—3 человека, о многих нет известий по году и больше, но в их жизнь еще верят.

Мама была рада подаркам (Злата послала сапоги, юбки, материал, конфеты, сельдей и пр.), а я обрадовался, увидев 2 пары новых ботинок, костюм, печатную машинку, Даля, Ушакова, пословицы Даля, малую серию библиотеки поэта и другие книги¹.

Брат Миша убит 24 декабря 1942 года около 16 часов дня. Официально сообщения не было, было письмо от товарища какого-то, Смирнова Василия Ивановича. Жена его (Миши) Зина пришла, заплакала, и я не утешил.

6 августа. Вечером выступал на общем собрании колхозников. Основа колхоза — женщины, которых я знал школьницами. Работают в колхозе прекрасно, с рвением. С сенокосом справились. Сена нагребли и наметали столько, сколько и при мужиках не всегда удавалось. Председатель — Александр Михайлович Попов (Митрошенок) и учительница Елена Прокопьевна Шоринова хвалили колхозниц.

На стене, на большом листе напечатано мое стихотворение «Памяти брата» и внизу в скобках прибавлено: «В честь погибшего брата Михаила». Я говорил о нем-

¹ Эти вещи перевезла в Блудново Гали Александровна Громыко в 1941 году.

цах, о русском человеке и солдате, о войне и читал стихи. (...)

9 августа. Вечером дождь прекратился, и я с Васюткой¹ сходил на реку. Убил первую утку (влёт). Удили — но безрезультатно. Ежедневно печатаю на машинке письма Злате. Понемногу пишу повесть. Никаких известий с фронтов не получаю. Может быть, уже и Варшаву взяли, а я ничего не знаю.

Родные приготовили для меня пива к 10 июля, а я не приехал. Сейчас мама снова что-то затевает. Она очень больна. На руках и на ногах язвы. Никакой обуви носить не может. Из племянников очень нравится Нинин Васютка. Чудесные глаза у него, темные, зрачков не видно. Санин Васютка самый маленький из трех Васюток — антипатичен. Он непослушен. То орет, дерется, то плачет и все чего-нибудь выпрашивает.

Ружье уцелело. Сейчас я могу его взять, раз Миши не стало. Возвращается ко мне и велосипед. Я его оставляю здесь. Завтра думаю сходить в сельсовет.

10 августа. Был в сельсовете — 10 км до села Пермас. До Сторожевой ехал на вело, потом пешком (камеры не держат воздух). У мамы готов чайник пива (из Саниной ржи). Пил утром и вечером.

11 августа. В Никольск. (Хороший жеребец у колхоза.) Маме на ВТЭК дали инвалидность 2-й группы. Положил ее в больницу. Говорил с секретарями РК Карандашевым и Красиковым относительно матери. Обещали всячески помогать ей, выделить ее.

Вечером выступал в кино перед сеансом. Хороши безрезки в парке перед собором — Домом соцкультуры.

12 августа. В «Комсомольской правде» мое стихотворение «Голос любви». В библиотеке заведующая — Карандашева Мария Сергеевна. (...) В Никольске предложили устроить вечер.

13 августа. Воскресенье. Был на базаре. Бедно. Заказал пестерь. Ягоды — черника, смородина, малина. Молоко 20 р. литр. Медвежонок — 1500 рублей (шалун большой). (...)

В библиотеке взял 6 книг священных (из библиотеки кладбищенской церкви).

15 августа. Выступал по радио (трансляционная сеть по Никольскому району). Речь, в ней стихотворе-

¹ Горчаков Василий Антипьевич — сводный брат А. Яшина, умер 12 лет в 1951 году.

ние «Письмо вологодским колхозникам» и прочитал 5 стихотворений. Диктор — Елена Корзинкова. (...) Выпросил у нее Евангелие. Долго сидели. Плохо я уже понимаю девушек. (...)

17 августа. Приехал в Блудново около 6 ч. вечера. До Югского лесопункта на авто. Волновался, хотел читать письма Златы, а ни одного письма не оказалось, только открытка. У Николая¹ в петлю попал лось (корова) на Казином болоте. Я хотел было ночью идти за мясом, но побоялся, что начну кашлять, — путь по воде, по колену.

18 августа. Едим лосиное мясо. Чудесное, свежее, жирное, нежное. Корова пудов на 15 чистого мяса. Судя по голове — молодая. Ходили с председателем по ржаному полю. Я жал (снопов 5). Работают люди хорошо. Потом — курятник и кузница.

19 августа. Не смог уехать в Никольск — жеребец Смелый ушел в Скочково за печником. Начали молотьбу, но несущая солома наматывается на барабан. Пока только «налаживаются». Подает снопы девочка, режет пояса мальчик. Ходил с председателем на горох. Караулит горох Николай Прокопьевич (зять). Он накормил мясными щами из лося. Получил 3 письма от Златы. Переслала письмо Татьяничевой: будут издавать книгу.

Вечером — еще светло — у самой деревни (за Полькой Лукишиной на болотистом месте) медведь напал на коров. Услышали рев коровы. Ребятишки еще застали медведя. Корова (Марии, жены Александра Васильевича) осталась жива, но ее пришлось прирезать: вырвано вымя, вылезли кишки. Прирезал Павел Сергеевич при мне. Мария очень ревет: 4 детей, муж на фронте. Но мясо берет колхоз, а ей дадут новую корову.

Председатель сельсовета Чербунин. Молодой, живой, резкий человек. Оказывается, он вчера послал мне записку о том, что вечер откладывается. Но молоковоз Паша Грунин не передал ее, опять забыл.

«Никольский коммунар», 17/VIII — 44 г. «По городу и району» — «Поэт-фронтовик — у себя на родине»:

«На днях к нам в район приехал земляк поэт-фронтовик Александр Яковлевич Яшин. Товарищ Яшин побывал в своем родном колхозе «Красный пахарь» Пермаского сельсовета. Присутствуя на колхозном собрании,

¹ Горчаков Николай Прокопьевич — кузнец, охотник, муж родной сестры А. Яшина — Нины Яковлевны, которая умерла перед войной.

тов. Яшин рассказал много эпизодов о фронтовой жизни, а также прочитал несколько своих стихотворений и призвал односельчан к честному труду в выполнении стоящих задач. Е. Шоринова».

20 августа. Воскресенье. Председатель сельсовета Чербунин, Михаил Алексеевич¹, Петр Сергеевич и я на Переволоках (Юг-река) «плавили» рыбу «плавухой» (сеть в один ряд). Другую сеть поставили ниже, но слишком на низком месте и ее, забив тиной, снесло. Все наши труды пропали даром, только одного щучонка Чербунин рукой поймал в «плавухе». Очень продрогли все. Ходили до этого по реке с ружьем, тоже без пользы.

21 августа. Сходил в черную баню. Весь день сидел писал стихотворение «По деревне ходит хмель». От Златы два письма.

22 августа. Снова «плавили» рыбу — 5 человек. Ушли в 7.30, вернулись к 9 ч. вечера. Всего — больше 2 пудов. Каждому по 14 фунтов и 8 фунтов добавочно Павлу Сергеевичу за «плавуху».

Мама пешком вернулась из больницы. Рано выписалась, не долечилась. От Златы 2 открытки. Она получила договор от Татьянической: 2500 строк по 10 рублей.

23 августа. Вечером с председателем и бригадиром ездили в Пермас на открытое партсобрание. Отчеты председателей колхозов о ходе уборочной. Присутствовал пред. РИКа Подольский Андрей Андреевич. Он хорошо говорил о погоде этой осени, похожей на осень 1935, 1939 годов, и неблагоприятной для уборки.

Блудновский колхоз выделяют. Наш председатель считается одним из лучших в районе.

С 9 до 11 ночи я рассказывал о людях на войне и читал стихи. Читал много и довоенных стихов.

Оказывается, наши уже подошли к границе Пруссии. Варшава окружена. Союзники взяли Орлеан. Стоят близко от Парижа. В Нормандии полностью окружены 11 немецких дивизий. И т. д.

24 августа. Написал сцену — у генерала Данилова.

С председателем договорились, что в Москве буду пытаться достать для колхоза гвоздей. Напечатал требование на 10 ящиков.

¹ Горчаков Михаил Алексеевич — пчеловод, охотник, друг, «егерь» А. Яшина, отец Зины, жены брата Михаила. Является прообразом деда в повести «Сирота» и поэме «Алена Фомина».

25 августа. Убил утку, упала в озеро, достать не смог. Потом пришлось сходить еще раз, но уже с топором. Когда срубал тычины, из-под ног выскочил зайчонок — серый, жирный, коротконогий.

26 августа. Дописал первый очерк для «Комсомольской правды».

27 августа. Убил 3 голубей. Завтра Успеньев день.

Вечером опять переполох из-за медведя. Со всей деревни женщины и ребятишки сбежались в Летовище к коровам. Я с пистолетом пробежал из Угла до реки Юг через Крутые — никого не видел. Все коровы и телята целы.

Был в скотном дворе. Скотницы рассказывают об «озерных коровах» с большим убеждением.

Разговаривал на Угоре с девушками. Тоскуют без женихов. Большинству уже 20—21 год. Есть некоторые по 25. Это уже перестарки, их никто замуж не возьмет. Винят во всем Гитлера. (...)

Дорогие девочки,
Чего мы ожидали?
Только то и делали —
В солдаты провожали.

29 августа. Приехал в Никольск. Очень много чудес узнал: в Румынии сменилось правительство. Румыны объявили войну Германии. Венгрия объявила нейтралитет. Болгария предложила немцам покинуть страну. Взят Кишинев. Вечером сообщили о взятии Констанцы (во взаимодействии с кораблями Черноморского флота — 3-й Украинский фронт). Взят Париж. Сталин послал приветствие де Голлю. Взят Марсель.

30 августа. Провел вечер в парткабинете. С 7.20 до 9.30. Расходиться не хотели. Потом с врачом Зоей Павловой Ермолиной¹ ходили в амбулаторию за шприцем, чтобы сделать инъекцию эфедрина. Взят Плоешти.

31 августа. Обостряется астматическое состояние. Был у врача Ермолиной, а ночью начался тяжелый приступ в 4 ч. утра. Не могу дышать!

1 сентября. Совсем слег. Вчера наши войска вошли в Бухарест.

2 сентября. Лежу. Ухаживают. Зав. парткабинетом Малафеевская Анна Иосифовна подарила Библию. Носят еду из столовой.

¹ З. П. Ермолиной посвящены стихи: «Отпускник», «Прогулки» (оно же «Время любви»).

3 сентября. Ходил с Пановым Георгием Александровичем и его двумя собаками на охоту за деревню Криводево. Убили одного зайца. Рано утром ходил на опорный пункт — опытный участок Спириной, — нарвал букет астр для Зои Павловны.

4 сентября. Никольск. Встреча с детьми от 7 до 13 лет в школе детдома — где раньше был пионерский клуб и где я учился в 4-м классе. Был на танцах, виделся с Мишей Смирновым — он в Челябинском обкоме ВКП(б) зав. отделом промышленности.

5 сентября. На лошади приехал в Блудново и опять слег. Лихорадка, потом потливость — даже постель вся мокрая.

6 сентября. Лежу. Думал: от З. К. горы писем в Блуднове, а только одно, полученное еще 30/VIII.

1. Волк среди коров. 2. За один день волки зарезали четырех телят.

9 сентября. Послал за врачом для матери. Прислали Ермолину.

10 сентября. Ходили в сельсовет: я, председатель колхоза и врач. Обратил на лошади Пермасского колхоза «Организатор».

11 сентября. В Никольск на кляче — жеребец захромал.

13 сентября. Вчера подговаривал на охоту за медведями в военкомате и в НКВД (Тропин), а сам чувствую себя очень плохо, особенно по вечерам. Вечером прогулка через кладбищенскую церковь за астрами.

На фронтах дела идут к концу войны. Болгария объявила войну Германии. С Финляндией военные действия прекращены. Наши предварительные условия финны приняли. А Варшаву все еще взять не можем.

16 сентября. Наши войска вошли в Софию.

Вчера ходил в Аксентьево. Накануне выход до Полькиной мельницы. Хожу много, а все не могу прочистить легкие. Гойная посуда — чистая. Гоить — мыть, чистить. Заказал катать валенки себе и Яше. От Златы телеграмма: «...начинаю работать Щусева, жду приезда, твоя Злата». Очень все беспокоит. Надо скорее в Москву.

Прочитал драматическую трилогию А. К. Толстого — «Смерть Ивана Грозного», «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис». Дочитал «Консуэлло» Жорж Санд.

18 сентября. Никак не могу выехать в Блудново, все жду, когда Пьянков исправит велосипед. Вчера копали

картошку. Сегодня чувствую усталость и ломоту в членах. Прочитал «Князь Серебряный» А. К. Толстого.

Думаю, думаю, без конца думаю о Злате. Не смог я одолеть себя, как хотел, не смог стать выше себя.

19 сентября. На авто приехал домой (до Югского лесопункта с Леонидовым — он едет в Пермас, возить хлеб). До войны Никольский район при полном наличии машин и рабочей силы в колхозах поставлял государству 160 000 пудов хлеба в год. Ныне дает 300 000 пудов.

Дома от Златы есть письма, в том числе гневное.

20 сентября. Дожали овес у Сани, и я принес в дом «Гостью».

22 сентября. Ездили с мамой за сеном. Одна копна на выгорках украдена. Овес в поле изброжен медведем.

23 сентября. Приехал в город Никольск совсем, чтобы отправиться в Москву. Вчера наши взяли Таллин.

Чтобы маму освобождали ежегодно, автоматически от всяких натуральных и иных налогов, надо оформиться ей как пенсионерке — на это она имеет право.

25 сентября. Выступал в Доме соцкультуры — встреча с учителями — делегатами районного совещания учителей средних школ.

27 сентября. Выхать на военной машине не смог из-за маминых дел. Потом ходил на Вахрамеевские узоры. Стрельба в носовой платок, подаренный неизвестно кем.

28 сентября. Выхали в гараж, потом к Панову. Добралась до Березова. Едет и Лешукова Лидия Васильевна. Изумительная осень — золотая, тихая, ясная.

30 сентября. Утром прибыли в Шарью. В 11 часов ночи выехал в Москву.

1 октября. Поздно вечером прибыл в Москву. Злата телеграмму не получила еще и на вокзал не пришла. Встретились хорошо. Злата работает у Щусева.

3 октября. «Земля богатырей» будет издаваться в Ленинграде, в отделении «Молодая гвардия», директором которого стал Дьяков Б. А. Вечером партсобрание.

Решили, что З. К. возьмет в Литературном институте отпуск на год с тем, чтобы сдать за этот год по заочному сектору.

13 октября. Взяли штурмом Ригу. 24 залпа в 11 часов ночи. Из-за тумана не видно ракет, только молочный свет озаряет Москву. 11-го ходили в кукольный театр Образцова «Ночь перед рождеством».

15 октября. Взяли Петсамо, с боями, с огромным напряжением. (...)

Помоги мне, боже, не расстраивать больше любимого и очень обожаемого человека. Сегодня разошелся: матери на дорогу отдала водку, консервы. А та свою карточку оставила для сына. Мне же — не привела в порядок шинель. Проворонила промтоварный лимит. Последнее особенно обидно: я отдал для нее, у нее ничего нет. Дай силы мне, боже, принимать все, как есть, и думать только о ежедневной, ежечасной работе.

Бунин-поэт — очень пресный и при устаревшем поэтическом словаре это особенно бросается в глаза. Мертвые слова, статичные стихи.

23 октября 1944 года. Приказ о вторжении в Восточную Пруссию (3-й Белорусский фронт, генерал армии Черняховский).

25 октября. Несколько дней правил и перепечатывал «Мать» для сборника Гослитиздата.

Сегодня получил телеграмму от Дьякова из Ленинграда: «Прошу передать Усиевич просьбу издательства дать вступительную статью вашей книге. Книга сдана производство, статья необходима 15 ноября».

31 октября. Вчера днём пролетело несколько чуть заметных «осенних мух» (снежинок). Сегодня утром все деревья были в инее. А днем снежинки были заметнее, но это еще не снег. Может быть, и будут еще дожди, но все равно осень эта была изумительной: сухой, теплой, долгой. Не забыть «золотой осени», какую я видел по пути от Никольска до Шарьи. Сегодня сдал сборник Гослиту (Петрову) уже в окончательном виде. Были вместе с редактором Гринбергом Иосифом Львовичем. (...)

1 ноября. Сегодня Щусев Алексей Викторович похвалил Злату при всех в мастерской за проект Туапсе. Она радостная, но не показывает виду. А я опять разворчался — очень плохо себя чувствую, раздражен на весь свет.

4 ноября. Договорился в Гослите о заключении договора на 3000 строк. 60% на днях можно получить.

8 ноября. 27-я годовщина Октября. Вчера были у Щириной. В 12 часов ходили в цирк с детьми. Вечером у Виленских читал стихи. Мне трудно здесь жить и работать.

10 ноября. Были Гринберг с женой, Виленский Борис Соломонович с женой, Жильцов Федор Семенович (один) и Иванов (художник). Вечером после ухода всех я нервничался, жаловался на свою судьбу. Виленская была

посредницей между нами, увещевала меня. Нехорошо. А утром еще добавил. В семейной жизни тоже можно проверить и закалить свою волю, удовлетворить свое желание быть лучше. (...)

14 ноября. Трагически погиб Иосиф Павлович Уткин. «Дугласа» из Бухареста (из Крыма?) не принимал аэродром из-за тумана (утром). Полетели на другой аэродром — там то же. Сели будто бы на лес или на провода.

Приглашен Потаповым и Лукиным по согласованию с Ильичевым на первую поэтическую среду «Правды».

15 ноября. Готовился к выступлению в «Правде» серьезно. «Клятву» выучил. Утром Злата спросонок сказала, что у меня сегодня день рождения...

Выступали: 1. Исаковский — перевод поэмы Кулешова. 2. Твардовский — Возмездие, Теркин в доме отдыха (очень хорошая, с умным весельем глава). 3. Симонов — Смерть друга (1942), О плохом дне войны — глава из пишущейся поэмы, «Не раз видав, как умирали», Дом в Вязьме, Город Пропойск (шутка). 4. Инбер — глава из «Пулковского меридиана» о Пегасике. 5. Яшин — Атака, Малая земля, Не умру, Зверолов, Клятва, Телеграмма, 6. Михалков — из книги, изданной в Гослите (веселые стихи). 7. Маршак — из английских баллад, новые детские стихи.

Был Заславский Давид Иосифович. Я читал прилично, ни разу не сбился. Успех имел. Инбер сразу после официальной части сказала, что «Клятва» среди многих других стихов выглядела слишком риторичной, сухой. Потом был в отделе литературы и искусства ужин с коньяком и цинандали. Михалков, увидав столы, сказал: «Устраивайте не одни четверги и пятницы...» Инбер добавила: «И чтобы было семь пятниц на неделе».

Симонов и Михалков рассказывали о разных забавных историях. Я рассказал о медведе, подоившем корову, о лосе, зашедшем в деревню, о зайце, укусившем палец мальчугану. Поставил на обсуждение «Люблю» («Золушку»). Не понравилось. Стали говорить о «Клятве». (Кроме семи поэтов, присутствовали Ильичев Леонид Федорович, Потапов Кирилл Васильевич, Лукин Юрий Борисович, Кожевников и еще один кто-то и с Симоновым Ласкин). «Клятва» очень понравилась Кожевникову, Михалкову, Лукину. Говорили о дерзании. Симонов промолчал. Исаковский тоже. Твардовский и Маршак, в общем, похваливали. Ильичев ничего не сказал. Вчера я отдал ему

«Клятву» в Златиной книжке и сегодня просил внести в нее поправки. Он ответил: «Потом, все потом, буду еще читать». Обратно на машине «Правды». Дома ждал меня Дьяков. Не встретились — жаль. Между 25/XI и 5/XII обещает вызвать в Ленинград. Числа 25/XII обещает книжку выпустить.

Бесплатную путевку на лечение в Сигурамо мне не дали, поэтому пока остаюсь в Москве.

25 ноября. Получил командировочное удостоверение от ЦК ВЛКСМ в Ленинград. Поеду послезавтра.

Был на секции поэтов. Обсуждали С. Васильева «На Урале». Я выступил, говорил о профессиональном подходе поэта к своей работе, к выбору темы.

Чувствую, что я живу больше мелкими семейными делами и интересами, а семья должна быть на втором плане во всех соображениях: распределение внимания, энергии, времени, денег. Послал одноклассник Жуковского Зое Павловне. Послал письмо Татьяничевой.

27 ноября. Выехал в Ленинград «Стрелой»: отправляется в 17 часов, в 11 часов утра — Ленинград. Билет 256 рублей, мягкий.

С 28 ноября по 12 декабря пробыл в Ленинграде. «Астория», № 22. Гранки пришли очень поздно (6/XII), и я жил зря. Снова пересмотрел все стихи. Восстановили, но после Дьяков опять начал резать. Книгу иллюстрирует гравюрами Мочалов Сергей Михайлович — «лучший художник-гравер», как говорит о нем Дьяков.

В Ленинграде дешевы книги. Накупил много.

10/XII читал по радио: «Атака» и «Очень много солнечного света». 11/XII выступал на 1-м литературном понедельнике «Молодой гвардии» вместе с Берггольц Ольгой Федоровной и Голубевой Антониной. 4/XII был у меня Дудин Михаил Александрович, ночевал. Понравился: веселый, страстный, но и трезвый человек. Поэт хороший. Пили водку, закусывали водой. Звонила Злата. Отказался от путевки в Кисловодск.

Побывал у Азарова, где виделся с Вишневецкой Софьей Касьяновной. Был на секции ленинградских поэтов, где составляют сборник (мужской и дамский) ленинградских поэтов для заграницы. У меня были Лившиц и Чивилихин. Он прочитал хорошую поэму о боях на Волховском фронте. С Саяновым посидел в «Метрополе» за пивом. Случайно встретил Рожавину Аню. Виделись 2 раза.

4 января. Новый год встречали вдвоем со Златой. Момент наступления Нового года и до часу ночи сидел за письменным столом. Писал поэму «Инвалид войны» — выступление инвалида перед колхозниками. Волновался и строфы перед 12-ю часами написал другим размером — пришлось после выправить. Злата почти до 11.30 спала. Потом готовила стол.

Напряженно пишу книгу стихов о колхозе в дни войны. Сажу до 5—6 утра. С 23 декабря начал писать поэму об инвалиде войны.

Сегодня Злата часов до 4 с Лидией Яковлевной Бодровой работала над проектом Туапсе. (...)

5 января. Злата ночью родила дочь. Унес ей шоколад, печенье, сахар, яблоки, масло. Сидел до 6 утра, правил «Последнюю единоличницу».

6 января. Был в «Правде». «Клятву» сдают в набор. Пойдет ли в печать? Выправил еще кое-что. Сажу на сушмятке.

8 января. Выехал в Переделкино в дом отдыха.

17 января. Взяли Варшаву.

19 января. Пять салютов: Краков, Лодзь, прорыв в Восточной Пруссии, выход к Силезии, выход к южной границе Восточной Пруссии.

Не пойдет сейчас в «Правде» моя «Клятва».

6 февраля. Вечером читал 20 стихотворений из новой книжки (о колхозе в дни войны) в гостиной Дома творчества (Бонди, Грифцов, Арго, Липкин, Тарковский, Н. Чуковский, Сергей Павлович Бобров, Бляхин). Хорошо приняли.

7 февраля. Выехал в Москву. Передал рукопись книжки (20 стихотворений) Поликарпову и Лейтесу. Лейтес сказал, что понравилось, предложил устроить вечер. Я пока отказался.

9 февраля. Перевез Злату с Наташей в Переделкино на «эмке». Весь день ждал машину. Путевки нам обоим (ей только на питание) с 10/II по 10/III — по 1000 рублей.

10 февраля. (...) Я не хочу больше жить и работать ради денег, не хочу думать о них. Скоро 20-е число, надо опять для детей посылать. (...)

17 февраля. Читал «Сосновую гриву» Корнелий Люцианович Зелинский. «Осину» совсем не принял. В книжке — идиализированная деревня, даже балагурство. Нет исторической перспективы. Не нравится ему, что автора нет в ней. Но и положительное говорил.

Отдал «Сосновую гриву» (20 стихов) в «Правду», в «Новый мир» и в оборонную комиссию. Перепечатают, буду выступать.

22 февраля. Ездил в Москву для встречи с Татьяничей.

27 февраля. Вечер Татьяничевой на областной комиссии. Успех. Будет издаваться книга в «Советском писателе».

С 27/II по 3/III был в Москве.

6 марта. Сегодня Розанов Иван Никанорович прочитал «Сосновую гриву» (сначала хотел читать по стиху в день, «смаковать», но я попросил его прочитать сразу). Говорит по мелочам. Цельного представления о моей работе он не имеет. По отдельности все «хорошо, хорошо», а вместо общей оценки сказал только, что ему нравится, что это книга стихов, а не сборник, что она цельная. Хорошо сказал, что поэту в начале печатанья (в первых книгах) нужно ограничить себя, чтобы войти в сознание читателя какой-то только одной стороной творчества, одной темой, одной манерой. Когда облик поэта для читателя будет ясен (сначала в одной запомнившейся линии), тогда поэт может уже и расширять диапазон своих книжек — и это уже будет вызывать интерес.

Если б мне хватило трезвости и сообразительности, когда я готовил «Северянку», — я бы мог сразу войти в литературу со своим «лица необщим выраженьем». Розанов сейчас разрабатывает новую «научную проблему»: отчего зависит успех книги поэта.

Недавно «Сосновую гриву» читал Фадеев Александр Александрович. Он очень хвалил.

8 марта. Вместе с Павленко был приглашен на праздничный вечер работников городка и Дома творчества писателей. Читал стихи.

Хорошо работалось в Переделкино только в течение первого месяца, до приезда Златы Константиновны. (...)

10 марта. Приехала в Переделкино Татьянаичева и сегодня вечером читала стихи. Выступали: Бек, Канторович, Чуковский, Львов, Розанов, Островская, Важдаев и Яшин (председатель). Хвалил даже Бек.

1 апреля. Вчера выступал на вечере поэтов в лектории МГУ. Председательствовал Антокольский. Было два отделения: 1. Яшин, Шевелева, Софронов, Ошанин. 2. Голодный, Коваленков, Долматовский, Антокольский. Я читал: «Не умру», «Сталин в землянке», «Мы опять в Германии», «Шинель», «Заречная красавица», «Течет речка», «Отпускник», «Осина», «Телеграмма».

Вчера же случилось большое несчастье: Литгазета неожиданно напечатала мою «Клятву», когда она набрана в «Правде» и вот-вот должна была появиться. Случилось так: вечером 30-го я принес в Литгазету стихотворение, посвященное Пришвину. Ковальчик почитала, ей понравилось, но она сказала, что сегодня номер уже готов. Я попросил ее еще передать Суркову «Клятву» для ознакомления. А они поспешили ее тиснуть немедленно, что-то сняв на ходу.

Номер 2-й за 1945 г. журнала «Смена» открывается моими лирическими стихами: «Атака» (конец вылетел в последнюю минуту), «Вспоминаю о тебе», «Не разучился ли ходить за плугом».

Вчера на вечере многие просили послать им или переписать для них «Осину», «Телеграмму». Артист драмтеатра Ханов Александр Александрович читает мое стихотворение «Памяти брата» и еще что-то чужое под моей фамилией. Дал ему «Осину». Обещал послать книгу. (...)

3 апреля. Очень дружная весна. Вчера был пасмурный день и очень сильный ветер, а ночью шел (...) дождь. Утром мы удивились: даже в лесу снег почти весь сошел. Это за одну ночь. Вероятно, в низких местах наводнение.

С сегодняшнего дня взяли в домработницы няню — Марию.

16 апреля. С поездом 8.40 из Переделкина еду встречать Дьякова с книгой «Земля богатырей». Получил

10 экземпляров. Много опечаток. По радио передавались мои стихи.

17 апреля. Первое совещание поэтов и композиторов о работе над песнями к Дню Победы.

21 апреля. Центральная группа наших войск, взяв много городов западнее Одера, завязала бои в пригородах Берлина.

22 апреля. В «Комсомольской правде» мое стихотворение «В День Победы». Писал для «Правды», она передала в «Комсомолку».

23 апреля. Жуков и Конев вступили в Берлин и ведут бои на его улицах.

25 апреля. Завершено полное окружение Берлина. Открылась конференция в Сан-Франциско.

27 апреля. Был у Усиевич. Отдал «Землю богатырей» и читал «Сосновую гриву».

Выступление Сталина с обращением к Красной Армии и войскам союзников по поводу соединения союзников в центре Германии у г. Торгау (Конев — 25/IV в 13.30). Передано обращение Черчилля и Трумена.

29 апреля, воскресенье. Рабочий день.

Сообщено предложение Гимmlера о безоговорочной капитуляции Германии только перед Великобританией и США. Отказались принять. С 30 апреля в Москве отменяется затемнение. В «Комсомольской правде» моя «Осина» — от 29/IV.

30 апреля. Ночью на 1 Мая ходил по Москве (центр, Красная площадь). Звезды зажглись. Столица освещена.

Вчера полковник Ярош — зав. отделом печати Гл. ПУ ВМФ сообщил по телефону, что разрешение на поездку на Одер, Дунай мне дано.

1 мая. В Литгазете мои 2 стихотворения: «Далекie походы», «Весна по всем дорогам». Взяли город Бранденбург. Солнечный день. Чувствую себя плохо: уже третий день на теле словно ожоги крапивы.

2 мая. Завершен разгром «котла» западнее Берлина. Всего взято в плен более 120 тысяч немцев.

Жуков и Конев взяли Берлин. В 15 часов гарнизон сложил оружие. Салют в 23.30 — 24 залпа из 324 орудий.

Была Алена Лаврова. Ходил к Реформатским. Был пьян.

7 мая. На совместном вечере композиторов и поэтов прочитал: «Русский человек», «Кто брал Берлин» (закончил сегодня вечером), «Хмель».

В Москве стало известно о капитуляции Германии. Позвонил в «Правду» — точно. Очень все ждут.

8 мая. Конев взял Дрезден и броском вышел в Чехословакию — 70 км от Праги. Снова весь день ждали сообщения о капитуляции Германии. Я был у Поликарпова, взял отношение на имя председателя Моссовета о жилплощади. Потом — В «Октябре» с Юнович согласовал вопрос о 10 стихах для № 5. В 10 часов передал по телефону в «Комсомольскую правду» стихотворение «Свершилось, дождались» («Кто брал Берлин»).

Лег в 12.30, и оказалось, что в 2 часа ночи было передано сообщение о безоговорочной капитуляции Германии.

9 мая 1945 г. Праздник Победы.

Конев стремительным ночным рейсом танковых соединений взял Прагу — это 8-я европейская столица, взятая нами: Варшава, Бухарест, София, Будапешт, Белград, Прага, Вена, Берлин.

Со Златой поехали на Красную площадь в метро и не смогли нигде выйти, поэтому главного салюта не видели.

Написал днем стихотворение «Праздник Победы».

10 мая. В Клубе писателей митинг, посвященный Победе. Выступали: Тихонов, Вишневский, Лебедев-Кумач, Федин, Первенцев, Антокольский, Караваева, Сурков.

11 мая. В «Правде» мое стихотворение «Праздник Победы».

12 мая. В 9.30 выступал по радио в передаче «Стихи советских поэтов». Заслуженный артист (МХАТ) Белокуров, Степан Щипачев («Солдат») и я — «Кто брал Берлин» и «Праздник Победы». Потом опять Белокуров — читал Прокофьева, Расула Рза, Леонидзе и Каменского.

15 мая. Открылся пленум ССП (10-й) в Политехническом музее в 4 часа дня. Я — делегатом.

17 мая. В «Комсомольской правде» мое стихотворение «Торжество победителей».

18 мая. В Моссовете отдал письма для Попова о квартире (от Поликарпова и коллективное — писателей-поэтов).

22 мая. Закончился пленум ССП. У меня было написано выступление, но выступить не пришлось. (...)

25 мая. Все нет теплой погоды, а уже и тополя в зелени. Сегодня идет густой мокрый снег — второй раз во второй половине мая. Тает сразу, на земле его нет.

9 июня. В «Комсомольской правде» мое стихотворение «На уроке» («Хозяева»).

12 июня. Закончил повесть в стихах «Николай Козлов»¹ и сразу почитал Язвницкому Валерию Иоивлевичу и Черневу-Леонову Леониду Ивановичу. Им понравилось.

14 июня. Написал концовку «Николая Козлова» и в 10 часов утра читал Фадееву А. А. Он считает удачей, только нужно кое-что развернуть. (...)

20 июня. Читал наброски гимна комсомола Пенкину.

21 июня. Писал для краснофлотского радиочаса выступление со стихами.

23 июня. В Переделкине прочитал роман Валерия Иоивлевича Язвницкого «Сквозь дым костров» (18-й век. Испания, Франция — инквизиция, гонения на ученого-врача, исследующего работу вырезанного сердца. Дидро, Гольбах).

24 июня. *Парад Победы*, посвященный встрече победителей, и демонстрация. Лил дождь, было холодно, и демонстрантов распустили, все промокли. Воздушного парада не было. Мы со Златой зашли в одну церквушку (Троицын день), поют: «Подай, господи!» И это слилось с приветственными лозунгами: «Слава Красной Армии, водрузившей знамя Победы над Берлином!»

В 8 часов вечера в ЦПКиО читал стихи: «Далекie походы», «Шинель», «Телеграмма». В 11 часов вечера фейерверк (ракеты) и огромное количество цветных прожекторов (напоминают Чюрлениса). Были на крыше, потом смотрели с балкона. Туман все скрадывает. В 1 час ночи едем в Переделкино.

30 июня. Вчера заключен договор с Чехословакией о воссоединении Закарпатской Украины с СССР.

7 июля. В «Правде» мое стихотворение «Русский человек».

9 июля. Солнечное затмение. Наблюдали в Переделкино, на участке дачи Пастернака. Был установлен телескоп В. Асмуса.

¹ Поэма «Николай Козлов» объемом в 2 печатных листа по советам редакций сначала журнала «Октябрь», затем журнала «Новый мир» подверглась неоднократной доработке А. Яшина, получила ряд новых названий — «Возвращение», «После войны» и т. д. (варианты поэмы хранятся в Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина) и, наконец, превратилась в поэму (почти 8 печатных листов) «Алена Фомина», удостоенную в 1949 году Государственной премии.

Пастернак, услышав, что меня называют Яшиным, подошел и хорошо поздоровался: «Я не знал, кто вы». Правая рука у него подвешена на платке. Как-то так вышло, что я ухватился только за 4 пальцы поданной левой руки. Но жал он крепко и долго. Я ничего не нашелся сказать, кроме «Приветствую вас!».

21 июля. В «Правде» мой перевод эстонского поэта Яна Кернера «Победа».

22 июля. День ВМФ. В «Правде» мое стихотворение «Русский моряк». В 12 часов дня выступал в Детском парке Пролетарского района. Рассказывал о моряках и читал стихи. В 9 часов вечера снова выступал в ЦПКиО.

25 июля. Вчера приехал Дьяков, привез исправленную «Землю богатырей». В ЦК ВЛКСМ у Пенкина встретились четверо сталинградцев с Василием Коротеевым. Коротеев недавно был в Сталинграде. Город в прежнем состоянии. Народу жить негде. (...)

Интересно бы записывать все злободневные анекдоты, это живой иллюстративный материал эпохи: На Крымской конференции, прощаясь со Сталиным, Черчилль сказал:— До встречи в Берлине!— Сталин ответил:— Милости просим! (Сбылось.)

26 июля. Весь день правил «Песню о бойце».

Вечером позвонил Корниенко: *он поздравил с наградением орденом Красной Звезды*. Я пошел к метро «Смоленская» (10 часов вечера), сорвал «Красный флот» от 26/VII — 45 г., где опубликовано окончание Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля. В конце раздела «орденом Красной Звезды» стоит: 358. Капитана ЯШИНА Александра Яковлевича. *Это первый орден.*

6 августа. С редактором «Сосновой гривы» Евгенией Федоровной Книпович просмотрели весь сборник.

9 августа 1945 года. *Началась война с Японией* — «единственной в мире страной, желающей продолжения войны».

Днем заходил ко мне Вишневский. Говорит об атомной бомбе: вес 2 кг. Уничтожает целый город. Остров Хонсю в огне. Сейсмографы зарегистрировали взрыв как землетрясение.

Вечером слухи о капитуляции Японии. Погодин на ходу бросил: атомная бомба весила 5,5 кг. Уничтожила весь порт и город.

14 августа. В 8-м часу вечера пришла на квартиру из Гл. ПУ ВМФ посыльная Тоня Рязанцева с запиской о том,

что мне 15/VIII в 11.30 нужно явиться в Кремль за получением награды. Завтра в Кремль, в первый раз в жизни.

15 августа. Безоговорочная капитуляция Японии (вчера).

Был в Кремле. Получил орден Красной Звезды. С 11.30 до 1 часа ждали. С 1 ч. до 2 часов выдача наград. Потом снимались. Вышел из Кремля в 2.15. Выдавал зам. пред. Президиума Верховного Совета СССР Палецкис. (...)

17 августа. Япония «безоговорочно» капитулировала, а военные действия ведет с неослабевающим ожесточением, даже контратакует. Командование Красной Армии объявило о продолжении наступления. (...)

19 августа. Ездил на Тушинский аэродром на «эмке» «Правды» с фотокорами. Около 2 часов было сообщено об отмене авиационного праздника. И хлынул длительный ливень. Промокли до костей, как в день парада Победы.

21 августа. Передал в «Правду» стихотворение «Мы крылатые». Сразу сдали в набор. Прочитал Твена «Принц и нищий».

22 августа. Весь день (с 2 до 11 ночи) протолкался на Казанском вокзале, ждал 89-го поезда из Челябинска (должна была прийти книга). Встретил, но никакого Назарова не нашел. Вагона 13-го в составе не было. Очень горько.

23 августа. Был передан приказ Сталина — первый за дни войны с Японией и, очевидно, последний, итоговый — и в 10 часов 24 залпа из 324 орудий. С 9-го августа пройдено 950 км. (...)

24 августа. Получил по инвалидным ордерам китель, брюки, 5 метров ткани. Пишу стихотворение о Победе (маленькое).

1 сентября. Пришла с Назаровым Борисом Васильевичем книга из Челябинска «Клятва».

2 сентября. Япония подписала на американском линкоре «Миссури» акт о безоговорочной капитуляции.

3 сентября. Праздник победы над Японией.

4 сентября. Выступал на митинге в ССП.

5 сентября. В «Правде» мое стихотворение «Год победы».

7 сентября. Писал стихотворение о хлебе.

10 сентября. Все еще не могу дописать стихотворение о хлебе, хотя сейчас уже все основное есть.

Сегодня проводил Злату в Кишинев — через Одессу (командировка). Положил Злате в чемодан, как сюрприз, 500 рублей. Наташа в первый раз по-настоящему стукнулась, упав с дивана. В первый раз она мгновение стояла на ногах без опоры. Но я не видел, как это было.

11 сентября. Передал в Челябингиз следующую телеграмму: «Книгу получил. Благодарю всех работников издательства. Москва завидует качеству вашей работы. Директора целую. Прошу сто экземпляров. Ожидаю расчет. Яшин».

15 сентября. В «Правде» мое стихотворение о хлебе — «На осенних дорогах».

Спелой ржи золотистым цветом
Славлю русское бабье лето.

Сколько лучиков у колоска,
Каждый светит и каждый греет.
От соломенного пояска
Загорелая горсть теплеет.

По проселкам на большаки,
К ближним станциям, даже ночами
Мчатся с хлебом грузовики
Под брезентовыми чехлами.

За обозом обоз идет,
Ветер листья метет по следу...
На вокзалах попутных подвод
Ждут вернувшиеся с победой.

Рады воины порожнякам.
Любы им и леса и тропы,
Едут войны — из Европы,
Из Маньчжурии — по домам.

На порожних мешках сидят,
Зерна свежие пробуют на зуб,
На родные поля глядят —
Сладко сердцу, отрадно глазу.

Пусть обозы скорей идут,
Их не только солдаты ждут.

СОДЕРЖАНИЕ

Э. К. Яшина. Трудная служба поэта	3
1941 год	7
1942 год	46
1943 год	135
1944 год	163
1945 год	183

Александр Яковлевич Яшин

ДНЕВНИКИ

1941—1945

Редактор А. Г. Перепелицкая
Художественный редактор Э. А. Розен
Технический редактор Л. Б. Чусва
Корректор Н. Д. Бучарова

ИБ № 424

Сдано в наб. 3/IX-76 г. Подп. к печ. 4/II-77 г. Формат бум. 84×108¹/₃₂.
Физ. печ. л. 6,0. Усл. п. л. 10,08. Уч. изд. л. 10,69. Изд. инд. ХД—88.
А05845. Тираж 50.000 экз. Цена 85 коп. Бум. № 1 типогр. Закал 1395.

Издательство «Советская Россия», Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

